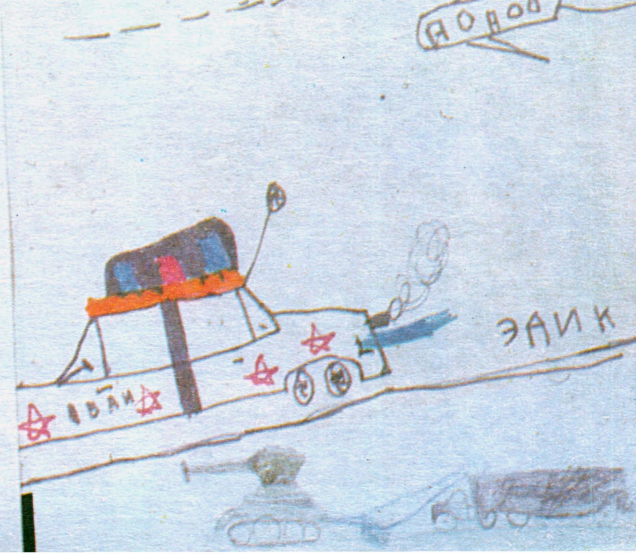
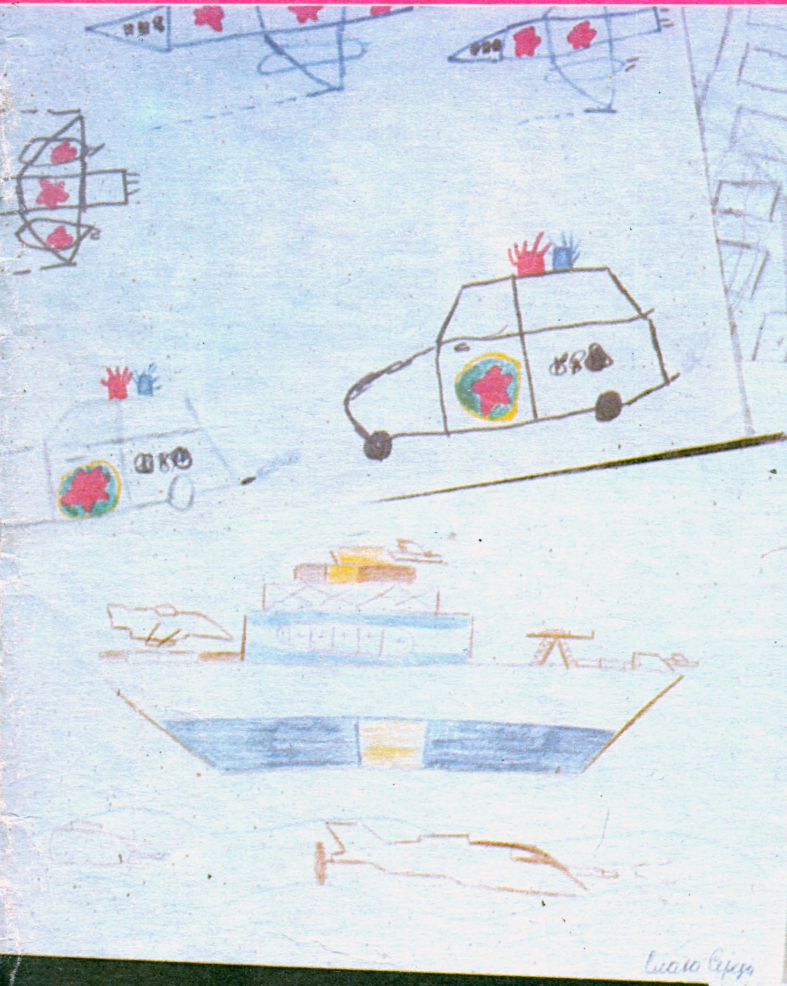

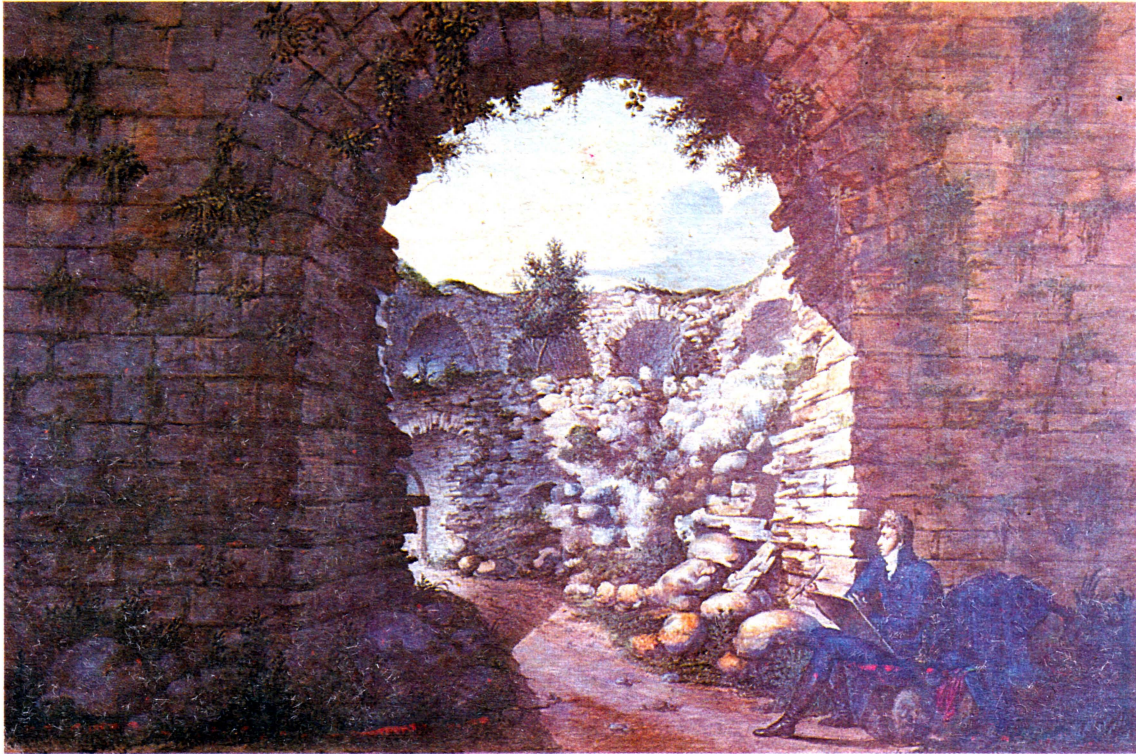
Следопыт

U R A L S T A L K E R

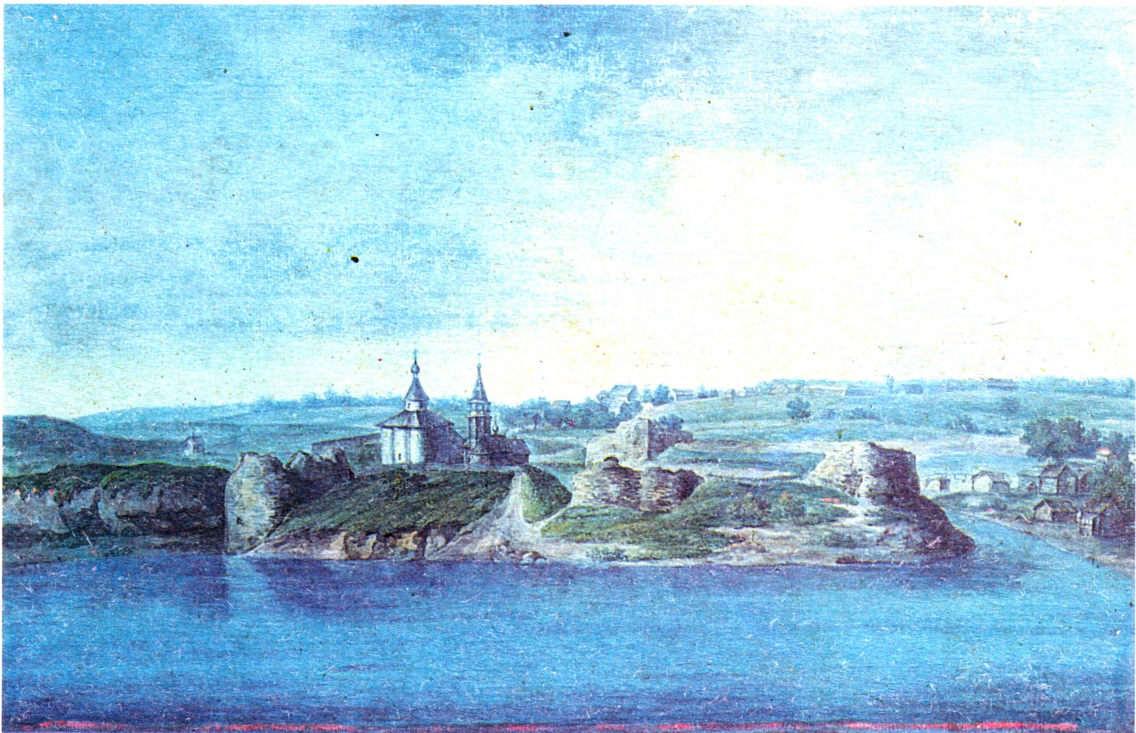
ISSN 0134 - 241X

Староладожская крепость (вид ворот)

Староладожская крепость. Рисунки Д. И. Иванова, 1808 г.
Из альбома Бороздина

Слайды к материалу
«Здесь звучат старинной скрипкой...»

УЧРЕДИТЕЛИ –

Союз Писателей России,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудовой коллектив журнала

ИЗДАТЕЛЬ –

Издательство
«Уральский следопыт»

Журнал основан в 1935 году,
возобновлен в 1958 году.

РЕДАКЦИЯ:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей ГРИГОРЬКИН
(главный художник),
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Ольга НАГИБИНА
(исполнительный директор),
Андрей ПОНИЗОВКИН,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Нина ШИРОКОВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ, Сергей
КАЗАНЦЕВ, Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН, Николай
НИКОНОВ, Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ, Марат
ШИШИГИН

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
620219, г. ЕКАТЕРИНБУРГ,
ГСП-353, ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
223-662 (ФАНТАСТИКИ),
224-501 (КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Компьютерная верстка выполнена
в ТМ "КВН УПИ"
Оператор: А. БЕЛЯШКИН

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
"Росвязьинформа"

Бракованные экземпляры отправлять
в Чеховский полиграфический комбинат.

Подписано к печати 02. 03. 1993.

Формат бумаги 84x108 1/16.

Бумага типографская N2.

Офсетная печать.

Усл. печ. л. 8, 96

Уч.-изд. л. 13, 4

Усл.кр.-отт. 7, 8

Тираж 115110 экз.

Заказ N

С.-3

Орден Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации
Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской обл.

На 1 стр. обложки коллаж из рисунков детей
к материалу "Глядя на взрослые игры"

Слайд В. ДОНЕЦКОГО

© "Уральский следопыт", 1993 г.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ URAL STALKER

В НОМЕРЕ:

март 3/1993

«Здесь звучат старинной скрипкой...» Анатолий ЦВЕТАЕВ	2
Вторая имени Павленкова Юрий СЕНТЯБРЕВ	4
Жизнь и смерть атамана Дутова Вячеслав ВОЙНОВ	5
«И привидится светлая женщина...» Стихи Андрей ШИРЯЕВ	13
Жена Щорса Владимир БОРИСОВ	14
Безымянная слава Игорь НЕПЕИН	15
Абрекь. Повесть Юрий КОРОТКОВ	17
Редакционная страница	29
Планета-Мечта. Фантастическая повесть. Окончание Валентина КАЛИНИНА	31 (43)
Заочный КЛФ	48
По следам сколотов Михаил ДОМОВ	51
Какая она — первая любовь?	65
Ботинки всмятку. Быль Марат ШИШИГИН	69
Глядя на взрослые игры. Очерк Сергей МОШКИН, Виктор РУДЕНКО	71
Биогумус, или Секреты земляного червя Валерий ПРОНИЧЕВ	75
Дом маленького мужчины Светлана ПАНЧЕНКО	77
Мир на ладони	78
Рядом, но сами по себе... Кася ПОПОВА	80

ПОПРАВКА

В первом номере нашего журнала за 1993 год в информации о журнале «Путь к себе» его подписной индекс указан с опечаткой, верно: 71130.

Анатолий ЦВЕТАЕВ

“ЗДЕСЬ ЗВУЧАТ СТАРИННОЙ СКРИПКОЙ...”

бьедив, без малого, всю Россию, берусь утверждать: дорога из Волхова в первую столицу Древней Руси — самая прекрасная из дорог.

Сядьте на станции Волховстрой в автобус 23, желательно по ходу с правой стороны, и никакая сила не оторвет вас от окна.

Сразу по выезде из города вас встретит старинный Ильинский парк с уникальной на северо-западе дубовой рощей, с вековыми деревьями, которые помнят, кажется, самого Рюрика. Шумят, как новгородское вече, словно сияются повесть о чем-то.

Далее дорога идет по высокому былинному берегу великой русской реки Волхов, и оттуда видно далеко-далеко «во все концы света». А над самой головокружательной кручей, буквально в одном метре от жуткого обрыва, неожиданно появляется творение выдающегося русского архитектора В. В. Стасова — церковь Ильи Пророка, вся до купола покрытая растущими прямо из камней березками, — издали словно в меховом воротнике.

Потом идут поля, овраги, и случается встреча с настоящим чудом — будто из земли, по мере приближения к Старой Ладоге, вырастают, как в сказке, луковичцы церковей Никольского монастыря.

«Я это видел», — воскликнете вы. И действительно, этот эффект встречи с чудом постоянно используют кинематографисты, снявшие не один фильм «про старину» в Старой Ладоге. Эффект еще усиливается, если вам скажут, что место называется «Победище» и в течение тысячелетний храбрые ладожане празднуют здесь, на захватывающих дух просторах, победы над многочисленными врагами.

Вспомним: история каменных памятников начинается XI веком. Два древнейших сооружения — Киевская и Новгородская Софии. Из следующего XII века до нас дошло менее десятка. Два из них — Успенский и Георгиевский соборы — находятся в Ладоге. Сколько себя помню — стоят соборы в лесах, леса приходят в негодность, сооружаются новые... Госу-

дарство, созидающее грандиозные монументы, не в силах восстановить десяток своих древнейших зданий — достояние не только русского народа, но и всего человечества.

Интересно, что еще задолго до Сталина и «сталинщины» многие монастыри северо-запада по распоряжению Г. Е. Зиновьева, председателя Петросовета, были переоборудованы в «допры» — дома пере-воспитания. Ведь монашеские кельи так легко превратить в камеры. Их так и называли в народе по имени инициатора — «Гришкины стрижки».

Патриархальной тишины в Ладоге, самом старом русском городе, нет и в помине. Прямая, мощная трасса, как штык, прошивает поселок с юга на север.

Как полагают историки, Ладога гораздо старше Киева и Новгорода. Однако ее каменная крепость была заложена лишь в 1114 году. «Павел посадник Ладожский заложил Ладогу город камня», — свидетельствует летописец. Деревянная крепость, естественно, не сохранилась. О более далеких временах говорят только окружающие Ладогу курганы — могилы варяжских конунгов, в одной из которых, самой величественной, по преданию похоронен «вещий Олег».

И вот из-за каменных толщ, бастионов, строительных лесов Георгиевского собора белым лебедем выплывает деревянная крепостная церковка Дмитрия Солунского (XVII в.). Маленькая лодочка в окружении могучих башен-кораблей.

Рядом с крепостью, на берегу маленькой речки Ладожки, впадающей в Волхов и образующей классический крепостной «треугольник», находится знаменитое городище, где вели раскопки многие прославленные археологи от Ольденбурга до Кирпичникова. Ведь мы так мало знаем о наших предках. Что сохранилось? Десятки ветхих «сооружений» да несколько черневших рукописей. И все. А здесь...

Культурный слой здесь
с двухэтажный дом!
Века читаются, как кольца годовые —
Мятежные...
Глухие...

Лиховые...

Начертаны бедою и трудом.

Горшок с золой, ладонка «от чумы».

Гребенка.

Серьги.

Сабелька ребенка.

Нательный крест...

Сначала — это мы.

Вот этот слой заржавленной щеченки.

А глубже?

Там — секиры и мечи.

Какими были ВЫ?

Душою, нравом, ростом?

Идут раскопки.

Горизонт молчит.

Стихов еще не найдена береста.

Размышляю над судьбой поколений русских людей. В древнейших ладожских храмах предельно выражена ясность духа и душевное равновесие. Это отличает суровый облик древних храмов северо-запада от более поздних храмов владимирской Руси с ее баяновой сказовостью и барочной замысловатостью. Древние наши предки не знали уныния, этого духовного бича нынешней сложной эпохи. Сколько раз горела Ладога, сколько раз враги пытались сломить ладожа? И всякий раз на месте разрушенного храма появлялся новый. Восемь построек на одном фундаменте! И только в эпоху крутых соцэкспериментов эта традиция дает сбой.

Одна из ярких страниц истории Ладог, которая прочитана нами лучше, чем древность, так как сохранились народные предания, это роль Ладог в период Смуты. Имеется в виду нашествие шведов Якоба Делагарди на Русский Север в 1610-1611 годах. В то время, когда, как говорил поэт, «Лжедмитрии ходили по Руси», а великий гражданин Козьма Минин собирал ополчение, ладожане показали невиданную стойкость духа и преданность земле русской.

ОЛЕНИН ПЛЯС

Гордо гарцует в горнице угарной,
Потянувшись до хруста в кости,
Славный рыцарь Якоб Делагарди

Приказал преступников ввести.
Кулаки в столешницу впечатал.
На лице изобразил печаль.
Перед ним два отрока. «Волчата,
Отвечайте, кто вам дал пицаль?»
Тишина. Старшой стоит, скучает.
Младший мертво губы закусил —
Так беду неожиданную встречают
Отроки от века на Руси.
Загremели жутко алебарды,
Дрогнули доспехи. Не сломать
Женскими руками. Леопардом
Бьется их молоденькая мать.
«Хох! Пусть знают руссы благородство,
Эх, хронограф, сядь и запиши:
Я прощаю этих двух уродцев.
Ну, а ты, красавица, спляши.
Торопись, чего мурло раззявил.
На века в Историю впиши —
Нынче гости потчуют козыев
За «уют» и звонкие гроши».
Но застыли «гости» изумленно,
Как глаголят нынче, «впали в транс».
Только шепот из толпы: «Олена...»,
Только шомпол люто взвизгнул
«Danz!»

Кто сказал, что мы всего лишь тени.
Жалкие, бесследные. Вранье.
Стонет роща в мерзлом запустеньи
И над ней гогочет воронье.
Ливень бьет. Овраги стонут глухо.
Чудится зубовный чей-то лязг.
«Что за место?» — я спросил. Старуха
Молвила в ответ: «Оленин пляс».

Семь месяцев длилась оккупация Ладоги шведскими «помощниками» в войне с Речью Посполитой. Вскоре шведы отбросили всякий камуфляж и превратились в самых обыкновенных грабителей. Широко развернувшаяся партизанская борьба «шишей», поддержка всей России, привели к тому, что шведы сели за стол переговоров. В 1617 году в 50 км от Ладоги был подписан Столбовский мирный договор. (С тех пор в Ладогу ни разу не ступала нога иностранного завоевателя.)

Именно в это время в Ладоге строится замечательное каменное чудо — храм Иоанна Предтечи. Даже случайно проезжающие водители-дальнерейсовики говорят: «Посмотришь на этот храм, и устаешь как рукой снимает!»

Действительно, впечатляет не только храм, но и место для него выбрано исключительно удачно — на холме над богатырской излучиной Волхова. Храм писали многие современные художники (рядом их Дом творчества), но ни одна картина не в состоянии выразить красоту, открывающегося, как занавес, пространства.

Редкой красоты вид возникает с этого холма, кстати, одной из самых высоких географических точек низменного Юж-

ного Приладожья. Это и легендарная «Олегова могила», и Ахматова гора «Висельники тож» — место сбора татарскими баскаками дани, и Ивановский остров, где Иван Васильевич Грозный, огнем и мечом покоривший волнолюбивый Новгород, неделю ждал, когда зазвонят колокола — в знак признания ладожанами тяжелой московской руки, и заречное село Чернавино, где покоится прах уроженца этого села художника-передвижника Василия Максимовича Максимова.

А далее виднеется урочище Плакун с легендарными пещерами, где по преданию был подземный ход под руслом реки и прятались лихие люди; и тысячелетнее село Иссад, где сходятся главные пути русского Севера — Новгородский, Ярославский и Архангельский тракты и начинается Новая Ладога, созданная неумной энергией Петра Великого в устье Волхова — в один год с Санкт-Петербургом. Город, где еще теплится дыхание уездной старины.

Здесь звучат старинной скрипкой
Деревянные дома.
И от лодочного скрипа,
Крика птиц сойдешь с ума.
Шаткий мост цыганским хором
Затанцует, запоеет.
И лебедушко город
По каналу поплывет.

Но деревянные дома исчезают. Что делать, людям хочется жить в благоустроенных квартирах. Следующее поколение ХХI века уже никогда не почувствует запаха свежих поленниц, не сядет отдохнуть на окрыленные крыльечки, не услышит скрипа «журавлей» и того, что помнят до гробовой доски, — стука калитки родного дома.

Новая Ладога тесно связана с жизнью двух великих русских людей. Александра Васильевича Суворова, который писал здесь свою знаменитую «Науку побеждать» и учил солдат штурмовать крепости, приспособив под «учебное пособие» высокие монастырские стены, за что имел неприятности по жалобе Священного Синода. Ему поставлено в городе два памятника.

Жил здесь и другой офицер, ротмистр Ордынского конного полка Афанасий Афанасьевич Шеншин. Здесь он сочинял стихи, подписываясь «А. Фет». Ему в городе не поставлено ни одного памятника, даже улицы его имени нет. Ворошилова, Карла Маркса, Урицкого, которые никак с Ладогой не связаны, есть. А улицы Афанасия Фета нет.

Наиболее интересная достопримечательность города — «Дуб свободы», посаженный уходящими на фронт комсо-

мольцами в 1918 году в старом купеческом парке. Две войны прошло, коллективизация, индустриализация, приватизация, а дуб стоит «и желуди, словно патроны, рассыпаны в пыльной траве».

Велико значение города в героической блокаде Ленинграда. Здесь был штаб Ладожской военной флотилии, обеспечившей бесперебойность «дороги жизни» в летние месяцы блокады. В память об этом два корабля-памятника флотилии поставлены на вечную стоянку.

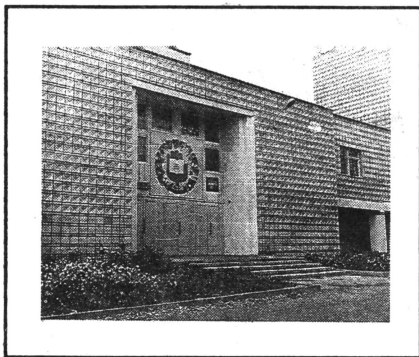
Процветание города тесно связано со «стройками века ХУШ» — каналами, первый из которых начал прокладывать еще Петр Великий; дабы избежать трудностей плавания по бурному Ладожскому озеру, самому глубокому и большому водоему Европы. Именно каналы придают Новой Ладоге облик «маленькой Венеции».

Ладога — районная Венеция,
Помоги, прости, утешь.
Вот и возвратился наконец я
Из страны надежд.
Здесь скамейки пахнут летом.
Это я нарисовал,
Словно на картинах Каналетто,
Парусов прощальный школьный бал.
Я бреду насквозь прозрачным парком.
Тоненький позванивает лед.
Белый голубь площади Сан-Марко
Семечки каленые клюет.

В городе, лежащем вдали от железных дорог и автомагистралей, всегда удивительно тихо, и если бы не исчезали знакомые с детства дома и не появлялись на их месте безликие «коробки», то казалось бы, что время остановилось, и ты, как в детстве, идешь по Николаевскому проспекту, а в конце пути, как и положено, белеет храм Рождества Богородицы — единственный на три окрестных района.

Слайды Бориса ВАСИЛЬЕВА

ВТОРАЯ ИМЕНИ ПАВЛЕНКОВА

То, что произошло 18 октября прошлого года в неброском уральском городке Верхняя Тура, можно, пожалуй, числить событием всероссийского масштаба. Заводская профсоюзная библиотека переселилась в новое современное здание. А на торжестве по этому случаю обнародовано решение малого городского Совета о присвоении библиотеке имени Ф. Ф. Павленкова. Это вторая на Урале библиотека его имени.

Начало этому событию, а также заводу и городу Верхняя Тура было положено в 1735 году, когда заявила о себе богатыми рудными запасами гора Благодать. У ее подножья вырос сначала Кушвинский, а затем Верхнетуринский чугуноплавильный и литейный завод. К основанию этого наш знаменитый Василий Никитич Татищев руку приложил.

В середине XIX века это был крупнейший в стране завод по производству боеприпасов к пушкам, мортирам и единорогам, а также чугунных снарядов и бомб. Говорят, еще мятежнику Пугачеву, а потом Суворову и Кутузову исправно служили верхнетуринские снаряды. Ныне в заводском музее бережется уникальная коллекция боеприпасов здесьнего изготовления всех времен.

А что же представлял собой поселок Верхняя Тура к началу нынешнего века? Дворов здесь было 1240. В них обитало 6330 жителей. Высился каменный храм, возведенный на средства казны и самих верхнетуринцев в 1832 году. К их услугам были два земских начальных училища и церковноприходская школа, больница и аптека, горнозаводское товарищество и 44 торговых точки.

Над всем главенствовал завод. В

1909-м он давал пропитание почти двум тысячам верхнетуринцев и их семей. Прочие занимались земледелием и промыслами: чеботарным, скорняжным, смолокурным, железоклепальным, шили сапоги, ладили сохи, обжигали кирпич... На слуху было, например, сохладное заведение наследников Дьячкова, где был сконструирован сабан «Туринка» — для вспашки тяжелых почв.

А еще ходили слухи о здешнем памятнике Александру II, поставленном в 1895 году: высокую колонну венчал бюст царя-освободителя.

В 1907 году в 2-классном земском училище появилась первая бесплатная читальня. Открыли ее на совместные средства земства и столичного издателя Павленкова, завещавшего на такие библиотеки миллион рублей. Было здесь сначала около 400 книжек, присланных наследниками издателя и любовно переплетенных заботами Верхотурской уездной управы. Библиотекой пользовались не только сами верхнетуринцы, приходили и жители близлежащих сел и деревень. В дальнейшем она пополнялась, а из училища была переведена в нанятую земством квартиру. Вплоть до революции носила имя издателя Павленкова.

От той библиотеки-первенца почти чудом уцелели несколько книг: сочинения Белинского, А. К. Толстого, Писарева и томик Ч. Дарвина со штампом «Домашняя библиотека М. Я. Небогатикова».

Нынешняя заводская профсоюзная, конечно, той, павленковской не чета. Она единственная на весь город «взрослая» библиотека. Только книжный фонд ее теперь насчитывает 46 тысяч томов. Но услови-

ям, в которых она пребывала многие годы, не позавидуешь. Занимала две комнаты в деревянном здании дореволюционной постройки на плотинке. Теперь сами ее хранители — заведующая Валентина Бавеловна Белоусова, ст. библиотекарь Любовь Николаевна Александрова, библиотекарь Елена Михайловна Ведерникова — диву даются: как умудрялись они в такой тесноте и антисанитарии работать ежедневно, оставаясь одним из немногих очагов и центров духовной культуры города.

И вот настойчивость и неутомимость энтузиастов книги, усилия руководителей завода (прежде всего его директора Ю. В. Логинова), строителей Североуральского СУ свое дело сделали: библиотека получила новое здание, по сравнению с прежним почти дворец, а город — просторный и благоустроенный Дом книги.

В торжестве и радости новоселья не был забыт и основатель верхнетуринской библиотеки — петербургский книгоиздатель Флорентий Федорович Павленков. Истории той давней библиотеки его имени в читальном зале посвящена музейная экспозиция. Здесь портреты Павленкова и его душеприказчика В. И. Яковенко, выписка из архивного документа, старые книги, несущие на себе следы прошедшего столетия...

Так в трудную для отечественной культуры пору начала свою вторую жизнь Верхнетуринская библиотека им. Павленкова. ■

На снимках: фасад новой библиотеки; ее заведующая В. В. Белоусова.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ АТАМАНА ДУТОВА

Войсковой атаман

Александр Ильич Дутов происходил из староказачьей семьи. Дед его был Войсковым старшиной, а отец оставшимся генерал-майором Оренбургского казачьего войска. Во время одного из походов в Фергану в городе Казалинское 5 августа 1879 года родился будущий Войсковой атаман.

Школа Оренбургской станицы, затем Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Академия Генштаба, русско-японская война, инспекторство в Оренбургском казачьем училище и, наконец, 1-я мировая — таков послужной список казака Дутова к 1917 году, ко времени свержения царствующей династии Романовых.

23 марта в Петрограде начал работу 1-й общеказачий съезд России. Сразу обратил на себя внимание командир 1-го Оренбургского казачьего полка — боевой офицер, уже перенесший ранение, две контузии, и умеющий говорить веско, значимо, что большинству казаков было «любю».

Съезд избрал 36 лиц, которые вошли во Временный Совет Союза казачьих войск. Товарищем председателя Совета стал А. И. Дутов. Так с марта 1917 года началась политическая карьера будущего атамана.

На Всероссийском казачьем

«В русскую революцию и гражданскую войну многие белые и красные военачальники освежали в памяти биографию Бонапарта. Не забыл ее и Дутов. У Дутова были данные: военный талант, храбрость, ораторский дар, умение поднять войска; но люди, близкие атаману, знали и иные черты казачьего офицера: легкомыслие и любовь к удовольствиям жизни, из-за которых подчас на многое махал рукой веселый атаман.»

В 1923 году в Западной Китае, к штабу уже выбитого из России Дутова, подскакал степной казак, привезший для атамана «секретный пакет». Дутов вышел к посланцу на крыльцо. Подкупленный агентами ГПУ киргиз подал атаману левой рукой пакет, а правой выстрелил в упор в Дутова и убил наповал. Так кончилась жизнь казак, атаман А. И. Дутов». (Роман Гуль. Красные маршалы. М., 1990.)

Талантливый писатель-эмигрант ошибся дважды: во-первых, покушение произошло не в 1923 году, а двумя годами раньше — 1921-м, во вторых, Дутов не был убит наповал, а смертельно ранен, да и вся сцена нападения не соответствовала действительности. Но не будем опережать ход исторических событий и расскажем все по порядку, используя документы архивов и прежде недоступные издания.

съезде 7 июня его избирают председателем Совета Союза казачьих войск.

Вскоре Александр Ильич прибыл в родные края — в столицу казачьего войска и Степного края — Оренбург. Здесь с его участием состоялось организованное собрание Совета казачьих депутатов. Наши исследователи старались это событие не замечать. Получив известие о попытке свержения 3-4 июля Временного правительства, Оренбургский Совет казачьих депутатов принял предложенную войсковым старшиной резолюцию. Приведем несколько ее пунктов, которые дают представление о тогдашних политических взглядах Дутова. «...3. Временное правительство обязано довести страну до Учредительного Собрания так, чтобы ни один основной закон Государства Российского не мог быть в корне изменен до этого собрания. Все же кардинальные вопросы, как-то: образ правления, земельный вопрос, вопрос об автономиях, не могут быть разрешены до Учредительного Собрания.

4. Анархия должна подавляться решительно, беспощадно и планомерно. Только при этом условии возможно восстановить мощь и дееспособность армии и организовать прочный тыл, а также противостоять врагам революции и свободы как слева, так и справа».

Первоначально Дутов вел политику сотрудничества с Временным правительством и его лидером А. Ф. Керенским, но к

августу 1917 года его симпатии стали склоняться к военному диктатору Л. Г. Корнилову. На московском государственном совещании, которое фактически стало смотром сил, стремящихся остановить ход революции на уже достигнутом рубеже демократической республики и не желающих прихода к власти экстремистски настроенных левых партий (большевиков, левых эсеров, анархистов), войскового старшину избрали товарищем председателя казачьей фракции.

Когда вспыхнул мятеж Корнилова, Дутов не скрывал своей симпатии к этому движению. Позже он вспоминал о столкновении с Керенским: «...Ваш покорный слуга был вызван к министру-председателю и там мне, чуть ли не под угрозой заключения в тюрьму, было предложено подписать бумагу, в которой Корнилов и Каледин назывались изменниками. Можете послать меня на виселицу, но такой бумаги не подпишу...»

В сентябре 1917 года в Оренбурге собрался чрезвычайный Войсковой Круг Оренбургского казачьего войска. Закрытым голосованием (записками) на должность войскового атамана был избран войсковой старшина А. И. Дутов, получивший 111 голосов. Атаман выступил с короткой речью: «Клянусь честью, что положу все, что есть: здоровье и силу, чтобы защищать нашу казачью волю-волюшку и не дать померкнуть нашей казачьей славе».

Избрание авторитетного, волевого, смелого, антибольшевистски настроенного казака атаманом третьего по численности казачьего войска имело для казачества и для пролетарской власти трагические последствия. Дутов единственный из 13 казачьих атаманов не самостранился, не был низложен или убит, а начал беспощадную борьбу с новой властью. Например, атаман Уральское казачье войска М.Ф.Мартынов сложил с себя атаманское звание, глава войска Донского А. М. Каледин застрелился, предводитель терского казачества М. А. Караулов был убит солдатами...

Позже атаман вспоминал: «Работая с 17 марта по 2 октября 1917 года, я участвовал во многих заседаниях Совета Министров, участвовал в Государственном Совете в Москве, был членом Совета Республики (предпарламента) и, наконец, членом Учредительного Собрания. За это время мне пришлось видеть воочию жалкую действительность жизни страны и это заставило меня понять, к чему и куда ведется страна. Два раза я был во дворце Кшесинской, видел Ленина и Троцкого, пытался разговаривать с ними, но ничего хорошего из разговоров этих не вышло».

После известия об аресте Временного Правительства, Комитет спасения Родины и революции, объединявший меньшевиков и эсеров, передал Дутову всю полноту власти Оренбурга. Юнкера и казаки заняли почту, телеграф, вокзал и другие стратегические пункты. В городе и губернии было объявлено военное положение: запрещались митинги, собрания, демонстрации.

Как же оценивал атаман происходящие события?

«Россия умирает. Мы присутствуем при последних ее вздохах. Была Великая Русь от Балтийского моря до океана, от Белого моря до Персии, была целая, великая, грозная, могучая, серая земледельческая трудовая Россия — и нет ее».

Атаман Дутов попытался превратить Оренбург в базу борьбы с новой властью, отрезав от Центра Среднюю Азию и богатую продовольствием Сибирь, надеясь объединиться с уральским, астраханским и донским казачеством и всеми противниками пролетарской диктатуры

для совместного похода на Петроград. Возрождались мысли о «казачьей Федерации».

Следует напомнить, что контрреволюционная власть установилась на огромной территории. В состав губернии входили Оренбургский, Орский, Челябинский, Троицкий и Верхнеуральский уезды. Около половины территории занимало Оренбургское казачье войско. Более чем 600-тысячное казачество в случае мобилизации могло выставить около 60 тысяч конных воинов, что в условиях гражданской войны являлось сокрушительной силой. Поэтому власть атамана зависела от того, поддержит ли казачество борьбу с диктатурой пролетариата. На первых порах надежды Дутова на «синие лампасы» до конца не оправдались, большинство казаков придерживалось политики нейтралитета, надеясь, что в будущем это зачтется, и новая власть сохранит автономию войска. На войсковом круге в декабре 1917 года атаману пришлось несколько раз брать слово, чтобы парировать многочисленные обвинения.

Опорой Дутова в экстремальных ситуациях было офицерство и большинство «синих лампасов» старших возрастов. В казачестве раскол на «красных» и «белых» принимал не классовый, а возрастной характер. Несмотря на острую критику, влияние атамана на круге было преобладающим. Как войсковой атаман он был избран 100 голосами из 163.

Следует отказаться от стереотипа, кочующего из одного издания в другое, о якобы изначальной кровожадной сути Дутова и его сторонников. Вот один пример. 14 ноября в Караван-Сарае арестовали зидных большевиков края во главе с С. М. Цвиллингом, которые уже подготовили приказ о переходе власти в их руки, аресте Дутова и демобилизации казачьих частей.

Какие же кары обрушил на задержанных атаман? Для того, чтобы изолировать арестованных от горожан, он отдал следующее распоряжение: «Препровождаемые, проявившие себя в г. Оренбурге как руководители большевиков, призывавшие к неподчинению Временному правительству и подготавлившие вместе с другими большевиками вооруженное выступление солдат, направленные по приказанию войскового атамана в вашу станцию».

Уверенный в оренбургских казаках, атаман приказывает «содержать препровождаемых впредь до суда под строгим надзором, не допуская ни побега их, ни каких-либо к ним посетителей».

Содержать в теплых помещениях, кормить так, как едят и сами казаки — небогато, но и не голодно, — и не допускать над ними никаких недостойных казаков насилий».

Писать письма им можно разрешить, но все письма направлять через войскового атамана...»

Шли первые дни революции. Большевики тоже отпустили офицеров под честное слово. Но скоро все изменилось.

Двухпартийное Советское правительство внимательно следило за развитием событий на Южном Урале. Для борьбы с атаманом отправляются в казачий край красногвардейские отряды из Самары, Уфы, Екатеринбурга, Миасса, Омска и других городов. В самом Оренбурге начинается забастовка пролетариата, которая продолжалась 71 день до вступления в город матросов Балтики.

Возвращавшиеся с фронта казаки, находившиеся под сильным влиянием левосоциалистических партий, деморализовали тех, кто оставался верен Временному правительству. В среде казачества стали массовыми случаи отказа выполнять команды офицеров. Атаман 3-го округа Токарев телеграфировал из Троицка, что «...разлагающее влияние большевиков в 3-м и 6-м полках с каждым днем возрастает, на занятия не ходят, а митингуют... Командный состав парализован».

В январе 1918 года в Верхнеуральске открылся 2-й

чрезвычайный Войсковой Круг Оренбургского казачьего войска. Круг проходил в экстремальных условиях и имел необычное начало. Дутов заявил, что звание войскового атамана он с себя слагает. Круг услышал горестные признания Дутова: «...казаки ему не помогли, юнкера и прапорщики разбегались от первого выстрела...»

На кругу Дутов трижды отказывался от своего поста, предлагая казакам выбрать другого, более лояльного к большевикам атамана, считая, что возможно войско страдает из-за него лично. Круг отверг попытки Дутова уйти со своего ответственного, но крайне опасного в условиях пролетарской диктатуры поста.

Противостояние

Большевики и казачество. Каждая страница истории их противостояния окрашена кровью. В условиях, когда руководство Совнаркома грезило мировой социалистической революцией, новой власти и казачьему сословию договориться было невозможно. Казаки готовы были признать как пролетарскую диктатуру, так и попытки строительства социализма в России, но только при одном условии — сохранения автономии казачества, невмешательства в его дела, уважения традиций и обычаев. А этого-то как раз пролетарская диктатура допустить не могла. Лозунг «Кто не с нами, тот против нас» неуклонно проводился в жизнь.

На жестокую политику в отношении казаков влияло также и то, что в большевистском руководстве не было людей, которые бы хорошо знали жизнь казачества. Для них эта структура не вписывалась в стройную схему грядущего мирового братства, где все граждане будут на одно лицо, без буржуазных предрассудков в виде родины, веры, нации.

Сыграло свою негативную роль и активное привлечение царизмом казаков для подавления революционных выступлений пролетариата в годы первой русской революции.

Вероятно, подобные умозаключения нуждаются в подтверждении. Приведем лишь один из многих примеров.

«Ультиматум Новосергиевского штаба. Оренбург, Военно-Революционный Штаб. Копия Самара-Бузулук.

Ультиматум всем казачьим станицам и поселкам от военно-революционного штаба.

...революционный штаб от имени своего и от имени Красной гвардии заявляет; каждая станица все имеющееся вооружение должна сдать в двухдневный срок штабу, каждого вредного из своих членов станицы и поселка выдавать штабу, в противном случае за нарушение отдельными лицами будет отвечать станица и поселок, штаб будет расстреливать артиллерийским огнем и снарядами с удушливыми газами. Всех офицеров немедленно представлять в революционный штаб. Все нарушения или убийства красноармейцев и нападение будут караться расстрелом всей станицы и поселка, за одного убитого будет убито сто человек.

Председатель Революционного Полкового штаба — Корнилов».

Подобная провокационная политика привела к тому, что за атаманом Дутовым пошли не только и не столько

те казаки, кого новый строй мог обидеть экономически, но те, кого власть оскорбила морально, нравственно унизила, отринув весь старый быт, уклад, вековые традиции.

Отряды атамана Дутова начинают бурно расти, и к маю 1918 года ему удается образовать кольцо вокруг Оренбурга. Атаман, имевший склонность к журналистике, даже основал газету «Уральский маяк», где часто выступал под псевдонимом «Гражданин».

До прошлого года на секретном хранении находился поистине сенсационный документ. Оказывается, в мае 1918 года съезд делегатов от 27 станиц Оренбургского казачьего войска предлагал прекратить военные действия и пойти на мировую с Советской властью, забыв взаимные обиды. А ведь к лету 1918 года кровавый счет с обеих сторон был велик.

Вот этот документ:

«1. Оренбургский губернский и исполнительный комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов признает, согласно последовавшего распоряжения Совета Народных Комиссаров, автономии Оренбургского казачьего войска и неприкосновенности его территории.

2. Исполнительный комитет гарантирует созыв войскового съезда в г. Оренбурге. Съезд должен восстановить нарушенный ход работы войскового самоуправления.

3. Исполнительный комитет ни в какие дела казачьего самоуправления вмешиваться не должен.

4. Полное прекращение преследования казаков.

5. Оренбургское войско со своей стороны признает центральную власть Совета Народных Комиссаров.

6. Никаких посягательств на права населения г. Оренбурга и Оренбургской губернии войско иметь не будет, а равно не будет вмешиваться в деятельность существующих там учреждений.

7. В виду ненормальности работать в общественных учреждениях, теперь же предоставить право городскому и крестьянскому населению произвести свободные выборы должностных лиц — общественных учреждений.

8. Для спокойствия населения — полное разоружение красной гвардии и армии, впредь до организации охраны города вновь избранными общественными учреждениями».

У большевиков был шанс погасить пламя гражданской войны на Южном Урале, где основной контрреволюционной силой выступало казачество и офицерство, но оно не только не использовало эту возможность, а наоборот, стремилось довести разногласия до высшей степени, пытаясь только наганом, винтовкой и артиллерией разрешить спорные вопросы.

Было бы неверным относить к антибольшевикам все казачество. В ряде станиц, несмотря на ошибки правящих партий (большевиков, левых эсеров), началось формирование добровольных казачьих дружин. Троицкий чрезвычайный съезд Советов решил призвать в Красную Армию казаков двух сроков обучения и объявил запись добровольцев. Почему решился? Потому, что

первоначально предубеждения против казачества были настолько велики, что Оренбургский губисполком запрещал организацию казачьих соединений для борьбы с контрреволюцией.

Особенно охотно вступала в ряды Красной Армии казачья молодежь. Видный оренбургский большевик И. Д. Мартынов вспоминал: «Казачество в станицах было наполовину контрреволюционным, наполовину советским. Были на этой почве вооруженные столкновения и даже вырыты окопы. В станицах происходила открытая классовая борьба. Казаки, вернувшиеся с фронта, были настроены большевистски и выступали против зажиточного казачества, в некоторых семьях нередко родной сын шел против отца». В Верхнеуральском уезде были созданы сильные отряды из казачьей молодежи под командованием революционных казачьих офицеров братьев Н. Д. и И. Д. Кашириных. Интересные воспоминания о них оставил будущий маршал Советского Союза В. К. Блюхер: «Братья Каширины пользовались большой популярностью среди казацкой части отряда. Я бы не сказал, что они в то время были вполне политически сложившимися и полностью понимали свою роль. И. Д. Каширин был беспартийный. Одевался он немного помпезно, обычно носил красную рубашку. Н. Д. Каширин представлял собой резкую противоположность своему брату. Он уже в то время был членом партии. Это был скромный, сдержанный и умный командир». В 37-м году они оба разделили судьбу кадрового офицерства Красной Армии.

Восстание чехословацкого корпуса в мае 1918 г. решило исход противостояния в губернии. Сначала пал Челябинск, 18 июня Троицк, 17-го — Верхнеуральск. Из тургайских степей снова выступил атаман Дутов. Казаки объединились с войсками белочехов и 3 июля вступили в Оренбург. А 7 июля в город со стороны станции Нежинки выехал отряд партизан во главе с атаманом. Предоставим слово современнику: «...При следовании по Атаманской улице прибывших массы народа встречали восторженными криками, махали шапками, флажками, бросали цветы. А. И. Дутов ехал с обнаженной головой, держа в руке войсковую булаву». Городской голова преподнес ему хлеб-соль. На этом закончилось его командование партизанским отрядом, продолжавшееся с 10 марта 1918 года. Встреча настолько потрясла много испытавшего А. И. Дутова, что на следующий день был опубликован следующий, совсем не похожий на военный, приказ по Оренбургскому округу:

«...Среди встречавших я видел все классы населения. Здесь были и чиновник, и офицер, и рабочий, и крестьянин, и обыватель, и купец. Это указывает на признательность всего населения казакам за очищение Оренбурга от большевиков.

...Рабочие. Вы боитесь нас, казаков, и это напрасно. Я видел Вас среди молящихся на площади, значит, вы не забыли Бога. Я вижу Вас на работе у станков, значит, Вы признаете новую власть. Живите мирно и спокойно. Кара коснется только насильников и красногвардейцев.

*Подлинный погнул
командующий войсками округа,
полковник Дутов».*

Подобные обращения атамана были психологически точно рассчитаны и не лишены убедительности. Но среди рабочих края они находили довольно слабый отклик. Тому были причины и политические, и экономические, и даже психологические. Несмотря на заявления Дутова о поддержке эсеровского правительства в Самаре, он явно тяготел к сибирской военщине и временному правительству Сибири. На территории Оренбургского казачь-

его войска начался завуалированный возврат к старым порядкам, что не могло не вызвать протеста демократической части населения.

К тому же обложение пролетарских районов Оренбурга — «Нахаловки», «Новых мест», «Кузнечных рядов» — 200-тысячной контрибуцией в пользу казаков-погорельцев превратило население этих районов в непримиримых врагов казачьей власти.

И еще один аспект, о котором раньше не принято было говорить. Большевики воспевали пролетариат как «соль земли» и предоставляли ему фактически диктаторские полномочия, а белоказаки предложили рабочим вернуться на заводы и заняться профессиональным трудом, уступив в политике место людям подготовленным, имеющим необходимое образование. Это обстоятельство крайне болезненно воспринималось пролетариатом.

С 13 по 19 июля атаман находился в Самаре. После состоявшихся переговоров А. И. Дутов был включен в состав Комитета Учредительного собрания и назначен главноуполномоченным эсеровского правительства на территории Оренбургского казачьего войска, Оренбургской губернии и Тургайской области. Создавая политический портрет атамана, не надо идеализировать фигуру Александра Ильича Дутова, который, являясь кадровым военным, по мере углубления революции и перерастания ее в гражданскую войну занимал все более жесткую позицию к политическим противникам. Если в период Октября он позволил себе только аресты и изоляцию большевиков от населения, то летом разговор был короткий — расстрел. «Подписывая смертельный приговор, я думаю, что я подписываю необходимый деловой приговор. Крутые решительные меры необходимы и только ими можно насадить народовластие». 22 июля атаман выехал в Сибирь. Вот что представлял собой поезд А. И. Дутова по воспоминаниям известного лидера уральских кадетов Л. А. Кроля: «Состав поезда атамана был очень богатый, из вагонов сибирского экспресса международного общества. В вагон-салоне видно было несколько весьма эффектных и эффектно одетых дам. Впереди этих вагонов шли товарные вагоны с сотней казаков с лошадьми. (Атаман Дутов любил создавать шум. Выезжал он на автомобиле с полусотней казаков впереди и полусотней — сзади)».

Если до приезда в Сибирь атаман еще колебался в отношении к самарскому Комучу, то нахождение на Востоке заставило его самоопределиваться. Приведем строки из интервью А. И. Дутова, данное корреспонденту Сибирского Телеграфного Агентства. В нашей печати они публикуются впервые: «Я люблю Россию, в частности свой Оренбургский край, в этом вся моя платформа. К автономии областей отношусь положительно, и сам я большой областник. Партийной борьбы не признавал и не признаю. Если бы большевики и анархисты нашли действительный путь спасения и возрождения России, я был бы в их рядах. Мне дорога Россия, и патриоты, какой бы партии они не принадлежали, меня поймут равно как и я их. Но должен сказать прямо: я — сторонник порядка, дисциплины, твердой власти, а в такое время как теперь, когда на карту ставится существование целого огромного государства, я не останяюсь и перед расстрелами. Эти расстрелы не месть, а лишь крайнее средство воздействия, и тут для меня все равны, большевики и не большевики, солдаты и офицеры, свои и чужие...»

«За отличие в боях с большевиками» командующий войсками Оренбургского военного округа полковник Дутов по постановлению Войскового Правительства был произведен в чин генерал-майора, который 25 июля утвердил Комуч. Август 1918 года — время наибольшего влияния и авторитета атамана среди оренбургского казачества. К этому времени «синие лампасы» в белогвардейских армиях насчитывали около 28 тысяч сабель и

штыков, а в красноармейских частях лишь около 2 тысяч. Почти все казаки были добровольцами.

Репрессии, которые обрушивал атаман на левосоциалистические партии, сделали его фигуру в левых кругах настолько злобещей, что была реальна организация покушения. У квартиры Александра Ильича по Водяной улице поставили две будки, в которых бесценно дежурили вооруженные казаки. Жителям Оренбурга воспрещалось даже ходить по тротуару возле квартиры.

Сегодня много пишут о директиве ЦК большевиков, датированной январем 1919 года, приведшей к геноциду казачества на юге России. На Южном Урале репрессии против Оренбургского казачьего войска начались раньше, с апреля 1918 года, после того как был изрублен отряд под командованием председателя губисполкома С. М. Цвилинга и после ночного налета белоказачков на спящий Оренбург. Но хотел бы подчеркнуть: там, где руководители большевиков близко соприкасались с казачеством, знали его традиции и обычаи, они не дали репрессиям против казаков перерасти в их истребление. Это и привело Оренбургское казачье войско, первое из казачьих войск страны, к прекращению вооруженной борьбы с пролетарской диктатурой. Но это будет осенью 1919 года, а пока речь идет о сентябре 1918-го.

С 8 по 23 сентября в Уфе проходило государственное совещание, где были представлены организации различных политических направлений.

По требованию представителей Чехословацкого корпуса — единственной боеспособной антибольшевистской вооруженной силы — делегации отбросили разногласия и приняли компромиссное решение, провозгласив власть Уфимской директории, которую поддержал и войсковой атаман Дутов. После взятия в конце сентября Орска, он получил из Уфы телеграмму: «Позвольте поблагодарить в лице вашем, Александр Ильич, доблестное Оренбургское казачество за отличную победу под Орском и передать мое приветствие Войсковому Кругу и вместе с ним поздравить Вас с чином генерал-лейтенанта...»

Верховный Главнокомандующий генерал-лейтенант Бодырев».

Атаман видел, что собственными силами сдержат напор Красной Армии он не в состоянии. Деморализованные войска Комуча оказывали красноармейцам слабое сопротивление, а отряды белочехов и казаков не в силах были бороться с многочисленными частями красноармейцев. Поэтому к ноябрю он фактически «созрел» для поддержки военной диктатуры в России. С другой стороны, Дутов стремится путем престиж казачьей власти в глазах населения путем борьбы со спекуляцией.

26 ноября 1918 года по войскам Юго-Западной армии издается известный приказ №22:

«Спекуляция в г. Оренбурге все увеличивается. Обычные меры борьбы не оказывают действия. Входя в интересы беднейшего класса населения, я принужден принять суровые меры, почему объявляю всех спекулянтов, без различия класса, состояния и пола, вне закона, как предателей Родины, забывших честь, совесть и свой долг, перед отечеством в его страданные дни.

Все задержанные спекулянты подлежат без суда и следствия расстрелу по докладу мне всех обстоятельств дела».

История учит нас тому, что во все времена, когда властям приходилось трудно, они обращались к вековым государственно-национальным чувствам россиян.

Так было во время польско-шведской интервенции в начале XVII века, повторилось во время Северной войны, с новой силой зазвучало в ходе Отечественной войны 1812 года, а Сталин в 1941-м вспомнил о Суворове и Кутузове.

Не был исключением и атаман Оренбургского казачьего войска. Вот выдержка из его ноябрьского приказа:

«К русским гражданам,

Великая разруха начала XVIII века, несмотря на потерю столицы государства — Москвы, была быстро исправлена могучим взрывом патриотизма и горячими призывами, исходящими из Нижнего Новгорода. Кузьма Минин Сухорук своим чисто русским сердцем зажег священный огонь любви к Родине, и вокруг этого простого, но славного имени объединился русский народ.

...И теперь, в начале XX века, Россия вновь переживает тяжелые дни. Ее столица — Москва и священный Кремль снова заняты врагом. Наступил час, когда каждый русский гражданин должен вспомнить свое историческое прошлое и вспомнить святые имена Минина, Кутузова и в их деяниях видеть для себя достойные подражания примеры.

Русские люди! Неужели у вас заглохла любовь к Родине и чувство гордости своей страной? Неужели звуки Интернационала, идущего из русского Кремля, заглушили у Вас звуки чудной русской песни, где так горячо поется о Родине, о долге, о самопожертвовании? Нет, этого быть не может!»

Именно в это время атаман Дутов пишет свою поэму «Набат».

«Грозно и властно гудит вечевой колокол казачества. С далекого Дона несется звон его.

— Старший брат! Твой набат услышали сыны Урала, они давно ждали его. Они бьются уже второй год за великую мать — Россию и вольную казачью волюшку.

Гребцы, суженцы, лабинцы, черноморцы, весь бурный Терек и славная Кубань вновь заняли свои сторожевые вышки и зорко оберегают Русь.

Иртыш, вспоминая прошлое, послал потомков Ермака укреплять Русскую государственность.

А набат все сильнее и сильнее, и звуки его все шире и шире плывут в воздухе...»* — так начинается поэма.

18 ноября 1918 года при поддержке офицерских и казачьих частей адмирал А.В.Колчак произвел переворот и установил в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке режим военной диктатуры, приняв при этом титул «Верховного правителя Российского государства»

Неожиданно свое несогласие с кандидатурой Колчака выразил походный атаман Дальневосточных казачьих войск Г.М.Семенов. В Омск, Оренбург и Харбин он отправил телеграмму: «На столь ответственный перед Родиной пост я как Командующий Дальневосточными войсками выставляю кандидата генерала Деникина, Хорвата и Дутова, каждая из этих кандидатур мною приемлема».

Вероятно, появление в этом списке фигуры оренбургского атамана объясняется не только заслугами последнего в борьбе с большевизмом — их связывало личное знакомство. Семенов заканчивал Оренбургское казачье училище, где среди преподавателей был и Дутов. Дальневосточный атаман даже телеграфировал о возможности создания «автономной Восточной Сибири», чем вызвал изрядный переполох.

В этих условиях Дутов демонстрирует полную лояльность Колчаку, что не будет впоследствии забыто. Оренбургский атаман тут же телеграфировал Г. М. Семенову

* См. Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917-1920. Изд. «Слово», Шанхай, 1937. Приложение 1.

ву: «...Я и войско признали власть адмирала Колчака тотчас же по получении об этом известия, и тем самым исключается возможность о моей кандидатуре. ...Я верю в вашу казачью душу и надеюсь, что моя телеграмма рассеет ваши сомнения и вы признаете адмирала Колчака верховным правителем великой России».

Пытаясь заручиться поддержкой казачества с одной стороны, испытывая чувство признательности за политическую поддержку с другой, А. В. Колчак пошел на признание «автономии казачества» — лозунга, долгое время объединявшего и богатое, и бедное казачество в борьбе с большевиками.

В связи с атаманом Оренбургского казачьего войска нельзя не вспомнить о Табынской иконе Божией матери — покровительнице войска. Ежегодно 7 сентября икона вносилась в Оренбург, а 22 октября выносилась для посещения иных мест. Последний раз это произошло в 1919 году. Оставляя Оренбург красным, атаман увез Табынскую икону с собой. После гибели Дутова она хранилась в одном из православных монастырей в Китае. С началом культурной революции икону вывезли в Австралию, где и теряются ее следы. По некоторым данным сейчас она находится в частной коллекции в США.

Юго-Западная армия, состоящая из казаков, 28 декабря 1918 года была переименована в Отдельную Оренбургскую армию под командованием генерал-лейтенанта А. И. Дутова. Два казачьих корпуса не смогли сдерживать наступающие части Красной Армии и зимой 1919 года оставили сначала Оренбург, а затем Орск.

Интересен доклад Казачьего отряда ВЦИК, рисующий только что освобожденную столицу казачества. «...Отступление белой армии от Оренбурга было свершено в большой панике, причем во время отступления дутовцы забрали почти всех лошадей, даже пожарных команд».

Деньги дутовцами все взяты из города, а также взято очень много товаров и продуктов, но многое увезти дутовцам не удалось, так как железная дорога была перерезана, и нагруженные вагоны остались на станции.

Местное население к пришедшей Советской власти относится хорошо, вследствие того, что во время Дутова оно очень много натерпелось от бессистемных выступлений дутовцев, от бесконтрольных реквизиций (бывали случаи, что снимались валенки прямо на улице, ввиду недостатка теплой обуви), Дутова встречали с цветами, а провожали со свистом. При уходе дутовцами запугиванием, обманом и другими мерами было уведено много кадет, гимназистов и служащих различных учреждений Оренбурга».

Коснемся еще одной малоизвестной страницы казачьей истории. 15 февраля на Круг в сопровождении атамана Дутова прибыл адмирал Колчак, которого избранный почетным председателем Войскового круга. Верховный Правитель выразил надежду, что казачество до конца поддержит его в борьбе за созыв «Национального (или Учредительного) Собрания».

«Будущий орган всенародной власти, — заверил он, — с уважением и благодарностью отнесется к заслугам казачества и никто не посягнет на казачьи вольности».

В феврале 1919 года Совет Министров правительств А. В. Колчака принимает решение выдать беспроцентную ссуду в сумме 25 млн. рублей на восстановление сожженных станиц Оренбургского казачьего войска.

А в апреле, в день Войскового праздника, Колчак предлагает Дутову занять пост походного атамана казачьих войск России. Войсковое Правительство дало на это согласие с условием «сохранения за генерал-лейтенантом Дутовым должности Войскового Атамана».

До осени 1919 года походный атаман казачьих войск России колесит по Сибири и Дальнему Востоку, посещая в первую очередь казачьи войска. Но его внимание к родному войску не ослабевает. Учитывая малочислен-

ность Отдельной Оренбургской армии, насчитывавшей к маю всего около 15 тысяч штыков и сабель, он призвал на службу даже казаков 1921 года присяги. «Казачи должны явиться на сборные пункты, имея на себе по одной паре сапог, по одной фуражке, гимнастерке, брюкам и телушке или плащу — все в исправном виде». К лету казачья армия представляла из себя мощную военную силу из 42 конных полков, 4 пеших и 16 батарей. На службу было призвано 36 возрастов, синие лампасы дали в три раза больше сабель и штыков, чем в германскую войну.

Говоря о мощной, профессионально обученной казачьей армии, нельзя согласиться с пренебрежительным высказыванием руководителя Красной Армии Льва Троцкого: «Дутов выступал как атаман полуразбойничьей конной шайки». И если третья по боеспособности казачье войско России осенью 1919 года стало сдаваться в плен, то причина этого отнюдь не в слабости казаков, а в умелой, дифференцированной политике местных большевиков, не повторивших ошибки 1918 года.

А относительно силы Оренбургского войска есть впечатляющий документ — просьба большевиков о срочной помощи, обращенная к ЦК: «Более года участвуя в борьбе с казачеством, губком должен засвидетельствовать, что мы имеем дело с противником сильным, ловким, дисциплинированным, прекрасно действующим оружием, способным, благодаря образцовой коннице, к быстрому массовым переброскам сил. Падение Оренбурга создает сплошную контрреволюционную стену, тесно объединившихся оренбургского и уральского казачества, тем более, что преданное Советской власти казачество уже ушло при продвижении противника в наши ряды на Уфимский фронт. Губкому известно, что один только усердно распускаемый врагами ложный слух о падении Оренбурга вызывает приток свежих сил в колеблющейся части казачества, которое поголовно уйдет к Колчаку в случае падения Оренбурга».

Но вернемся к атаману «синих лампасов». Если адмирал Колчак демонстрировал по отношению к нему саму доброжелательность и уважение, то некоторые лица колчаковского кабинета выражали ему открытую неприязнь. Объяснение кроется в ряде причин. Во-первых, походному атаману всех казачьих войск России просто не доверяли, как руководителю казачьей вольницы — пример своевольного атамана Семенова был налицо. Во-вторых, существовали подозрения, что Дутов и сам не прочь взять на себя руководство белым движением на востоке страны. В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов и такую тривиальную причину, как обыкновенная зависть к авторитету и военным удачам Оренбургского атамана.

Одним из последних решений А. И. Дутова на посту Походного Атамана было назначение главой казачьего духовенства Нестора — епископа Камчатского и Петропавловского. Со второй половины сентября Дутов опять встал на главе Оренбургской армии.

Однако сдерживать напор красных было уже невозможно. В сентябре началась массовая сдача казачества в плен...

Еще три версии финала

Более полутора лет казачество Урала вело упорную, кровопролитную борьбу с пролетарской властью. Не было у большевиков на востоке страны более опасного, целеустремленного, более стойкого противника, чем казачество. Два казачьих войска — Оренбургское и Уральское — явились ядром всех антибольшевистских сил на Урале. Пожалуй, только кадровые офицерст-

во да дивизия из ижевских и воткинских рабочих по своей боеспособности могли идти в сравнение с казаками.

А осенью 1919 года Оренбургская армия Дутова продолжала отступление. Сначала на Павлодар, затем на Семипалатинск и в конечном итоге на Сергиополь. Эмигрантский историк С. П. Мельгунов оставил нам описание отхода казаков: «Что сказать про тот «Страшный поход» южной Оренбургской армии, по сравнению с которым даже большевистский повествователь считает другие эвакуации «увеселительными прогулками...» Оренбургская армия держалась на фронте, сколько могла. «Буду бороться, пока есть силы, — писал Дутов Колчаку 31 октября из Кочетава, — Оренбургская армия, первая вас признавшая, всегда будет с вами и за вас». Отступая, они двигались через гористые Тургайские степи и через безводные и пустынные пески Балаша к Сергиополю на соединение с Анненковым в Семиречьи. С армией двигались голодные, умирающие тифозные толпы беженцев. Те, кто не могли идти, должны были погибнуть. Их убивали собственные друзья и братья. Общее количество отходивших, по словам большевистских источников, колебалось от 100-150 тысяч. К концу марта границу Китая близ города Чучугон перешло до 30 тысяч».

Сегодня в связи с возрождением казачества и восстановлением его подлинной истории задаются множеством вопросов. В частности, таким: куда делся бесценный архив Оренбургского казачьего войска, датированные временем не ранее Октября. Найденное мною письмо Дутова одному из его сподвижников сербу генерал-лейтенанту А. С. Бакичу, делает бесосновательным предположение о вывозе архива и реликвий в Китай. Приведу несколько выдержек из письма, рассказывающего о переходе в Китай через ледниковый перевал Карасарык в марте 1920 года: «Дорога шла по карнизу к леднику. Ни кустика, нечем развести огонь, ни корма, ни воды... Дорога на гору шла по карнизу из льда и снега. Срывались люди и лошади. Я потерял почти последние вещи. Вьюки разбирали и несли в руках... Редкий воздух и тяжелый подъем расшевелили контузии мои, и я потерял сознание. Два киргиза на веревках спустили мое тело на 1 версту вниз, и там уже посадили на лошадь верхом, и после этого мы спустились еще 50 верст. Вспомнить только пережитое — один кошмар! И наконец, в 70 верстах от границы мы встретили первый калмыцкий пост. Вышли мы 50% пешком, без вещей, вынесли только икону, пулеметы и оружие... У Вас около 10000 человек было, не знаю, сколько теперь. А у меня было около 100, а сейчас набирается до 1600, так как беглецы Анненкова все идут ко мне и на коленях молят о принятии их»*.

После благополучного перехода атаман воспользовался для расквартирования своего отряда казармами Русского консульства в городе Суйдун. Он устанавливает связи с Врангелем, Семеновым, Анненковым, Бакичем и басмачами, задумав объединить под своим командованием все антибольшевистские силы, находившиеся в Китае, Средней Азии, и начать вторжение на территорию Советской России. Его деятельность становится

опасной. Чекисты задумали многоходовую операцию — войти в доверие к атаману, дезинформировать его, а затем похитить для последующего суда в РСФСР. Возглавил операцию опытный чекист Я. Х. Петерс.

Роль «разочаровавшегося в Советской власти» большевика блистательно сыграл Касымхан Чанышев — начальник Джаркентской милиции. Через друга детства, служившего переводчиком у атамана, он сумел добиться встречи с Дутовым и уверить его в своей преданности. Роль связного между Чанышевым, якобы готовящим восстание у себя в пограничном крае — Джаркенте, и атаманом играл чекист-уйгур Махмут Ходжамьяров.

Операция по похищению Дутова была назначена на 6 февраля 1921 года.

В книге Р. Архипова и Н. Мильштейна «Из истории органов госбезопасности Узбекистана» дано описание неудачного похищения. Эта версия стала официальной. Ходжамьяров с письмом от Чанышева должен был пройти к атаману, оглушить его, а затем с уйгуром Баймысаковым, «снявшим» часового у квартиры Дутова, отнести атамана в мешке к лошадям. Чанышев в это время должен был находиться рядом с караульным помещением и при необходимости огнем задержать конвой.

Вначале все шло по плану. Дутов начал читать письмо, Ходжамьяров оглушил его, а Баймысаков «убрал» часового, но его величество случай перепутал карты — в комнату вошел адъютант атамана, заметивший отсутствие часового, и Баймысаков застрелил адъютанта. Чанышев огнем не дал казакам выйти из караульного помещения. В этой обстановке Махмут Ходжамьяров убивает Дутова. Вместе с Баймысаковым они проникают через окно во двор и бегут к воротам крепости, к ним присоединяется Чанышев. У ворот крепости садятся на заготовленных лошадей и скрываются в направлении к границе.

Несколько иная версия дается в недавно вышедшей в Челябинске книге «Страницы незримых поединков (Очерки о чекистах)». В ней Ходжамьяров должен был выманить атамана из крепости якобы на встречу с Чанышевым. «Дутов полулежал на тахте, о чем-то вполголоса говорил с адъютантом, который разбирал бумаги. Махмут успел только заметить поблескивающие в свете лампы иконы, большеглазые лики святых.

Лихо козырнув, Махмут протянул пакет. Адъютант вскрыл его, подал письмо Дутову. Тот стал читать вслух: «Господин атаман, хватит нам ждать... Пора начинать. Я все сделал. Ждем только первого выстрела...» — и вдруг метнул исподлобья острый, изучающий взгляд на гонца. Махмут стоял как изваяние. Атаман стал читать дальше: «Сожалею, что не мог приехать лично...»

— А где Чанышев? — так же резко вскинув голову, спросил Дутов.

— Он повредил ногу и сам приехать не сможет, — спокойно ответил Ходжамьяров. — Но он тут недалеко и ждет вашу милость у себя в доме... Хотя сейчас или, может, завтра...

— Это еще что за новости?! — зло выкрикнул атаман.

Махмут понял, что вариант похищения Дутова отпадает раз и навсегда.

Выхватив наган, он выстрелил в упор. В то же мгновение на него бросился адъютант. Еще выстрел — и он падает к ногам Махмута. Третий раз Махмут выстрелил в Дутова, свалившего с тахты.

Услышав выстрелы, часовые кинулись на выручку. Их остановили пули Чанышева, Баймысакова, Ушурбакиева. Томительно тянутся секунды. Но вот из домика появляется прихрамывающий Махмут — выбегая, он остутился. Друзья посадили его на коня.

* ЦГАОР, ф. 5873, оп. 1, д. 6, л. 87

Пока дутовцы, перепуганные стрельбой в крепости, приходили в себя, быстрые гиссарские кони несли храбрецов по разным дорогам».

Таковы две в общем-то похожие версии убийства. Предлагаю на суд читателей документ, обнаруженный мною в архиве Октябрьской революции. Это воспоминания офицера личного отряда атамана. Приведу их с сокращениями:

«...все отряды знают те версии смерти атамана, которыми в те далекие годы жил отряд, жил и клялся, когда наступит момент, жестоко отомстить и убийцам, и их помощникам.

Чанышев-мусульманин убил его, но за убийцей, в искусство сплетенной тени, виднелись и другие фигуры.

О, мы не говорим, что отец Иона — отрядной и военный батюшка, любимец атамана был к этому злу причастен, мы этого сказать не можем, но вспомнить должны, что он много знал, слишком было велико его влияние на атамана и не всегда оно было благотворным.

О. Иону человека большого ума, широкого умственно-го кругозора и знания, в отряде не любили. Не любили и пели про него песню:

1.

С крестом в груди,

С револьвером в кармане,

Иона поп, служи при Атамане.

Атаман жил в Суйдуне, китайском маленьком городишке, в фанзе из трех смежных комнат. С ним его жена, как ее называли отрядники — Шурочка, личная охрана — подхорунжий Мельников, прапорщики Лопатин и Санов. У ворот дома всегда стояла пара часовых — почетный китайский караул. У крыльца — казак с шашкой и винтовкой.

О. Иона жил в Кульдже и часто ездил, проходя без доклада в кабинет, к атаману. Большую к нему любовь и уважение питал наш вождь. А почему — этого в отряде никто не знал, и лишь только мы, более близкие к атаману, знали, что он ведет огромную работу по созданию барьерного государства для предохранения Азии от чар и злодейства красных...

...О. Иона с Воробчуком (ветеринарный врач в Кульдже — В. В.) ввели его к атаману, как лицо очень нужное для работы по борьбе с большевиками. Атаман поверил, и Чанышев стал часто бывать у него, делая доклады.

Вечерело. Атаман только что пообедал и несколько нервный прошел в свой кабинет. К нему только что приехал атаман Семиреченского казачьего войска генерал Щербаков, который после ряда недоразумений с походным атаманом, приехал и принес ему братские извинения.

...Приехало трое. Чанышев и еще двое. Чанышев с одним прошли к крыльцу атаманской фанзы, другой остался у ворот с лошадьми. Казак Маслов крикнул: «Кто идет?»

— Чанышев. К атаману

— Подожди, доложу.

И Маслов свистком вызвал офицерский караул.

Сын Лопатина пошел с докладом к атаману. Атаман отказался принять, но Чанышев добивался, говорил, что привез что-то особенно важное, и походный с большим неудовольствием сказал: «Ну черт с ним! Пусть идет», — а сам вышел в приемную.

Чанышев вошел в комнату, сильно хромая. Как будто повредил ногу. Он был в халате. Подхромал к атаману и сказал: «Ну, я тебе, атаман, привез хорошие письма». И стал шарить за пазухой, потом мгновенно выпрямился, в руке его сверкнул сталью револьвер и посыпались выстрелы в атамана и стоящего в стороне сына Лопатина.

Атаман бросился в кабинет за «Смит-Вессоном», который лежал на столе, а в это время на дворе слыша-

лись тоже выстрелы. Приехавший с Чанышевым в упор стрелял в казака.

Атаман вертелся в кабинете, ища револьвер, сын Лопатина лежал смертельно раненным в приемной, и когда походный выскочил без револьвера туда, Чанышева уже не было.

В темноте ночи слышался удаляющийся топот лошадей. «Держи их, мерзавцев!» — крикнул атаман и когда из столовой вышла его жена, сказал: «Мерзавец, ранил в руку!..» Он помолчал и потом сказал: «Ты меня извини, но мне что-то нехорошо. Нервы что-ли расстроились... Пойду немного прилягу, Шурочка!»

И он ушел в кабинет. Погоня никого не настигла. Часовых у ворот не оказалось. Через полчаса у атамана был отрядный фельдшер. Отряд радовался — злодеяние не удалось, атаман ранен только в руку, но прошло некоторое время и в отряд приехал фельдшер. Он был бледен, как мертвец, и отрывисто бросил: «Конец. Атаман умирает!» И объяснил, что пуля попала в руку и рикошетом в живот. Слепое ранение.

Утром, в шесть часов, атаман умер. И в десять утра умерли сын Лопатина и казак Маслов. Три смерти в одно утро.

...Утром приехал о. Иона. Он был потрясен трагичной вестью, плакал и в плаче рассказывал, что давно уже знал о готовящемся покушении, но перепутал числа и опоздал предупредить атамана. Перепутал на один день». В основном все три версии сходятся. Но в воспоминаниях казака всплывает фигура, которую чекисты обошли вниманием. Не в ней ли разгадка успеха покушения? Речь идет о фактическом начальнике контрразведки атамана о. Ионе. Выскажу предположение, что о. Иона либо был суперагентом ВЧК, либо, что скорее всего, в той или иной мере находился в контакте с чекистами, которые сумели его переиграть. Когда-нибудь архивы КГБ дадут ответ и на этот вопрос.

Белое движение на Востоке, как любое идеологическое движение, объединялось именем. Ликвидация атамана способствовала распаду мощной антибольшевистской силы в лице эмигрировавшего казачества. Приказом по ВЧК, «за акт, имеющий общереспубликанское значение», Давыдов, Чанышев и Ходжамьяров были награждены именными золотыми часами.

Многие руководители белого движения оставляли пространные завещания, рассчитывая на широкую публикацию. Походный атаман оставил не эффектное, житийское завещание, составленное незадолго до убийства.

«Завещание

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Находясь в зрелом уме и твердой памяти, я, Александр Ильич Дутов, православный, 41 году отроду, занимающий должность выборного Войскового Атамана Оренбургского казачьего войска и Походного Атамана всех казачьих войск, Генерального Штаба Генерал-Лейтенант, добровольно и сознательно, в случае моей смерти, завещаю все свое имущество, находящееся у меня на квартире и мне принадлежащее, равно, как и деньги, вещи, лошадей, экипажи, сбрую, белье, письменные и туалетные принадлежности, шубы, пальто, посуду, золотые вещи: часы, портсигар и прочее, Оренбургского казачьего войска станицы Остроленской 2-го Отдела Александре Афанасьевне Васильевой и дочери моей и ее, вверяю последней, если Александра Афанасьевна Васильева умрет.

...Оставляю доверенность на имя А. А. Васильевой на получение моих денег из Банка в Кульдже: десять тысяч илийских тегз.

Душеприказчиком своим и опекуном над А. А. Васильевой и дочерью Верою назначаю игумена отца Иону.

Все му написанному верить. Закрепляю все моей подписью и казенной, по должности, печатью. Аминь».

И ПРИВИДИТСЯ СВЕТЛАЯ ЖЕНЩИНА ...

***

Для тебя этот год будет годом кочевья. Раскосый варвар, солнцем изъеденный дочерна, вскинет камчу, крикнет слово гортанное. Тополь затеплит свечу на закате и бросит летящий огонь под колеса.

Пыль повиснет навечно. Сорвется кибитка в тоске по осенней соленой степи в бездорожье, и горько будет пахнуть емшан, будет топот катиться с пригорка и привидится светлая женщина, там, вдалеке.

Удержи меня, брось меня, светлая, в смертное пламя, полюби меня, что ли. И хватит об этом. Резка и протяжна мелодия песни больной. И пускай пастухи кривоногие будут смеяться над нами.

Обними меня, женщина. Солоны губы твои, из которых не пить, о которых не плакать. Послушай эту дикую музыку медленной ночи пастушьей и безмерное небо в закрытых глазах затаи.

***

Чужая музыка дрожала в темноте бродяжкой-девочкой, укутанной индиго, дождями зрела необузданно и дико, тянулась вниз прозрачной мрачной повилкой, вращалась в глину голубиную. Не те, не те немые существа, не те растенья с тобой разденутся, расстанутся, растают, моя тоскливая, идущая на сцену под яркий свет; и эта комната пустая ответит гулом. Ты откликнешься на гул мгновенной дрожью, охватив руками плечи, на пол опустишься, и тело легче, легче легчайшей пены на пустынном берегу. Я берегу твое единственное, здесь, внутри дождя, под самотканым покрывалом, то безымянное, что ты не называла. Каких еще тебе богов, каких чудес? Бродяжка-девочка, мелодия, не суть, какая истина откроется иначе прикосновеньем губ нечаянно горячих. И если есть, о чем забыть, тогда забудь.

***

Голубка, прощай. Поцелуй на прощанье горчит миндалем. Протяни мне ладони звенящими чашами жаркой латуни, литаврами смеха даруй мне прощанье.

Голубка, прощай. Недостойным вассалом познаю опалы больную свободу и где-то за третьим вокзалом забуду твое настоящее. Помни веселым.

Голубка, прощай. Поминай меня лихом. Я лгал тебе так, что, пожалуй, и не был с тобой никогда. Холод падает на пол, на листья, на поле, политое лаком.

Голубка, прощай. Февралем рукописным, слепым, рукопашным закончится эта двоим непонятная странная смута. Ты станешь распушной. Я стану опасным.

Голубка, прощай. На изломе минуты застывший автобус — архангел вечерний, и ночь твоя через лиловое с черным. Две медных монеты.

***

Масло и холст. Натюрморт из набивших злую оскомину фруктов и дичи на потемневшем подносе. Напишешь разве что — раму; и скажешь: идите, Боже мой, знаю, идите туда, где это же утро, охота, где гончие стелются и на двенадцатом такте пьесы вступают трубы охотничьи резко и рвано — собачьим дыханием, бегом лисы, изумлением леса, леса, чей воздух пронизан стихами, злом и восторгом. Прощальная месса стоит любой из столиц европейских; в темном бокале напиток богами смешан из реквиемов, арабесок, фуг и токкат, и парит над стогами черная музыка, слышишь?

Овалом небо, нет, зеркало. Пусто. Устало мрут между стеклами тощие мухи. Масло и холст. Удовольствуйся вялым, яблоком — поцелуем старухи.

ЖЕНА ЩОРСА

Однажды отец сказал мне: «Деревянные дома напротив ТЭЦ по Копейскому тракту появились в бытность начальника строительства ТЭЦ Фрумы Ефимовны Ростовой — жены легендарного Щорса». Ее биография меня заинтересовала.

Фрума Ефимовна родилась в 1897 году в г. Новозыбково Брянской области. Получила домашнее образование в пределах двух классов средней школы. С десяти лет была портнихой на дому, а набравшись опыта, ушла в мастерскую. После смерти родителей осталась в семье старшей.

Рано познакомилась с революционной литературой. После февральской революции работала по организации профсоюзов, была членом правления и секретарем союза швейников. В составе красногвардейского отряда участвовала в разоружении царских офицеров. В феврале 1918 года с этим же отрядом ушла на фронт и вскоре оказалась у Н.А.Щорса.

«Большие карие глаза ее глядели не по-детски внимательно. Черты лица красивые, но строгие и резкие. Держалась свободно, не обращая никакого внимания на любопытные взгляды, отвечала на вопросы коротко, не улыбаясь.

— А это знаете, с чем кушают? — спросил Щорс, показывая на гранаты.

— Представление имею, — ответила она».

Так, по описаниям очевидцев, встретились Николай Александрович Щорс и будущая разведчица Фрума Ростова.

Однажды предстояла трудная и ответственная разведка. Нужны были добровольцы. И Фрума напросилась, так как считала, что личной жизни у революционера быть не может. Раненная, она попала в плен. Ее должны были расстрелять. Но спасло чудо. После подписания Брестского мира советское правительство обменяло ее на польских офицеров, и она под конвоем была выслана в Оршу. Снова вступила в отряд, но была отозвана в Брянск и стала работать в ЧК по законным делам. Потом попала в Унечи. Тут и произошла вторая встреча Фрумы с Н.Щорсом. Он приехал сюда для формирования впоследствии знаменитого Богунского полка. Фруму Николай Александрович считал погибшей, т.к. видел некролог в армейском вестнике, поэтому встреча была неожиданной и счастливой.

Фрума Ефимовна работала председателем погранчека и очень помогла Щорсу в организации отряда. Вскоре они разошлись, но в одну из следующих коротких встреч стали мужем и женой. С этого дня гимнастерка на военном сидела на удивление ладно. Пригодилась Фруме профессия портнихи. Однажды по настоянию друзей устроили запоздалый пир, на котором, вместо вина, пили рюмками молоко.

Снова расставание. Фрума Ефимовна уехала на лечение: открылся туберкулез.

Но с марта 1919 года она уже опять на фронте. Щорс во время разлук писал жене по-юношески пыльные письма: «Я больше чем люблю тебя — я чувствую и испытываю родство душ. Ты всегда стоишь перед глазами у меня — твой образ я запечатлел на всю жизнь... лягу, пойду, призадумаясь — он тут как тут... Я люблю тебя, я уважаю, я дорожу тобой, я безумно поглощен тобой...»

Вокруг Щорса плелись интриги, нервы его были на пределе, и он в последнем письме к жене просил поддержки, как у близкого человека. Знал, что жена беременна, но все-таки просил Фруму приехать.

Но встреча не состоялась. Вместе с курсантами военного училища ей пришлось сопровождать траурный кортеж в Самару. Здесь она осталась работать членом коллегии губсобеса по обеспечению семей красноармейцев. Родила дочь.

Потом Фрума Ефимовна закончила рабфак Покровского (при МГУ) и еще МВТУ, став инженером-электриком. Работала по претворению в жизнь плана ГОЭЛРО. Строила Новороссийскую, Днепродзержинскую и Кузнецкую ГРЭС. После пуска третьей ее назначили руководителем пусковой группы Главэнерго. Кроме пуска новых станций, руководила реконструкцией и капремонтами.

10 апреля 1935 года по Центроэнерго-строю был отдан приказ об организации управления строительства ТЭЦ-1 в Челябинске. Начальником строительства назначили Ф.Е.Ростову.

В то время управление имело один единственный экскаватор «Дмитриевец». С ним и начали рыть котлованы для главного корпуса теплоэлектростанции. В остальном преобладал ручной труд. Требовался энергичный, грамотный руководитель. Таким оказалась Фрума Ефимовна Ростова. Появился конный двор, промкомбинат, исчезли вагончики и выросли двухэтажные дома, куда поселились рабочие. Девять домов протянулось вдоль Копейского тракта, еще два — на улице Гранитной. Потом были построены детские, школа, баня и пожарная (сохранились до сих пор).

Старейшие работники ТЭЦстроа и сегодня вспоминают первого руководителя с теплом и благодарностью.

Клавдия Федоровна Казакова: «Фрума Ефимовна была речистая, любила выступать, но если сказала, пообещала что-то, то обязательно выполняла. Была стройной, но справедливой, бойкой и очень грамотной».

Анатолий Николаевич Федотов: «каждое утро объезжала объекты, ходила быстро, всегда со всеми здоровалась. Была небольшого роста и запомнилась в кожаном полупальто и берете».

Валентина Семеновна Курганова: «однажды я разбирала бумаги, наткнулась на папку приказов первого начальника строительства. Оказалось, что это была женщина, да еще жена Щорса».

Сегодня эти приказы — экспонаты комнаты-музея управления ТЭЦстроа.

На II городской конференции Ф.Е.Ростову избрали членом Челябинского горкома ВКП(б). 20 марта 1937 года она выступает на собрании актива городской партийной организации. Это было ее последнее выступление в Челябинске. Начались аресты. Однажды вечером к ней домой пришел Георгий Николаевич Виноградов, главный инженер, и заявил: «Фрума Ефимовна, я человек старый, и мне терять нечего. Вы должны уехать, иначе ваши дни сочтены!»

Валентина Николаевна (дочь) вспоминает: «Мать долго сопротивлялась, но он ее уговорил; чтобы не привлекать внимание к отъезду, меня положили в больницу. Мама уехала, но с ней случилась стрессовая ситуация. Из вагона в Москве ее вынесли на носилках, и она сразу попала в больницу. Потом — долгое лечение, полтора года на инвалидности. Ее вывели из номенклатуры ЦК. Видимо, так она и уцелела. Меня тоже через две недели посадили на поезд. Все вещи, документы остались в Челябинске. Больше ни я, ни мама в этом городе никогда не были, хотя воспоминания о нем самые теплые».

К этому следует добавить, что Фрума Ефимовна была еще начальником Миастроа (Уральский автозавод).

Перед войной Ф.Е.Ростова строила Дворец Советов в Москве, работала на 1-м и 39-м московских авиазаводах. Здесь ее и застала война.

С рюкзаком за плечами она пришла в Баумовский райком, но ее не взяли, а отправили в Куйбышев в особотракторный трест, где она трудилась начальником монтажных работ на объектах.

В конце июля 1942 года возвратилась в Москву и была назначена помощником начальника части по кадрам одного ведомства.

После войны по просьбе Черниговского обкома партии выехала на восстановление разрушенных музеев.

Умерла Ф.Е.Ростова в августе 1977 года. Похоронена на Донском кладбище в Москве.

Игорь НЕПЕИН

БЕЗЫМЯННАЯ СЛАВА

Долгое время это имя оставалось у нас под запретом. Труды историка пользовались, их цитировали, а автора не упоминали. Вот несколько таких примеров.

Известный советский ученый академик Е.Е.Тарле в капитальном исследовании «Нашествие Наполеона на Россию» не раз приводит отрывки из «Переписки Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной», а имя составителя, своего знаменитого предшественника и коллеги, не называет.

Популярный советский литературовед и чтец Иракий Андроников в известной и симпатичной новелле «Загадка Н.Ф.И.» пишет (и читает): «В конце XIX— начале XX века были изданы описания и петербургских, и московских, и некоторых провинциальных кладбищ и даже описания русских могил за границей». Казалось бы, очень уместно сказать о человеке, написавшем такой нужный труд. Ан нет, Андроников сам-то знал имя автора, но не назвал его.

В трилогии о судьбе Плещеевых «Юные вольнодумцы», написанной А.Глумовым, помещен портрет молодого Карамзина. Под ним подпись: «Миниатюра. «Русский портрет», V, №95». И опять писатель вынужден скрывать, что речь идет о знаменитом на весь мир монументальном научном пятитомном труде «Русские портреты XVIII и XIX столетий», который вышел в Петербурге в 1905-1909 годах.

Человеком, которого на долгие десятилетия лишили доброго имени, заслуженной славы, благодарной памяти людей, был Николай Михайлович Романов, а точнее — великий князь Николай Михайлович, представитель царствовавшей в Российской империи династии Романовых.

Он был ученым-историком и писателем с мировым именем, французская академия избрала его своим членом — такой чести редко удостоивались иностранцы. Написанная им монументальная биография русского императора Александра I до сих пор остается непревзойденной в исторической литературе. Когда эта книга была переведена на французский язык, она вызвала сенсацию и переполох: французским ученым-наполеонистам пришлось многое пересмотреть и исправить в исторических оценках.

Горькая выпала ему судьба...

Великий князь Николай Михайлович родился в 1859 году, он был старшим сыном великого князя Михаила Николаевича (1832-1909), внуком Николая I. Отец будущего историка — генерал-фельдмаршал — с 1881 года занимал пост председателя Государственного совета.

Младший брат нашего героя — вице-адмирал русского флота, великий князь Александр Михайлович писал в своих воспоминаниях:

«Мой старший брат, Николай Михайлович, был, несомненно, самым радикальным и самым одаренным членом нашей семьи. Моя мать мечтала о его блестящей военной карьере... Николай закончил военное училище с отличием. Однако настоящее его призвание было в отвлеченных исторических изысканиях. Он служил в Кавалергардском полку... Постепенно он отдалился от связи с военным миром и проводил все время в исторических архивах Петербурга и Парижа...

Он оставался всю жизнь холостяком и жил в своем слишком обширном дворце, окруженный книгами, манускриптами и ботаническими коллекциями».

Сферой интереса великого князя Николая Михайловича как ученого и историка была первая четверть XIX века. Все его исследования посвящены эпохе Александра I.

Начало положила небольшая книжка «Князь Долгоруковы — сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования». Историк рассказал о печально знаменитом генерале-адъютанте Александра I Петре Петровиче Долгорукове, который был послан императором для переводов с Наполеоном накануне битвы под Аустерлицем. Донесения князя окончательно убедили царя начать битву.

Затем явился обильный документами и материалами трехтомный труд «Граф Павел Александрович Строганов. 1774-1818. Историческое исследование эпохи императора Александра I». Здесь впервые были введены в научный оборот протоколы негласного комитета, заседания которого вел П.А.Строганов, а также большое количество документов из богатейшего строгановского архива. Главную тему историка продолжил трехтомник «Императрица Елизавета Алексеевна. Супруга императора Александра I». Здесь опубликовано большое количество ранее неизвестных писем, дневниковых записей, воспоминаний. Издание было прекрасно иллюстрировано.

Долгие годы великий князь изучал в архивах России и Франции эпистолярное наследие, дневники и мемуары современников двух императоров — французского Наполеона Бонапарта и русского Александра I. Он сумел разобраться в той сложной и противоречивой эпохе, сделал широкие и верные исторические обобщения, создал талантливые характеристики деятелей этой эпохи. Монография «Император Алек-

сандр I. Опыт исторического исследования» стала главным трудом жизни ученого.

Книга вышла в 1912 году в двух томах. Первый составил оригинальный текст, второй — примечания. Труд был переиздан в 1914 году.

Одновременно с оригинальными историческими исследованиями великий князь Николай Михайлович публикует большое количество документов, отражающих жизнь России накануне и после Отечественной войны 1812 года.

Прежде всего в этом ряду книг следует назвать «Дипломатические отношения России и Франции по донесениям послов Александра и Наполеона. 1808-1812» — уникальное издание, не имеющее себе аналогов.

Редкий и ценнейший источник сведений, характеристик, мыслей, сомнений и переживаний являет собой «Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной».

Русское и советское искусствоведение обязано великому князю уникальным и совершенно бесценным изданием по истории русского портрета. Речь идет о собрании «Русские портреты XVIII и XIX столетий». В пяти его томах воспроизведено 1150 изображений государственных, общественных, политических, военных деятелей России почти за полтора столетия. Приложены блестяще написанные биографии каждого.

Ни одна работа по истории русского портрета не обходилась и не обходится без ссылки на этот пятитомник. Уже тогда, когда Николай Михайлович писал свой труд, многие портреты считались утраченными, вывезенными из России. А ведь потом были три революции, разные экспроприации, гражданская и Великая Отечественная войны... Много ли бесценных подлинников уцелело на русской земле?

Все дошедшие до нас документы и рукописи великого князя Николая Михайловича хранятся ныне в Центральном Государственном архиве Российской Федерации (бывший ЦГАОР) в фонде под №670, который содержит 498 единиц хранения. Здесь письма историков П.А.Бартенева, В.А.Бильбасова, автора знаменитой «Истории Екатерины II», изъятой в свое время из продажи, Б.Модзалевского, Е.С.Шумигорского, историографа Кавалергардского полка С.Панчулидзева, письма самого великого князя к царю Николаю II и к нумизмату великому князю Георгию Михайловичу, черновики научных работ, автобиографические записки и заметки...

Большой интерес представляет дело №487. Небольшая серая папка, на которой рукой самого Николая Михайловича написано: «Мои свидания с гр. Л.Н.Толстым 26,31/X и 3/XI-901 г.». Это дневниковые записки, сделанные под впечатлением встреч с великим писателем. Заметки впервые опубликовал журнал «Красный архив» в 1927 году. Вот одна из тех записей:

«Тема нашей беседы была самая разнообразная. Я успел поговорить с ним о трех вопросах: 1) о дубоворцах на Кавказе; 2) об Александре I и о старце Ф.К. и 3) о лично меня касающемся деле».

«...Насчет императора Александра толковали мы много, и граф Толстой говорил, что давно ему хотелось написать кое-что, по поводу легенды, что Александр кончил свое поприще в Сибири в образе старца Ф.К. Хотя пока еще легенда эта не подтверждается и напротив того, много данных против нее, но Л.Н. интересуется душа Александра, столь оригинальная, сложная, двуличная, и Толстой добавляет, что если только Александр действительно кончил свою жизнь отшельником, то искупление, вероятно, было полное, и согласился с Н.К.Шильдером, что фигура вышла бы шекспировская».

Известно, что великий князь Николай Михайлович опубликовал две работы на эту тему: «Легенда о кончине императора Александра в Сибири в образе старца Федора Кузьмича» и «Некоторые новые материалы по вопросу о кончине императора Александра I». Обе они убеждают, что превращение императора в старца — легенда. Но позже Николай Михайлович резко изменил свою точку зрения.

Лев Дмитриевич Любимов, писатель и искусствовед, в своей книге «Тайна императора Александра I», изданной в Париже в 1938 году, ссылаясь на близких к великому князю лиц, пишет:

«Затем в.к. обнаружил, быть может, какие-то хранившиеся в тайнике документы, пришел к новому заключению... в.к. Дмитрий Павлович, который был близок к Ник. Мих., сообщил: «В 1914 или 1915 году он заметил в.к. в чрезвычайно нервном состоянии. В беседе с Дм. Пав. Ник. Мих. сообщил, что на основании точных данных пришел к выводу о тождестве Федора Кузьмича и Александра I. Этих данных великий князь не опубликовал. Не приказом ли свыше?..»

Вековая тайна русской истории так и не была раскрыта.

Когда в России произошла Февральская революция и к власти пришли временщики во главе с Керенским, Николай Михайлович подписал отречение от своих великокняжеских прав. Он не помышлял о бегстве за границу, продолжал работать — в журнале «Исторический вестник» №№ 5 и 6 за 1917 год опубликовал полный текст «Записок Бенниксена» — одного из организаторов убийства царя Павла I. Но к власти пришли большевики. В Екатеринбурге и Алапаевске зверски убиты члены царской семьи и фамилии, прислуга.

18 января 1919 года в Петропавловской крепости расстреляны еще четыре великих князя, среди которых был и Николай Михайлович...

Великий князь Александр Михайлович писал: «Максим Горький просил помилования для Николая Михайловича, которого глубоко уважали даже в большевистских кругах за его ценные исторические труды и всем известный передовой образ мыслей».

Но палачи остались палачами... ■

Юрий Коротков известен и читателям, и кинозрителям. Он — автор не только шести книг, но и нескольких киносценариев. Первый фильм Ю. Короткова «Абориген» повествовал о юном браконьере с Оби. Нелегкой жизни подростков, надрывным минутам их существования был посвящен фильм «Авария — дочь мента». Повесть, по которой снят фильм, до сих пор вызывает споры у молодежи. Не удивительно, что очередная работа Ю. Короткова — «Виллиса» — была встречена с радостью, любопытством и легкой тревогой: не разочарует ли? Повесть не разочаровала... Раскрывшая закулисную жизнь хореографического училища, быт юных балерин, — она стала сенсацией. По повести «Виллиса» снят фильм «Танцующие призраки». На постановку претендовало около двадцати иностранных компаний, сообщил недавно еженедельник «Аргументы и факты», австралийцы предлагали автору за право экранизации 120 тыс. долларов. Но Ю. Коротков и оператор «Маленькой Веры» Ефим Резников решили снять кино сами.

Еще на авторской «кинополке» Ю. Короткова — снятый англичанами фильм «Затерянный в Сибири». Британская киноакадемия недавно выдвинула его на приз «Золотой Оскар». «Абрекь» — новая работа Юрия Короткова. Станет ли она событием в литературном и «киношном» мире? Решать вам, читатели «Уральского слепопыта»...

ПОВЕСТЬ

АБРЕКЪ

Юрий
КОРОТКОВ

К середине подъема турики сталидохнуть.

Когда ехали из города на красном автобусе, смотрели через дымчатые стекла на Токмак, торчащий, как клык, из дальнего, обрывистого берега Енисея — ждали, наверное, веселой прогулки, пикничка на природе. Но автобус остался на шоссе под лесистым обрывом, и модная экскурсоводша в юбке-брюках и шпионских темных очках погнала группу по узкой тропе, занатой высоким сырм сосняком. Поначалу шагали бодро, с разговорами, пацаны помоложе заигрывали с экскурсоводшей, молодожены держались под ручку, старики готовили фотоаппараты. Сосны закрывали все, кроме полоски неба над головой и ближайшего изгиба тропы, и казалось, что вершина вот уже, через сотню шагов. А тропа забирала все круче, теснее подступал лес, уже распоротый кое-где серыми скальными выходами. Разговоры понемногу затихли — только одышливое пыхтение вразнобой. А когда через полчаса оказалось, что прошли едва половину, турики и вовсе сдохли, далеко растянулись по тропе, упираясь руками в колени, помогая разогнуться чугунными ногами, проклиная романтику, трущие туфли и все на свете.

Хасан один остался рядом с неутомимой проводницей, внимательно слушал дежурный рассказ про Столбы — уникальное и неповторимое явление природы.

Там, где сосны совсем сомкнулись над тропой, из кустов с треском выломались навстречу группе двое — в галифе и гимнастерках старого пошива и милицейских фуражках, — лихорадочно бегали глазами по лицам:

— Не видали? Не пробегал?

— Кто?

— Бритый, с номером. Особо опасный рецидивист. Весь конвой вырезал, где-то здесь бегают, — и ломанулись в чащу.

На туриков совсем стало жалко смотреть, они сбились в кучу, затравленно озираясь. Не прошли и пяти шагов, как возник бритоголовый в ватнике с номером.

— Жрачку давай! — заорал он, страшно вращая белыми. — Гони пайку! Всех замочу! — похватал припасенную для пикничка провизию из подставленных с готовностью сумок, запихал, сколько влезло, в карманы, за пазуху — и нырнул в лес.

Турики, не чуя ног, припустили вверх по тропе.

Хасан свернул за бритым. На опушке неподалеку рецидивист и милицейские фуражки сортировали добычу — консервы, бутерброды с колбасой, помидоры. Хасан невозмутимо подошел, выбрал что посвежее.

— «Изюбри», что ли? — спросил он, закусывая.

— Все туриков бомбите?

— А тебе что?

— Ничего. Про вас волнуясь. Доиграетесь когда-нибудь.

— А ты кто такой? — протянул «особо опасный».

— Не знаешь?

— Первый раз вижу.

— И еще раз увидишь, — Хасан усмехнулся, взял кое-что из закуски в карман и двинулся дальше.

Тропа снова вильнула на подъеме, и сквозь поредевшие сосны возник Коммунар. Коммунар, столбик

на самом деле небольшой и не слишком интересный, стоял крайним, первым был виден с тропы и потому казался чудовищно громадным. Он, как из детских кубиков, криво сложен был из тысячетонных голышей, уходящих высоко в небо, и Хасан, как много лет назад ребенком, испытал мгновенный сладкий ужас, представив, будто с гулом сдвинулись, разъехались каменные блоки и, сотрясая землю, сминая, как траву, вековые сосны, покатались вниз...

Экскурсоводша рассказывала, что в пятом году революционеры водрузили на вершущке Коммунара флаг, за это столб и получил свое название, и вот уже почти сто лет красивый флаг реет над Столбами и каждую весну по традиции обновляется, в чем каждый может убедиться, глянув вверх.

Но Хасана уже не интересовала ни модная тетка, ни случайные попутчики. Он обогнул Коммунар и оказался на площади под Первым столбом. Это было самое людное место в заповеднике: турики, и организованные, и дикие, обычно толклись у Первого. Земля тут была утоптана так, что ни одна живая травинка не могла пробиться из нее, а огромные сосны стояли над землей на корнях. Массив Первого, к подножию которого прилепился, как глупый родственник, Коммунар, был весь иссечен глубокими расщелинами — от земли шли глыбы с двадцатитажный дом, сверху, где выветривало сильнее, внавал лежали камни помельче. Тут и там до самой вершины из щелей росли скрученные ветром березы. Камень сплошь покрыт был черным шершавым мхом, серые протоптанные тропинки указывали ходы наверх. Ходы петляли вдоль щелей, по карнизам, но иногда пролегли прямо по нависающему каменному пузу, над пропастью. Как обычно в воскресенье, Первый был, как разноцветными муравьями, густо облеплен туриками, они гуськом, осторожно ползли простенькими ходами — Трубой, Соболюком, Голубыми катушками — и, гордые собой, едва видные с земли, махали руками с вершины. Другие гуляли по Чертовой кухне — прямоугольному монолиту, лежащему плашмя у подножья. Третьи, кто в первый раз, тренировались на камешках, богато разбросанных между деревьями: по очереди с разбегу лезли на двухметрового Слоника, замирали на полдороге и, как по стиральной доске, на карачках плыли вниз, сжигая колени, — этот ход на Слоника так и назывался Постирушка.

В общем, все было как десять лет назад, но слеза умиления не прошибла Хасана от долгожданной встречи с родными местами. Он будто не на Столбы, а на воскресный базар угодил: по всей площади в ряд выстроились пестрые киоски, из которых вразнобой орала музыка — из каждого своя; крикливые кавказцы на десятке мангалов жарили шашлыки; шипели отпотевшие аппараты «пепси-колы», из других струились в вафельные стаканчики белые языки мороженого; тут давали в прокат калоши и страховочные пояса для слабонервных, там зазывали на увлекательную экскурсию к дальним столбам — на Китай и Большой Беркут, к Деду и Бабке, здесь расставили треноги фотоаппараты с дорогими камерами. Хасан неприкаянно брел сквозь орущую, жающую, веселящую толпу и мрачнел с каждым шагом.

У подножия столба собрались зрители. На камнях над ними фигурял пацан в диковинном пестром наря-

де: бархатной красной феске, красной же развилке-безрукавке и малиновых шароварах, перехваченных желтым кушаком, в калошах, прикрученных тесемками. На поясе у него болтался длинный, чуть не по колено, кинжал. Пацан легко взлетел над головами туриков по вертикальной стене, под громкое девичье «ах...» сделал стойку на руках над невысоким обрывом и — будто бы сорвавшись, щекоча нервы — провернулся на одной руке и перепрыгнул на другой камень через расщелину, тут вообще завис вниз головой и так спустился, перебирая внизу ладонями.

Зрители дружно захопали, а парень сорвал с головы феску и пошел, собирая в нее четвертаки и червонцы. Нахлобучил вместе с деньгами на место — тут же подскочил фотограф, и первая парочка подошла увековечиться на память в обнимку с ряженым.

Хасан, раздвинув толпу, неторопливо шагнул к пацану.

— Эй, уйди из кадра! — крикнул сзади фотограф. Хасан не обернулся.

— Ты — абрек? — негромко спросил он, тяжело глядя в курносую круглую физиономию под феской.

— Что, читать разучился, дядя? — тот ткнул пальцем себе в лоб, где по краю фески золотом было вышито «АБРЕКЪ». — Иди в очередь!

Хасан железно пятерней скомкал феску у него на голове вместе с деньгами и волосами, сорвал и той же рукой наотмашь дал прямо в безоблачную белозубую улыбку. Пацан отлетел, парочка брызнула в стороны, зрители ахнули и расступились.

— Какой ты абрек! — сказал Хасан. — Клоун ты дешевый!

— Ты что, дядя... с болта сорвался? — пацан промокнул ладонью разбитые губы, глянул на кровь. — Я ж тебя... — схватился он за кинжал.

— Собери остальных. И чтобы через полчаса были на Скитальце, — все до одного! — Хасан повернулся и пошел сквозь раздавшуюся перед ним растерянную толпу.

— Отдай феску, ты! — заорал вслед сбитый с толку парень.

— За феску абреки жизнью рисковали! А ты ее продал! — Хасан опрокинул феску и высыпал на землю мятые бумажки. И пошел, уже не оглядываясь...

Он поднялся на Галину площадку — узкий карниз над пропастью на Втором столбе. Вытащил тяжелый камень из щели и вынул по очереди, любовно поглаживая, осматривая каждую вещь: «корону» — пурпурную феску, расшитую золотой и серебряной нитью и бисером, бархатную развилку, также расшитую по кромке, кавказский кинжал в серебре, пятиметровый шелковый кушак, шаровары огромного объема и калоши. Снял цивильный пиджачишко и ногой отправил его в тайник...

Скиталец — абречий дом — представлял собой просторную расщелину под Вторым столбом, накрытую сверху, как крышей, плоской плитой. Внутрь вел узкий лаз, внизу устроены были нары и печка. От Скитальца на две стороны был обрыв, сзади его прикрывала громада Второго, подойти можно было только одной тропой.

Хасан в новом своем наряде сел на Феску — круглый камешек на крыше, лицом к тропе и стал

ждать. Вскоре настороженной, недоброй толпой подошли абреки, встали напротив, разглядывая незнакомого сорокалетнего, почти сплошь седого мужика в полном абречьем наряде.

— Вот этот! — указал на него круглолицый.

— Ты кто такой? — спросил другой, в обтянувшей покатые борцовские плечи развилке — должно быть, первый силач здесь.

Хасан удивленно смотрел на абреков. Это были молодые парни — не старше двадцати, две тетки с ними. Кто в полной абречьей форме, кто только в развилке, но все в фесках — кроме круглолицего теперь — и с кинжалами, штыками или финками на кушаках.

— А Солдат где? Акула? Пиф? Голуб? Монах? — обводил взглядом лица Хасан. — Где все?

— Монах уплыл с Большого Беркута — давно, лет восемь. Голуб — еще раньше с Первого. Про остальных не знаю, — ответил борец. — ты-то кто?

— Что, никого из стариков не осталось?

— Цыган с Дуськой только. Вон идет.

Абреки разошлись, пропуская старших: длинного черного Цыгана и надменную королеву Дуську с распушенными из-под фески льняными кудрями. Едва увидев его, оба замерли, и Дуська, разом потеряв королевскую статью, распахнула глаза:

— Хасан?..

При этом имени абреков как током ударило, все ошеломленно обернулись к нему. И через час новост облетела Столбы, и в самых дальних избах столбятники, и на самых глухих кордонах егеря знали: «Хасан здесь! Хасан вернулся!»

Быстро стемнело, как обычно под осень. На Скитальце запалили костер, нагноили чайку. Молодые абречки, Кукла и томная Варешка, разлили густой чифирь по кружкам. Свет костра резко очертил края серого плоского камня и дальше не доставал никуда, будто и не осталось больше ничего во Вселенной, кроме этого неровного обломка земной тверди, потерянного в холодной космической тьме. Только порыв ветра выдавал в темноте сосны, а громкое слово или смех обнаруживали рядом гулкую громаду Второго.

— Тебя здесь десять лет не было, Хасан, — досадливо сказал Цыган. — И вот ты приходишь и хочешь, чтобы все было по-старому. Десять лет прошло, Хасан! Все изменилось!

— Что изменилось? Что тут может измениться? Что, столбы порушились? Большой Беркут улетел? Бабка с Дедом поженились? Нет, это вы изменились! Это измена, Цыган! Жаль, стариков не оживишь, Монаха с Голубом — чтоб посмотрели, кто теперь наши фески носит!

Абреки сидели, опустив головы, переглядывались.

— Ты в городе был, Хасан? — заводясь, сказал Цыган. — Ты вообще знаешь, что кругом происходит?

— Да мне плевать, что в городе! Я на Столбы пришел! Какой столб у Чертовой кухни стоит, знаешь? Ну?

— Знаю, знаю...

— Ну!

— Ну, Коммунар.

— Вот как! Большевиков разогнали давно, Ленина из Мавзолея выкидывают, а он был Коммунар и бу-

дет Коммунар. И красный флаг на нем как стоит сто лет, так и будет стоять, и я лично руки вырву тому, кто его коснется! Потому что здесь ни одна буква, ни один камешек не изменится! Пусть они там, внизу, все на куски развалят и друг друга продадут, но здесь ни одного торгаша не будет!

— Дались тебе эти лавочки, — покривился Цыган. — Мешают они тебе жить?

— Эти твари, как лишай, ползут. Сейчас вы у них за копейку шутами пляшете, — ткнул Хасан пальцем в круглолицего, — потом прислужгой будете, а потом они вас выкинут отсюда к едрене фене!.. Я десять лет каждый день мечтал, как вернусь... Вернулся... — он махнул рукой и встал, показывая, что разговор закончен. — Завтра на камень пойдём. При всем параде, чтоб Столбы вздрогнули! Музыку хоть не пропели еще?

— Есть музыка, — ответил Гуляш, плечистый боец.

— Посмотрю, как вы на камне стоите. А потом спрошу, кто вам фески дал и за какие заслуги. А то, может, и говорить тут не с кем...

Хасан разбросил спальник на отшибе, за Феской. Другие укладывались кто внизу, наверху — оттуда слышалась возня, приглушенный смех, — кто наверху, на камне, завернувшись в одеяла. Кто-то остался у костра с гитарой.

Цыган поднялся, тронул Дуську за плечо:

— Пошли.

Та коротко мотнула головой, пристально глядя в огонь. Она посидела еще немного, обняв себя за колени, по-прежнему не сводя глаз с гаснущего красного огня. Потом подошла к Хасану, опустилась рядом на корточки.

Помолчали.

— Ну, здравствуй, Хасан, — негромко сказала Дуська.

Костер сзади просвечивал ее волосы, лицо было в темноте.

— Сколько ж тебе лет теперь? — спросил он.

— Тогда шестнадцать было. Да еще десяток прибавь. Женщина во цвете лет, — усмехнулась Дуська. — Подвинься, — скомандовала она. Встала над ним, размотала кушак, скинула назад развилку, шагнула из шаровар.

— Ты что? — приподнялся Хасан.

— Да вроде как должна я тебе. Отдам должок-то. Не люблю на потом оставлять. — Она стояла прямо над ним в одних узких плавках, бесстыже уперев руки в пояс. — Или не нравлюсь?

— Не думал я, что такой станешь, — сказал Хасан. — Даже до меня там слух дошел — люди и на Столбах-то не были, а про Дуську слышали.

— А что мне было делать? Целку из себя корчить? — вдруг быстро, зло заговорила Дуська. — Когда каждый на меня показывал: «Вот это Дуська, которую мент изнасиловал, а Хасан этого мента с Коммунара сбросил!» Дурак ты, Хасан! Десять лет ждала, чтобы сказать тебе: дурак ты! И себе жизнь угробил, и мне!

— А что же, простить надо было! — вскинулся Хасан.

— Не простить, так втихую сделать! Мне-то уже все равно, не зашьешь — так хоть бы себя пожалел.

Нет, надо же было среди бела дня на верхушку его тащить! Чтоб все видели! Чтоб все узнали!

— Надо! — отрезал Хасан. — Чтоб все видели! Чтобы все узнали — тут не город, тут наши законы!

— А ты подумал, как мне потом жить будет? — шепотом закричала Дуська. — Мало мне мента было, мало меня на суде помоями поливали, мало, что только о том и разговоров — так ведь каждый здесь на меня смотрел и думал: вот из-за этой прошмандовки человек в тюрьме! А Дуська что? А Дуська — хиханьки, хаханьки, то с одним, то с другим, вперед всех веселится, вперед всех по смертельным ходам прет, чтобы или разбиться к черту, или чтоб забыли наконец... Да ладно! — махнула она рукой так же неожиданно, как начала. — Чего время терять. Ну, чего смотришь? Десять лет бабу в руках не держал. Ну? — Она обняла его, но Хасан отстранился.

— Я блатарем никогда не был, — сказал он, уперев взгляд ей прямо в лицо, чтобы нечаянно не уронить глаза на белеющее в полутьме тело. — Я уж на равных со всеми — когда очередь дойдет. А должок прощаю, — я не за тебя сидел, за Столбы, — и зевнул, отворачиваясь: — Зря разделась-то, холодно будет ночью, не май месяц...

Секунду Дуська с протянутыми еще руками растерянно смотрела на него, потом зло прищурилась, сжав губы. И вдруг разухабисто заорала:

— А ты такой холо-о-о-одный! Как айсберг в океа-а-ане! — и как была гольшом, пошла к костру.

Абреки, сидевшие с гитарой и выглянувшие из спальников, разинули рты, глядя на нее, залитую красноватым плывущим светом от костра. Дуська, не торопясь, взяла папироску и вытащила уголек из огня.

— Нравлюсь? — прикуривая, скосила она глаза на сидящего с глупой рожей Гуляша.

Тот не головой даже, а всей спиной кивнул и осторожно коснулся Дуськиной ноги. Она дала ему коленом в лоб:

— Куда ручонками? Заслужи сперва, — и легла под одеяло к Цыгану...

Они нескоро угомонились с Цыганом. Дуська стала вставать, зная, что Хасан не спит и слышит.

Ранним утром, едва солнце острыми лучами прибило густую хвою, абреки были уже при всем параде и готовы к выходу.

— Заводи! — скомандовал Хасан.

Гуляш покрутил ручку обшарпанного патефона, поставил тяжелую старую пластинку — сквозь шип и треск на всю окрестность грянуло: «У самовара я и моя Маша!», и абреки двинули на камень: впереди Гуляш с патефоном под мышкой, дальше круглолицый Нахал пер за плечами самовар с прокопченной трубой, следом Хасан, Дуська с Цыганом и остальные, в обозе Кукла и Варейка.

У подножья Первого абреки с воинственным криком и гогомом рассыпались по разным ходам:

— Наверху увидимся! — и, как красные мураши по серому камню, пошли наверх, то пропадая в расщелинах, то переползая по нависающему пузу, ступая по карнизам в палец глубиной и обтекая телом камень.

Хасан пошел по Колоколу, средней сложности ходу. Пальцы сами вспоминали ход, искали и находили

карманы и щели. Сначала он шел уверенно и быстро, поглядывая на открывшуюся над верхушками сосен панораму Столбов. Но потом пальцы стали неметь, сдавала прокуренная дышалка, и к середине Хасан сдох, как последний турик.

Дальше был «тараканий лобик» — большой округлый выступ. Хасан собрался под ним в комок, чуть не наступая калошами на руки, и стал распрямляться, перебирая ладонями, обтекая камень, как гусеница. Вслепую пошарил наверху — там были только «сопли», мелкие выбоинки. Он попробовал подтянуться на подушечках пальцев, тут же понял, что не сможет — не выдержат пальцы, не те уже пальцы, десять лет назад одной такой «сопли» хватило бы подтянуться, а сейчас не сможет. Так и замер навзрыд — цыпочки на карнизе, в живот туго, не вздохнуть, опирается «тараканий лобик», хваталки где-то наверху. Самое страшное на камнях — остановится: сил-то не прибудет, наоборот, с каждой секундой меньше. Руки уже колотило от напряжения, пальцы один за другим съезжали из «соплей». Хасан виском прижался к щербатому пористому, как обветренная кожа, камню, оскалился, чтобы и скулой упереться. Он слышал только свое дыхание, отраженное от камня.

Сверху маячили стертые калоши Цыгана, но Хасан лучше уплыл бы, чем попросил дать хвоста. Он скосил глаза вниз, где по голой земле ползали маленькие разноцветные человечки. Между ним и землей клубилась плотная зеленая крона одинокой сосны. Если в момент, когда сорвутся руки, очень сильно толкнуться от камня и, конечно, если очень повезет — можно вломиться в крону.

Снизу кто-то поднимался за ним, громко сопя. Кто — не видно было за каменным пузом.

— Эй, внизу... кто там?... — прохрипел Хасан.

— Это я, Нахал.

— Слышь... я уплыву сейчас...

— Вставай на «этажерку».

Хасан нащупал ногой его плечо и встал.

— Справа пошарь — там «дверная ручка».

Хасан, перебирая пальцами, пошел рукой вправо и ухватился за глубокий, удобный, как дверная ручка, карман. Закинул туда же ногу и вытащил, наконец, себя на проклятый «тараканий лобик».

Тут же снизу возникла самоварная труба, а следом — деловая рожа Нахала.

— Там дальше «балда», видишь?

Хасан взялся за «балду» — отполированный руками пупырешек — и вышел на крутой гладкий склон, обрывающийся ниже отрицаловкой до самой земли.

— Калоши нагрузжай, — командовал Нахал.

— Туриков учи, — буркнул Хасан. Он встал на склоне, опираясь на носки калош, только чуть касаясь камня вытянутыми руками, и двинул вверх. Турики и начинающие жмутся к камню — и сразу плывут: мало трения, калоши не держат.

Хасан забрался в Колокол — гулкую расщелину, уходящую прямо к верхушке, встал перекурить. Дрожаящими пальцами вытянул папиросу. И Нахал тут как тут — этому хоть бы что, даже не запыхался, даром что за плечами ведерный самовар. Хасан, прикуривая, искоса глянул на него — не разнесет ли, как позорно он с «тараканьим лобиком» воевал?

— Я тут ногами вверх поднимался, когда ты у мамки в пузе сидел. Понял?

— Знаю, — спокойно откликнулся тот.

— А кто первый с Коммунара на Первый прыгнул? — указал Хасан на разделенные пропастью столбы. — Как прыжок называется, знаешь?

— Прыжок Хасана.

— Вот то-то... — потихоньку успокаиваясь, сказал Хасан. Нашел перед кем права качать, перед этой мелюзгой краснопузой. А тот стоял напротив, невозмутимо обкусывая заусенец с грязных ногтей, обрезанных почти под корень. — Я там, когда совсем тошно было — в уме на столбы ходил... Руками что-то делаю или ногами на развод шагаю, или замполита слушаю, как честно жить надо — а сам Призовым ходом на Первый иду, от земли до верху... Каждый шаг, каждую зацепку вспоминаю. Поднимусь, передохну, и опять от земли — Абалаковским, а потом Голубым, а потом Обелиском... На Первый всеми ходами вышел — ломанулся на Китай, на Ермак, на Великий Могол. Хозяин на меня орет, а я на Перья ползу Зверевским Силовым, аж руки сводит... После отбоя думаю: где-то еще сегодня не был? Ага, до Дикаря не добрался! Иду на Дикаря... — Хасан усмехнулся. — А раз ход забыл. Пошел на Деда Лунным — ну, знаешь, с обратной стороны — до середины поднялся врасклинку, где щель кончается, а куда дальше — забыл!

Нахал страдальчески сморщился, засучил в воздухе пальцами, вспоминая:

— Так там же за белку цепляешься и маятником влево...

— Ну да! А я забыл! Три дня как подвешенный ходил. Там же спуститься нельзя — только вверх!

Хасан засмеялся. Нахал тоже с готовностью захихикал, под настроение спросил:

— Феску когда отдашь?

Хасан посуровел, тяжело глянул в его плутоватую физиономию, затушил бычок.

— Феску заслужить надо. Пошли, — он двинулся было дальше, но замер. Рядом с ходом на стене изображен был в рост человека голубок в траурной рамке.

— Так Голуб здесь уплыл? — удивленно спросил он.

— Ага. Вон с карниза.

— Ты видел?

— Не, это до меня еще... Говорят, тетка из туриков глянула вниз и легла со страху. А как ляжешь — так поплывешь, сам знаешь, одежда скользит как по льду. Разогналась, аж куртка на локтях сгорела... А снизу Голуб шел. Только над карнизом выглянул, видит — пловец. Не сообразил даже — кто-чего? — грядую ее на краю остановил, а сам вниз улетел...

Хасан глянул вниз, на далекую каменистую землю.

— Встал-то на ноги, а что толку, с такой высоты. Мослы в грудь вошли. Так кровью и захлебнулся...

Хасан снял феску. Помолчал, хлопнул по каменному крылу, как друга по плечу, и кивнул Нахалу:

— Ладно, пошли.

— Я за тобой.

— Ты что, щенок, страховать меня вздумал? — заорал Хасан. — Пошел, я сказал!

Ближе к вершине несколько соседних ходов слились, и абреки встретились на Садике, ровной площадке, заваленной мелкими камнями, между которых росли одинокие березы. Чуть погода подошли Хасан с Нахалом.

— А мы уж думали — заблудились, — ехидно сказал Цыган. — Искать собрались...

Еще выше повстречали «изюбря» с теткой из туриков, институткой лет двадцати. Тетка рыдала белугой, обняв камень. Бедный «изюбрь» прыгал перед ней на карнизе:

— Видишь, я стою. Совсем не страшно. Пойдем!

— «Изюбрям» — наше здарсьте, — Цыган мимоходом приподнял щепоткой феску. — Чего — прилипла?

— Ну! — досадливо махнул тот. — Заташил на свою голову. Час уже лежит... Ну, пойдем, — взял он тетку за руку.

Тетка глянула вниз и с визгом пуще прежнего вцепилась в камень:

— Не трогай меня!

— Ты что, ночевать здесь будешь?

— Да-а-а!

— Да вы не переживайте так, девушка, — участливо сказал Гуляш. — Тут по четвергам вертолет летает, собирает, кто остался...

Хохма была старая, но очень кстати, и абреки с готовностью заржали. Вообще, любая шутка, чей-то неудачный шаг встречались хохотом, всеми владело радостное возбуждение, как всегда на камне, и чем выше, тем веселее становилось.

На вершине Гуляш по новой закрутил патефон. Нахал набил самовар шишками, накиннул на трубу дырявый сапог и принялся наяривать. Абреки прыгали с двух сторон на Танцплощадке, громадной плите, перекатывающейся над обрывом, раскачивали над самой кромкой нарочно визжавшую Куклу. Выпучив глаза, раскинув руки, разбегались вниз по крутому склону и замирали, изобразив ласточку на краю стомеровой пропасти.

Хасан вдохнул полной грудью и широко, неторопливо оглядел зеленые волны сосновых верхушек, убегающие к горизонту, и торчащие из зеленого моря будя серые камни столбов — вот Второй, грубоватый, будто топором кое-как вырубленный, вон Четвертый с круглым камнем — Картошкой наверху, острые лезвия Перьев, Китайская стена, как хребет каменного динозавра, круглый купол Митры, голова хмурого Деда...

По другую сторону был обрыв, далеко вниз ворочался в тесных берегах Енисея. За ним начинался город. Бесчисленные трубы — высокие и низкие, по одной и целые батареи — сочили белые, рыжие, черные и ядовито-желтые дымы, те перемешивались и накрывали Красноярск плотным грязно-серым облаком, сквозь которое едва видны были кварталы.

— Кто на Обход? — крикнул Цыган и первым пошкураял вниз, к Коммунару.

Пирамиду каменных блоков, из которых сложен было Коммунар, венчал громадный скошенный камень, похожий на голову кита, если, конечно, представить кита величиной со столб. Между Китом и нижним камнем по кругу шла узкая мелкая щель. Двигаться по Обходу можно было только ползком —

правый локоть и колено в щели, левые упираются внизу в вертикальную стену, тулово балансирует на кромке, а перед глазами пропасть.

Цыган и еще несколько абреков за ним гуськом двинули по Обходу. Неожиданно навстречу им появились шедшие тем же ходом с другой стороны два столбятника в тельняшках и черных клешах. Сошлись голова к голове и замерли, меряя друг друга глазами.

— Гуляш, — изумленно спросил Цыган, — что делают вонючие «беркуты» на нашем столбе?

— Летать, наверное, учатся, — ответил сзади Гуляш. — Научим?

Абреки радостно заржали.

— На камнях не драться, — предупредил первый «беркут».

— Ползи назад!

— Сам ползи! Мы первые ход заняли.

— Нет, ну ни шагу не ступишь — «беркута» все столбы обсела, — пожаловался Цыган. — А ну подвинься — абрек идет! — и он, совсем уж зависнув над пропастью, полез через «беркутов», наступая коленом на спину, на руки и — нарочно — на голову. За ним с гогомом ринулись топтать врага остальные. Придавленные к камню, беспомощные «беркуты» только крихтали от напряжения, изо всех сил цепляясь за щель.

— Ладно, краснокожие, внизу встретимся — поговорим! — пообещали они вслед.

Хасан, наблюдавший с Первого, одобрительно присвистнул — оценил рискованный трюк.

А Цыган, закончив Обход, пошел по второму кругу, но иначе — все тулово снаружи, над пропастью, носки калош упираются снизу в стену, локти намертво прижаты к бокам, и только скрюченные от натуги пальцы в щели.

Хасан удивленно качнул головой. Оглянулся, спросил стоящую рядом Дуську:

— Как называется?

— Рояль, — усмехнулась та. — Похоже?

Цыган и в самом деле похож был на пианиста, присевшего перед каменным роялем и положившего руки на клавиши. Только стула под ним не хватало.

— Кто первый прошел? — ревниво спросил Хасан.

— Цыган. Теперь многие ходят....

— Хасан! — Нахал забрался с другими абречатами на макушку Кита, под красный флаг. Разбежался — и прыгнул через глубокий провал на Первый. Пролетел метров пятнадцать, снижаясь по крутой дуге, прилип на мгновение к вертикальной стене — и мягко съехал на карниз. А следом уже летели другие, распахнув руки, в бьющих по ветру шароварах.

— Прыжок Хасана! — с выражением произнес Цыган. Он подошел, растирая онемевшие пальцы.

— А ты что же?

— Пускай мелюзга прыгает, — небрежно ответил Цыган. — Ума не много надо... Лучше ты на Рояле сыграй.

Хасан тяжело глянул на него, но промолчал.

— Отвык от свежего воздуха. Голова кружится, — сказал он погоды. — Пережду пару дней... Зашевелились, гниды, — кивнул он вниз, где возле ларьков суетились торговцы — раскладывали товар, раздували огонь в мангалах. — Пошли отсюда. Смотреть тошно...

Ломанулись на Перья. Перья — два острых каменных штыка — торчали из земли, плотно прижатые друг к другу. Абреки как шли гуськом, так и поперли, не сбавляя шага, вверх по Уху, вертикальной складке. Хасан рисковать не стал, поднялся по Бабским катушкам, этажерке с обратной стороны. Встретились на верхушке.

Абреки прыгали с одного острия на другое, нороя спихнуть кого-нибудь вниз. Гуляш получил калошей в зад, не удержался и с диким воплем ухнул между Перьями. Хасан следил за ним сверху. Гуляш, набирая скорость, падал на землю. Метров за пятнадцать расклинился в стены локтями и калошами, притормозил, спрыгнул и отскочил в сторону. А следом уже, как горох, сыпались остальные: один повалился спиной вперед, как водолаз, другой вниз головой, скучно скрестив руки на груди. Нахал отмолил, чего Хасан и не видал раньше: с самого начала расклинился локтями и пошел кувыркатся, будто солнышко на турнике крутить.

Хасан выбрал паузу в абречном десанте и так же с криком нырнул в Шкуродер. Пошел по-простому, без куража, притормаживая понемногу сверху донизу. У Шкуродера было два простых правила: нельзя жаться внутрь — со всего разгона заклинит в щели, нельзя наружу — потеряешь опору. Спрыгнул на землю, неторопливо шагнул в сторону, освобождая место остальным, потирая горящие локти, а душа помалчишеешки ликовала и рвалась снова наверх и снова в гулкую пустоту, как много лет назад, когда впервые пересилил страх.

— Дуська на Авиатор пошла! — крикнул кто-то. Абреки задрали головы.

Дуська спустилась к Авиатору, глубокой расщелине на середине Перьев, и несуетливо готовилась к прыжку, зная, что снизу смотрят. Зацепилась ладонью и носком калоши за край расщелины, свесилась наружу, во всю ширину раскинув руки, прижавшись лицом и грудью к стене, дотянулась до кармана, пошарила в нем, притирая плотнее пальцы — и на секунду замерла так, распластавшись на вертикалке, как самолет. Здесь было невысоко, метров двенадцать, но снизу выступили острые каменные ножи.

Дуська широким маятником качнулась на одной руке, бросила карман и, плеснув шароварами, перелетела с одного Пера на другое и четко встала на узенький карниз, будто прилипла к камню.

Абреки одобрительно загудели...

По пути домой все разом вдруг свернули к одинокому камню в березняке. Ничем не примечательный трехметровый камешек был расколот надвое, над щелью краской было выведено Дуськино имя.

— Ну? Кто сегодня пробует? — Дуська по-царски уперла руки в кушак. — Главный приз на месте!

Абречата пересмеивались, похабно поглядывая на нее, подталкивая друг друга к камню.

— Разлюбили, что ли?

— Это что за хитрушка? — спросил Хасан следующего за ним по пятам Нахала.

— Дуськина Щелка, — ухмыльнулся тот.

— Чего?

— Дуська ее нашла. Обещала — кто пройдет, с тем она и ночь спит.

— Ну и что, многие прошли? — не сразу спросил Хасан.

— Не... Цыган только, — нехотя ответил Нахал. — Это треплют все про нее, не верь. И сама она треплет...

Хасан глянул на Дуську. Она то ли слышала, то ли просто понимала, о чем речь, и, нагло улыбаясь, смотрела ему в глаза.

— Ну? — спросила она. — Есть желающие?

Хасан бросил папиросу в рот, прикурил.

— Гуляш! — повернулась Дуська. — Чего ночью сопел — меня вспоминал?

Гуляша вытолкнули к щели. Он обреченно глянул наверх, нахлобучил поглубже феску, потер ладони, разогревая пальцы, и пошел.

Хитрушка была непростая. Щель изгибалась крутой дугой, так что идущий должен был, зависнув на пальцах на гладкой, будто полированной кромке, опрокинуться вниз головой и переступить ногами по другой стенке, как муха по потолку.

— Не пройдет, — уверенно сказал Нахал. — Если б на плоском камне — делать нечего. А тут, видишь, в чем хитрость-то — кромка притоплена. Локти на излом стоят. Тут руки надо, как у Дуськи — у нее в обратную сторону гнутся, или грабли, как у Цыгана...

Видно было, как на каждом движении камень давил Гуляша в плечо, выжимая из щели, — вес тулова тянул его пальцы не вниз, как привычно, а вбок. Гуляш добрался едва до середины и надолго завис под хохот и свист абреков.

— Чего висишь? Созрел? — спросила Дуська.

Гуляш, не успев даже распрямиться ногами вниз, сорвался и шмякнулся на спину, как переспелая груша. Поднялся, кряхтя и через силу улыбаясь, подошел к Дуське и наклонился, подставляя зад. Та сняла калошу, размахнулась и от души врезала ему по заднице:

— В другой раз, Гуляш! Пока подушку потискай!.. Опять меня ночью, бедную, согреть некому, — вздохнула она. — Пошли!..

Проходя в отдалении мимо Четвертого, Хасан заметил под вершиной тельняшки «беркутов» и остановился посмотреть. На одну сторону от верхушки камень был как ножом срезан, внизу крутой склон обрывался отрицаловкой метров на пять-десять. На этом пятачке был прочищен ото мха ход — петлей от верха до самой кромки и опять наверх. Один «беркут» шел по петле, другие обсели верхушку, наблюдали.

— Красиво, — оценил Хасан. Ход был не просто рискованный, но и страшноватый — спускаться-то надо вслепую, на ощупь. — Кто придумал?

— Петлю? Пиночет разведал на страховке, рассчитил, потом уже понемногу другие ходить стали, — ответил Нахал.

— Ты пощупал?

— Не, откуда? — удивился Нахал. — «Беркута» близко не пустит.

— Куда не пустит? — удивился и Хасан. — На камень?

— Ну... Ихний столб.

— Что значит — ихний... — опешил Хасан, но договорить не успел.

— Гляди! — ахнули все разом.

«Беркут» вдруг проскользнул вниз, и только на самой кромке, когда сердце у каждого уже ухнуло

вместе с ним в холодную пустоту, он в неловкой позе зацепился за что-то, замер, не дыша, чтоб дыханием не столкнуться себя с последней опоры.

Маленькие фигурки «беркутов» засуетились на столбе. Раскручиваясь, к пловцу полетела «сопля» — страховочный трос, но тот не мог уже шевельнуть пальцем, чтобы не сорваться в то же мгновение. По страховке спустился другой, перехватил пловца за ремень, и их вдвоем вытянули вверх.

Абреки пошли дальше, тут же забыв мимолетное происшествие — плавали все и по многу раз, никто не убили и слава Богу. Но на подходе к Скитальцу наперерез им вывалилась толпа разъяренных «беркутов». Впереди пострадавший с ободранной щекой — видно, и лицом в камень упирался, когда плыл.

— Что, суки, абречье поганое — посмотреть хотели, как я гробанусь? А вот вам в глотку? — от плеча показал он. — Живой я!

— Ты что, с болта сорвался? — спросил Цыган.

— Кто?! — наступил пловец, протягивая растопыренные пальцы. — Кто маслом ход намазал? — на ладонях у него действительно жирно блестело машинное масло.

— Эй, погоди, — Хасан проталкивался вперед. — Дай разобраться.

Но было уже поздно.

— Бей краснокожих! — раздался боевой клич.

Кукла и Варешка привычно отскочили в сторону.

— Уйди, тетка! — «беркут» оттолкнул стоящую перед ним Дуську, та, не задумываясь, врезала ему коленом промеж ног и крюком по зубам. В одно мгновение перемешались тельники и красные развилки, замелькали над головами морские ремни и тяжелые кинжалы в ножнах. На Хасана с воем выскочил «беркут», заноса березовый кол, увидел незнакомое лицо, молча обжег, и с воем помчался дальше.

— Пиночет! — заорал Хасан, заметив вдаль стоящего на камне командира «беркутов». — Убери своих!

— Мы твоих со столба по одному покидаем! — проорал тот в ответ, возбужденно поправляя черные проволочные очки. — Вперед, ребята!

Хасан метался между дерущимися, пытаясь разнять, потом сбил с ног одного «беркута», другого. Дрались, как обычно, на Столбах, ожесточенно, но с куражом, успевая похлопать по плечу упавшего врага: «Полежи, отдохни!» или напевая что-то сквозь зубы.

— «Али-баба!» — закричали разом «беркуты» и абреки: одни — ликующие, другие — предупреждая друг друга. По тропе на помощь тельняшкам неслись человек двадцать из «Али-бабы» в черных пиратских платках, повязанных со лба назад.

Абреки дрогнули и начали отступать к Скитальцу. Оттуда вдруг грянул нестройный залп: несколько абречат засели между камнями и поливали из обрезов поле боя мелкой дробью. Драка стала затихать, все уже не столько махали кулаками, сколько пытались заслониться врагом от дроби.

И тут Цыган с горящими глазами вылетел на середину, держа в распахнутых граблях по самодельной гранате, весело заорал:

— На кого Бог пошел! — и изо всех сил запулил гранаты в небо. И первый сел, прикрывая голову руками.

Бог послал всем понемногу — и «беркутам», и абрекам, и самому Цыгану.

Битва завершилась, противники, погрозив друг другу на прощание, разошлись по домам зализывать раны.

На Скитальце Дуська, разложив брезентовую сумку с красным крестом, щедро заливала ссадины перекисью и йодом, бинтовала руки и головы. Одному, залепив рану на лбу пластырем, велела:

— В город. Швы надо класть.

Хасан мрачно курил, сидя на Феске. Потом исподлобья оглядел абреков и приказал:

— Бросай обрезы! Вот сюда, — указал он себе под ноги.

Абреки неуверенно переглядывались. Нахал первый выступил вперед и положил перед ним обрез, высыпал из кармана патроны. За Нахалом другой, третий.

— Все?.. Что вы мне мозги полощите! — крикнул Хасан. — Выгребайте из щелей захоронки!..

Куча оружия перед ним росла. Здесь были и хорошие двустволки-вертикалки, и охотничьи карабины, и древние берданки, и самопалы с курком на резинке; рядом горка разнокалиберных патронов и несколько гранат. Последней Дуська, усмехнувшись, бросила маленький никелированный револьвер.

— Цыган?

Тот ехидно развел руками: хоть обыщи, ничего нет.

— Ладно. Возьми людей, сколько нужно, — велел Хасан. — Собери все это. Утопишь под нашим берегом, где глубже.

Абреки возмущенно загудели.

— Тихо! — крикнул Цыган. — Тихо, я сказал!..

Хасан, ты первый день здесь. Если не веришь мне — поживи неделю, сам увидишь: все изменилось! Не мы это начали. Когда сгорела «Беркутянка», «беркуты» заорали: «Бей абреков!». Все навалились — «Али-баба», «славяне», «здельвейсы», «бесы». Хорошо хоть, «изюбри» помогли — еле отбились... И пошло: у одних избу обчистили... Кто? Абреки! У других дымоход заложили, чуть не угорели все. Кто? Опять абреки. Утром не знаешь, с кем вечером драться будешь. Мы тут одни против всех. А ты хочешь нас с голыми руками оставить?

— Здесь наш дом, Цыган. Можно жить дружно с соседями, можно ссориться, но в своем доме не стреляют... Ты знаешь, что это? — Хасан снял вышитую бисером феску, бережно отряхнул с нее песчинки. — Это корона абреков. Ей больше ста лет. Я получил ее из рук самого Змея. И пока она на моей голове, — он вернул корону на место, — мои приказы не обсуждаются.

На Скитальце стало тихо. Наконец Цыган досадливо плюнул в сторону, кивнул:

— Гуляш! — они начали собирать оружие.

Хасан вызвал Нахала и еще троих абречат:

— Обойдете избы. Передайте, что завтра в полдень Большой Совет у Львиных ворот.

— Я к «беркутам» не пойду, — угрюмо сказал Нахал.

— Дуська, выдай им по белой тряпке. Парламентеров не тронут.

Старшие абреки со связками обрезов за плечом направились к Енисею. Младшие с белыми флагами поплелись по избам.

К полудню не пришел никто. Избачи посчитали зорным прибыть вовремя — получилось бы, что они признают за Хасаном какие-то особые права. Абреки сидели на окаменевших корнях перед Львиными воротами — двумя пологими камешками, между которыми, как нарочно, как перекладина ворот, лежал третий. Хасан курил, шагая вперед и назад.

— Всем объявили? — еще раз спросил он.

— Да всем...

— А до «Грифов» добрались? Или ноги лень топтать было? — остановился он через пару шагов.

— Да не придет никто, — ответил Цыган. — Зря сидим.

— Придут, — убежденно сказал Хасан.

И точно — минут через пятнадцать появились «беркуты» в полном составе. Не торопясь: будто бы шли себе мимо, глядь — кто-то сидит, дай и мы присядем неподалеку. Подтянулась «Али-баба», потом «славяне». Подходили молча, садились не здороваясь, плотным своим кругом. Потом все разом задержались: кого ждем-то? — и каждую новую избу встречали недовольным гулом. Опоздавшие огрызались, но, усевшись, тут же со всеми начинали подготавливать следующих.

Наконец Хасан поднялся на Львиные ворота. Все лица тотчас обратились к нему, раздался дружный хохот.

8 Уральский следопыт №3, 1993

— Вот так и стой! А мы почетный караул внизу поставим!

— Эй, председатель! Президиум будем выбирать? — столбятники изгалялись как могли — больше от досады, чем для смеха: опять абрек встал выше, как начальник.

Хасан, не обращая внимания на подколы, деловито оглядел сидящих. Собралось человек двести и, хоть шли нехотя, однако все были при полном параде: и «беркуты», и «Али-баба», «излюбри» в староружимных галифе и гимнастерках, «славяне» в застиранных буденовках и красноармейских бантах на груди, «бесы» в душегрейках овчиной наружу, «эдельвейсы» в голубых олимпийках. Пришли даже Богом забытые «Музеянка» и «Идея». Теток, как всегда, было мало — по две-три на избу.

— А «Нелидовка»? — оглядывался Хасан. — Ага, вижу. Ного нет? «Грифов»?

— И не будет. Плевали они на тебя с твоим соображением. Давай, говори чего хотел! До вечера сидеть, что ли?

— Мужики! Уважаемые избачи и уважаемые подкаменщики! — начал наконец Хасан. — Обойдемся без «Грифов», черт с ними. Это они без нас не обойдутся! Но об этом пускай у них голова болит... Десять лет Большой Совет не собирали! Как же так, мужики? Как жить-то, если вот так не собраться всем, не потолковать? Сто лет на Столбах люди живут, и сто лет никому тесно не было. Любой свобод-

ный человек, кому внизу дышать нечем — приходи, выбирай избу, а если никто не нравится — свою строй. Сюда все шли, кого внизу власть давила — и беглые, и староверы, и коммунары, и дезертиры, и красные, и белые. И все дружно жили, никто никому не мешал...

— Ты лекцию не толкай! — зашумели столбятники. — Без тебя знаем!

— Я к чему, мужики? Я десять лет здесь не был. Почему — все знают. Спешил в дом родной, а вернулся в дешевую коммуналку. Принесли снизу городскую заразу — все делить. Дед мой, Бабка твоа, а на Внучку вообще не смотри. Раньше у каждого все столбы были, а теперь свой, но один. Вот и сиди на нем орлом всю жизнь. Не выйдет так, мужики! Не делайте Столбы! Или они есть, или нет! И я, Хасан, собрал вас, чтобы сказать: с этого дня все столбы открыты, нет больше ни «беркутиных» камней, ни абречих. Милости прошу и на Первый, и на Перья, а мы сегодня идем на «беркутиную петлю». Законы на камнях старые и всем известны: на занятый ход не лезь; пропусти, кто вниз — ему труднее; не помог пловцу — вон со Столбов! Все!

— Ага! Они нашу избу спалили, а мы им — здарсьте! — крикнул кто-то из «беркутов».

— Только пусти абречье — последние калоши сопрут! — подхватила «Али-баба».

— Кто сказал? — вскочил Цыган. — Ты, пират недоделанный, ты у меня свой платок на глазу носить будешь! На деревянной ноге скакать!

Абреки по привычке сразу схватились за кинжалы. Избачи тоже вскочили с мест, разворачивая стенка на стенку. Вымуштрованные тетки разбежались в стороны, чтобы не мешать, только Дуська осталась в боевых порядках.

— Тихо! — перекрывая общий ор, гаркнул Хасан. — Я не все сказал!.. Кто видел, что «Беркутянку» подождли абреки?

— Да все знают!

— Я спрашиваю: кто видел? — раздельно сказал Хасан. — Пусть выйдет сюда и скажет! Законы все знают: вора — на столб! А я бросаю корону и ухожу к чертовой матери! Ну? — он снял корону.

Избачи шумели, но никто вперед не выходил.

— Кто из стариков есть? Пиночет! А это чья там противная рожа в «изюбрях»? Это ты, Грач? Не дайте соврать!.. Мы с вами никогда не целовались. И дрались, и с белым флагом ходили. И веревку ночью поперек тропы натянешь, и перцу на печку бросишь — всяко было. Но как вы могли поверить, что самый поганый, самый последний столбятник может намазать маслом ход и прийти смотреть, как из другого мозги вылетят? Не может быть такого!.. Пока мы деремся — одна изба сгорела. И остальные сгорят! Кому-то нужно, чтобы мы все передрались и по своим столбам расселись, чтобы передавить нас поодиночке. И я подозреваю, кому это нужно!

— Ну, говори! — столбисты затихли, глядя на него.

Хасан выдержал паузу...

— Менты! — крикнул кто-то вдруг. Между деревьев мелькали, охватывая поляну, серые ментовские мундиры.

Хасан прыгнул со Львиных ворот. Столбятники ломанулись всей толпой прямо сквозь жидкую мент-

товскую цепь. Кого-то успели схватить, но остальные прорвались и рассыпались по Столбам. Преследовать их в лесу, а тем более на камне было бесполезно, и менты принялись сгонять в кучу задержанных.

Попались человек двадцать — и «Беркуты», и абреки, и «славяне», каждой твари по паре. Они, впрочем, не шибко переживали, не сопротивлялись и дружно болели за Гуляша. Тот не сумел прорваться к столбам, дунул в обратную сторону и с разбегу взлетел на Слоника. Менты окружили камень.

— Слезай, — велел старший. — Поймаю — хуже будет.

— Ага. Лови, — нагло ухмыльнулся Гуляш сверху. — Не надорвись только.

Старший полез на Слоника, сапоги проскользнули, и он съехал вниз по Постирушке, ободрав локти. Менты прыгали вокруг, пытаясь достать дубинкой Гуляша по ногам, тот весело приплясывал на верхушке.

— Лестницу надо бы, — догадался кто-то из ментов.

— Да черт с ним, — плюнул старший. — Грузи остальных.

Подогнали открытый грузовик, менты сели по бортам, столбистов, как селедку в бочку, набили в кузов и поехали в город.

Главный кордон заповедника — Нарым — стоял неподалеку от Первого. В его ворота упиралась наезженная грунтовка, идущая снизу из города, здесь же кончалась электрическая и телефонная линия. Это был крепкий бревенчатый дом с полинявшей табличкой «Государственный заповедник «Столбы», внутри забора располагались также сараи, поленица, качели, веревка с сохнувшим бельем и живой уголок из подбитых браконьерами птиц и зверей.

Когда Хасан со свистом подошли к Нарыму, перед открытыми воротами буксовала новенькая голубая «Вольнь» — жестяная пепельница на маленьких колесах. Хасан кивнул своим, они толкнули машину, и «Вольнь» вкатилась во двор. Хасан вошел следом. абреки остались за воротами.

Из машины вылез Бурсак, старший егерь заповедника, приземистый коренастый мужик в синей егерской гимнастерке с еловыми лапами на петлицах.

— Здорово, Хасан.

— Здорово, Бурсак.

— Мечтал — не увижу тебя больше, загнешься на зоне.

— А я думал — давно пристрелили тебя где-нибудь ночью на Каштаковской Гриве.

Из дома выскочили две Бурсаковы дочери-мокрошелки, тот передал им сумки с продуктами из города. Старшая презрительно фыркнула на пестрый абречий наряд и гордо отвернулась.

— Давно «мерседес» прикупил?

— Неделю как, — Бурсак любовно погладил свою каракатицу по капоту. — Не разбираешься в машинах? Постукивает что-то в подвеске, — он присел перед колесом, пристраивая домкрат.

Хасан закурил, усевшись на скамью рядом.

— Ментов ты вызывал, Бурсак?

— Зачем? Плановая операция по очистке заповедника от посторонних.

— И не боишься? — удивился Хасан.

— Ты ж меня знаешь, Хасан. Это молодняк твой меня пугать пробует, — кивнул Бурсак за ворота. — Будь я пугливый, я бы тут двадцать лет не прожил... Ключ подай — вон, торцевой...

Хасан, не вставая, бросил ключ ближе к Бурсаку.

— Что менты с нашими делать будут?

— Как обычно. Оштрафуют, ножи отнимут и отпустят.

— Если у тебя душа так про заповедник рыдает, что ж ты торгашей сюда пустил?

— Они цивилизованные люди, не то что вы, папуасы. У них с порядком строго... А нам деньги нужны, Хасан, чтобы заповедник спасти. Умирают ведь Столбы! Смотри, — он указал на сосны, торчащие над землей на окаменевших корнях. — Это не деревья, мертвецы стоят: корни вытоптаны. И молодняк здесь еще двадцать лет расти не будет. Ручьи пересыхают: Медвежий, Берлы, Большой Индей! Вам наплевать, вам только ваши дикие забавы — а на столбах зверья уже нет, браконьеры выбили, потому что они на колесах, а зимой на «Буранах», а мы, нищие, на своих двоих. И люди к нам не идут за гроши надрывать. Это вы под камнями живете, как сто лет назад, при лучине. А кругом нормальные люди, они жить хотят нормально, в двадцатом веке... Меня тем летом в Калифорнию послали, опыт перенять, в национальный парк. Не был в Калифорнии, Хасан?

— Нет, я за Воркутой сидел.

— Вот это мечта, Хасан! Счастливый сон! — у Бурсака ожили, засветились глаза на обветренной роже. — Громадный парк, как наших пять. Чистый, как в пробирке! Заплатил — приходи, делай, что хочешь. Но только свернул с тропы — штраф. Развел костер — за всю жизнь не расплатишься. И индейцы там замечательно живут, в вигвамах сидят, туристы на них пялятся. А кончился рабочий день — перья снимают, в джинсы — и на машинах по домам!

— Это хорошо, что ты был в Калифорнии, Бурсак! — сказал Хасан, поднимаясь. — И запомни хорошенько, что видел — внукам расскажешь. Потому что здесь, — указал он на Столбы, — такого не будет никогда! Пока я жив.

Хасан бросил папиросу и пошел к воротам.

— Слышь, Хасан, — окликнул его егерь. — Знаешь, на чем ты погорел десять лет назад? И снова погоришь, если не поумнееешь?

— Ну?

— Ты думаешь, ты на Столбах живешь? Нет, Хасан. Ты в государстве живешь....

Когда отошли от кордона, Хасан вдруг заметил, что Нахал тащит подмышкой здоровенный рулон красной материи.

— А это что?

— У Бурсака из конторы уперли, пока ты ему зубы заговаривал, — ухмыльнулся Нахал. — Гляди!

Они с Гуляшом развернули плакат «Все на субботник по уборке заповедника!»

— Представляешь, сколько шаровар накроить можно!

Хасан думал о своем.

— Вот что, Нахал... Я адресов уже не помню — так объясню, на пальцах. Пойдете в город, найдете

старых абреков. Кто-то должен еще остаться. Скажете — Хасан зовет... Пора начинать!..

Посланные гонцы в город вернулись к вечеру. Между ними возвышался длинный, двухметровый почти мужик с крупным грубым лицом, громадными пятернями на тощих жилистых руках, неровно стриженный, не по размеру одетый и вообще весь расхлябанный, играющий на каждом шагу, как на разношенных шарнирах.

— Солдат! — поднялся ему навстречу Хасан.

— Хасан! — завопил тот, и два сорокалетних седых мужика принялись что было сил дубасить друга друга кулаками и бороться, пока не завалились оба на землю.

— А я аж не поверил сперва, — торопливо, захлебываясь стал рассказывать Солдат, когда угомонились. — Пришли мальцы, говорят: Хасан зовет! А я глазами лупаю, будто с того света голос услышал... Чего-то не знаю никого, — разглядывал он абреков. — Мелочь одна краснопузая... А, Цыган, здоров!.. Дуська, ты, что ли? Ну, баба стала! Ох, гляди, глаз положу! — он бесцеремонно огрел Дуську по спине пятерней.

— Погоди... А почему один? — оглянулся Хасан на гонцов.

— Так не осталось никого, Хасан, — ответил Солдат. — Без тебя все наперекосяк пошло... Сперва Голуб уплыл. Потом Монах, дурак, втихую на Большого Беркута ломанулся — дня через два только хватились, а его уж лисы объели. По кинжалу опознали. И поехало — один за другим пропадать стали. Пиф спился, зарезали в городе. Людон влип драку на два года — так и исчез. Спиральный в спортсмены подался — в Альпах золото выиграл, французов обул, как мальчиков. В феске на пьедестале стоял, Хасан! А потом на Памире с ледника сорвался... Остальные — даже не знаю, кто где. Акула, вроде, в городе, но я его уж лет пять не видел... Как чума напала на абреков... — он помолчал. — И я бы пропал, но тетка моя как почувала что — камнем повисла: не пушу больше! Квартиру на другой конец поменяла, чтоб Токмак в окне не маячил. Трех по-быстрому настрогали. Вот... — Солдат смущенно показал дежурную фотографию троих малышей. — Старшего через неделю в школу поведу — первое сентября. Первый раз в первый класс... В общем, повязала меня тетка по рукам, по ногам. Да и делать здесь уже нечего было. Как на кладбище ходил... Ты-то как, Хасан?

— Нормально, Солдат, — коротко ответил Хасан.

— Понял. Золотой закон Столбов: лезь на камень, не лезь в душу... А где моя фесочка, моя голубушка, — он развернул пыльные пожелтевшие газеты с абречьим парадом и кривым янычарским тесаком. — В сарае прятал от тетки...

Солдат переоделся — и вдруг неузнаваемо изменился, выправился в развилке и шароварах, перетянутый кушаком.

— На человека похож, — удивленно сказал он, разглядывая себя. — Не думал уже, что снова надеву... Хорошо, тетки не было, когда твои пришли. Я ей записку оставил, что в ночную смену вызвали. Завтра к вечеру в город вернусь — спиногрызов в цирк поведу. Сам понимаешь, святое дело. И тогда

уж тетке объявлю... Что тихо?! — заорал он. — Чего сонная, мелочь краснопузая? Хасан вернулся! Столбы дрожать должны!.. А помнишь, Хасан, последний раз рассвет встречали все вместе? Ломаемся на Второй — солнце встречать!

— Погоди. Сперва дело сделаем. Столбы чистить надо...

— А ты не объясняй! Ты приказывай! А Солдат — вот он!

Утром под Четвертой кухней кипела жизнь, орали сто динамиков сразу, турики активно подкреплялись перед штурмом вершин, сладкий дымок мангалов висел в воздухе.

— Ух, шашлычку порубаем! — возбужденно хихикнул Гуляш.

Абреки неторопливо, растянувшись по узкой тропе, вышли к Первому столбу. Кроме кинжалов кое-кто прихватил стальные триконя — тяжелые шипованные подошвы для зимы — и связки страховочных карабинов. Турики поначалу с любопытством глядели на пеструю компанию, кто-то даже поднял было фотоаппарат, но Солдат закрыл пятерней объект:

— Извини, друг, плохо выгляжу сегодня.

В мрачной неторопливости абреков была угроза, и толпа с краю начала расступаться, пропуская их к торговому городку.

Нахал подошел к фотографу, которому позировал недавно.

— Куда пропал? — обрадовался тот. — Клиентов навалом.

— Прячь камеру.

— Чего ты? — опешил тот.

— Разобьется — жалко будет. Давай-давай, быстрее, — похлопал его по плечу Нахал, подталкивая к разложенным на земле кофрам.

Гуляш поймал за локоть бугая в дорогом спортивном костюме, который, доев на пару со своей теткой шашлык, бросил не глядя бумажную тарелку под ноги.

— Подними.

Тетка в задранных на лоб темных очках, в блестящих панталонах, обтягивающих ляжки до колен, скучно глянула на Гуляша — и тут же тревожно забегала глазами по сторонам.

— Подними, Леша, — пискнула она.

Бугай и сам заметил уже абреков, неторопливо обтекающих их слева и справа. Нехотя наклонился и поднял.

— И вторую тоже.

— Это не моя.

— А ты все равно подними... Вот так.

Гуляш поставил на свободный столик патефон, завел и аккуратно опустил иглу на диск. В разногласии модных песен ворвалась хрипая «Маша».

Солдат, лениво позвякивая об ладонь связкой карабинов, подошел к первому ларьку, посторонил очередь и по пояс просунулся внутрь, опершись о прилавок, так что оказался нос к носу с продавцом. Огляделся, снял с витрины заграничную шоколадку, стащил зубами обертку и откусил половину. Секунду они глядели с продавцом друг на друга.

— Закрывай лавочку.

— Товар успею собрать? — деловито спросил тот.

— Поторопишься — успеешь.

Хасан на полуслове забрал мегафон у зазывалы:

— Граждане отдыхающие! Базар закрывается — на сегодня и навсегда! Господа шашлычники и прочие спекулянты! Маза кончилась! Даю пять минут на сборы! Через пять минут за сохранность товара и лица не ручаюсь!

Наиболее понятливые из торгашей быстро, внавал кидали товар в баулы, тащили сумки к стоящим поодаль машинам. Только кавказцы-шашлычники невозмутимо крутили шампуры над углями, наблюдая исподлобья за развитием событий.

Солдат подошел к крайнему.

— Вай, генацвали, нехорошо. Приехал в Россию, а по-русски ни бум-бум? Перевожу: чайхана — ей! Отваливай!

— А ты кто такой?

— Я — абрек.

— Да хоть Иисус Христос. Я за место заплатил. Отойди, да? — он оттолкнул Солдата. Тот будто невзначай зацепил за ножку столик, с которого тут же ухнула под ноги сыну гор громадная столовая кастрюля с маринованным мясом.

— Ай-яй-яй! — огорчился Солдат.

— Зарежу, собака! — тот схватил длинный кухонный нож и кинулся на Солдата. Гуляш опрокинул на него мангал с углями и раскаленным шашлыком. На помощь кавказцу бежали соседи с ножами и гирьками, дюжие охранники с нунчаками, брызнули в стороны перепуганные турики — и началось побоище с матом, лязгом триконей и карабинов, орущими по-прежнему магнитофонами и «Машей».

Гуляш сцепился с охранником, плечом вдавил того в стену киоска. Охранник с фанерной стеной рухнул внутрь, и его засыпала пирамида пивных банок. Трещали и складывались, как картонные домики, ларьки, разлетались угли, опрокинутый мороженный аппарат вдруг выдул сугроб пломбира. Абреков было больше, тренированные охранники были сильнее. Но тут в центр драки ворвался Цыган.

— Ложись! — заорал он, бешено вращал глазами.

В руках в него были гранаты с тлеющими фитилями. Бросать, собственно, было некуда — красные развилки абреков перемешались со спортивными костюмами охранников, — и Цыган запустил гранаты в сторону. Грохнул взрыв, другой, накатило гулкое эхо от Чертовой кухни, и торгаши сломались, побежали к машинам.

— Угли гаси! — крикнул Хасан.

Часть абреков кинулась топтать раскатившиеся среди сухих корней угли, остальные забрасывали отъезжающие машины банками с пивом. Солдат кинул одну, другую, третью придержал; глянул название, открыл и присосался.

Абреки стирали с лиц кровь и пот, переводили дух, оглядываясь на разоренное торжище.

— За подмогой поехали, — сказал Солдат, — скоро вернется.

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР. 53

Дорогие друзья «Уральского следопыта»!

С марта вновь объявлена подписка на второе полугодие 1993 года. Чем вызвано это нововведение, вы уже достаточно хорошо осведомлены. Все СНГ лихорадит от безудержной инфляции, и конца ей пока не видно. В прошлом году, тщательно подсчитав все расходы, мы определили стоимость одного экземпляра «УС» — 15 руб. — как достаточно оптимальную для, пусть полубедного, существования журнала. Главным для нас было — не ввергнуть в шок, не отпугнуть непосильными затратами нашего верного читателя. И вы поняли и поддержали нас 110-тысячной подпиской. Однако «процесс пошел», и уже в феврале почта, железная дорога, бумкомбинаты в 1,5 — 2,5 раза подняли цены на свои услуги. Нам не хватит около 10 млн. руб., но мы очень надеемся на дотацию Министерства печати, помощь местных органов власти и спонсоров «УС». Подписчики должны твердо знать, что получают все 6 номеров. Для этого редакция сделает все возможное. Больше нас беспокоят результаты подписки на 7-12 номера. Ведомства, от которых зависит печатание, транспортировка и доставка периодических изданий, уже подготовили и представили нам расчеты ожидаемого увеличения оплаты их услуг. До конца года они возрастут в 5-6 раз. Поверьте нашему и своему опыту — это суровая реальность. И дай Бог, чтобы она не стала на деле еще более катастрофической. Итог наших самых оптимальных экономических выкладок — 90 руб. за экземпляр журнала. Полугодовая подписка обойдется для вас в 540 руб., не считая расходов на доставку. Их определяют местные отделения связи. Поверьте, модные нынче разговоры о том, что пачка маргарина обходится дороже одного журнала, совсем не утешает нас. Мы прекрасно знаем, что без хлеба и маргарина не прожить, а без журнала — можно. И все-таки мы сохраняем определенную надежду на то, что вы не позволите затонуть в пучине рынка «Уральскому следопыту», который уже 35 лет (в апреле своеобразный юбилей) посильно участвует в благородном деле — старается сеять разумное, доброе, вечное во все времена и даже в безвременье.

«Уральский следопыт» №№ 7-12

Сейчас много не попутешествуешь... Особенно всей семьей...

Но не огорчайтесь!.. Путешествия, которые предложит вам отдел прозы «Уральского следопыта», семейного бюджета не подорвут... Зато приведут туда, куда по обычной турпутевке не попасть... Экскурсоводами же станут писатели...

Во втором полугодии мы намерены опубликовать:

Повесть
Марии СЕМЕНОВОЙ
«С ВИКИНГАМИ
НА СВАЛЬБАРД»

В этой повести речь идет о гипотетическом плавании викингов на Шпицберген в конце IX века. Суровые северные моря... Грозные испытания... Мужество мужчин и женственность женщин... Особенно интересна повесть для подростков. Ведь каждый из них сможет представить себя на месте главного героя; сможет прикинуть, например, взялся бы прыгнуть с высокой скалы в ледяную воду, в «прозрачный жидкий огонь», спасая

Ф. СП-1

Министерство связи РФ
«Роспечать»

А Б О Н Е М Е Н Т на газету
журнал

73413

(индекс издания)

«Уральский
следопыт»

Количество
комплектов:

на 1993 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

*Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

на газету
журнал

73413

(индекс издания)

«Уральский

следопыт»

Сто-
имость

подписки

руб коп

Количество
комплектов:

переадресовки

руб коп

на 1993 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

старшего друга, как это сделал Хельги, сын норвежца и русской женщины.

Повесть
Валерия КОБЫЛИНА
«ПОБЕГУШНИКИ»

Здесь путешествие началось с письма, которое получил один из героев: «Привет, Мишка! Приезжай ко мне в гости. Езды — раз плюнуть. На поезде «Мурманск-Вологда» от вашей станции до моей Рикасихи всего-то восемь часов. А от Рикасихи до деревни Старая автобусом... Тут у нас не совсем потемки — даже электричество есть.

Лес и река прямо под окнами; грибы, ягоды, рыба — все твое будет...» Незамысловатое письмо, незамысловатый маршрут. Но в гости ребят приглашает... карлик, который только что вышел из колонии. При первой встрече эзк-карлик оказался мальчишкам не самым лучшим другом, но путешествие в деревню изменило это представление.

Повесть
Василия ЩЕПЕТНЕВА
«ТОТ, КТО НЕ СПИТ»
в путешествие на «Опытную делянку» приглашает тех, кто

любит боевики. «Опытная делянка» — так называется местность, где проводится жутковатый социальный эксперимент. Путь к ней полон смертельных опасностей. Но читателей поведет туда герой повести, отважный сотрудник «Ночной стражи», службы, которая призвана оградить человечество от всяких мерзостей... Кстати, наверное, логично, что на страницах журнала, печатающего фантастику, выстраивается линия особого жанра-«антиутопии». Мы уже проанонсировали повесть Валентина Моисеева «Спасатель». Работа В. Щепетнева продолжит тему литературных «предупреждений».

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен отпечаток кассовой машины. При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется отпечаток календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Росвязьинформа.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки ПВ-МЕСТО производится работниками предприятий связи и Росвязьинформа.

*ВАС ДВОЕ В СЕМЬЕ?
ТРОЕ?
ПЯТЕРО?
В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
ВСЕЙ СЕМЬЕЙ
ПО ПРЕДЛОЖЕННЫМ
МАРШРУТАМ
ОБОЙДЕТСЯ ВАМ
В 90 РУБЛЕЙ.
ИМЕННО СТОЛЬКО
БУДЕТ СТОИТЬ
В НОВОМ
ПОЛУГОДИИ
ОДИН НОМЕР
ЖУРНАЛА.
В ПУТЬ?*

ПЛАНЕТА ● МЕЧТА

ПОВЕСТЬ

иллюстрации Павла КРАПИВИНА

Возвратившись к себе, Касли устало упал на кровать. С тоской подумал: еще одна бессонная ночь.

Элду он, конечно же, лгал. С мыслью о смерти он не смирился — просто не мог.

День Касли заполнял работой, это помогало отвлекаться. Ночи же... Бывало, он выматывался так, что, едва добравшись до кровати, тут же проваливался в пустоту. Но такое случалось нечасто. Обычно Касли лежал до трех-четырёх часов утра, не в силах заснуть.

Мысли эти превратились за последний год в пытку. Иногда, не в силах выносить ее, Касли провоцировал смерть. Но всегда что-то спасало его. Прямо чертовщина какая-то! Минуты отчаяния проходили, и Касли думал с грустной улыбкой: «Смерть, оказывается, пунктуальная дама — никак не желает приходить раньше».

И все-таки странное существо человек — внутри Касли жила безумная надежда. Ведь сумел же он в семнадцать лет, когда его заваляло в шахте, четыре дня продержаться в ожидании спасателей — почти не двигаясь, без воды и пищи...

Выжил он и в штрафном отряде, где традиционно верховодили уголовники. «Демонстрантов» они недолюбливали. Тех, кто по сильнее, не трогали, зато над слабыми измывались, как хотели. Касли попал в разряд «сильных», и

жилося бы ему относительно неплохо... Но однажды он увидел, как трое «синих» (уголовники носили синюю одежду, а «демонстранты» зеленую) издевались над пятнадцатилетним пареньком. Не выдержал — раскидал «синих», мальчишку увел к себе. Главарь «синих» процедил вдогонку:

— Ты, зелененький, пожалеешь, что на свет родился.

В тот же день, когда Касли возвращался с работы, его заташили в один из переулков и устроили «темную». Но Касли оказался живучим. Придя в себя, он сумел доползти до ближайшего барака. Несколько дней он провел в больнице.

Когда Касли вернулся, «синие» не скрывали удивления. А на второй день на его глазах снова

принялись за того же мальчишку. Касли спокойно прошел мимо. Главарь победно осклабился.

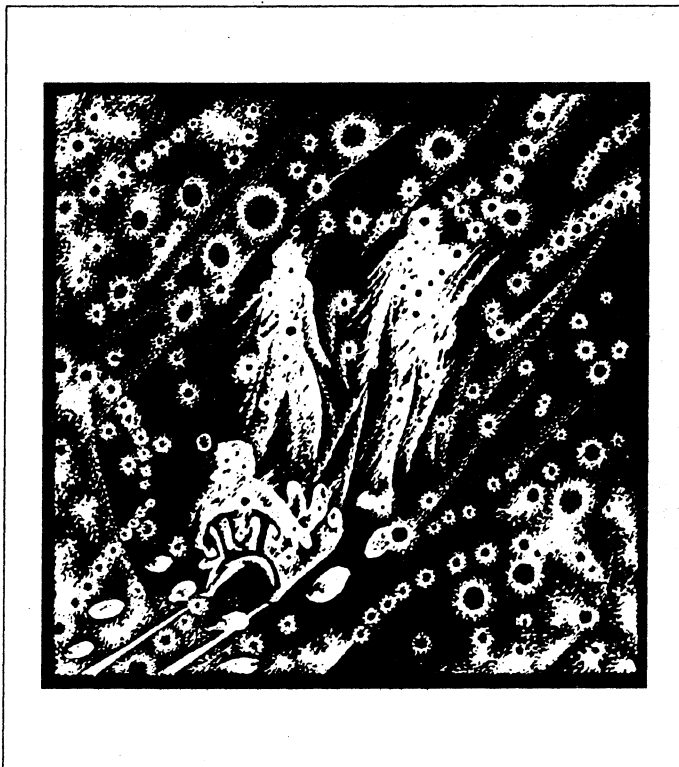
Наутро главаря нашли зарезанным.

Касли таскали на допросы, но он сумел «откреститься».

Перед дверью командира десятки Рона Элд задержался на миг, усилием воли поглубже загнал страх. «Дела-а... Иду доносить на других, а дрожу за собственную шкуру...»

Постучав, толкнул дверь. Рон сидел за столом, перебирая какие-то бумаги. Он в упор посмотрел на Элда.

— Что нового? Почему давно не заходил?

— Ничего не было.
 — Значит, сейчас есть?
 — Да.
 — Садись. — Рон кивнул на стул. — Ну?
 — Сегодня ваших классно потрепали демонстранты... Они впервые применили дымовые шашки.
 — Знаю без тебя.
 — А я знаю, кто их придумал и изготовил. Касли с Тором!
 — Откуда знаешь?
 — Сбор группы перед демонстрацией был в крайних тупиках... Там много треснувших бетонных блоков. Я классно устроился между ними и все слышал.
 — И «зеленые» не проверяли блоки?
 — Проверяли, конечно! Но до меня не добрались.
 — Куда же ты забрался, поделись опытом.
 — Ну там, почти посередке, есть закуток... Со стороны кажется, что в него не забраться — справа глухие стены, слева завал. Но если вынуть два-три камня, можно пролезть, а потом изнутри закрыть дыру.
 — Можешь идти.

Солнечные зайчики прыгали по стенам, кровати, полу. Ветер шелестел листьями дерева, росшего прямо напротив окна.

В первые дни Элд с почти детской радостью окунулся в новую обстановку. Живой ветер, деревья, солнце — он ведь не видел этого несколько недель. Потом оживление спало, и Элд стал привыкать к миру Планеты-Мечты. Еще через несколько дней он вывел для себя: «Может, это и мечта, но не моя...»

Планета-Мечта оказалась притоном, разделенным на сферы влияния двух или трех крупных банд. Банды имели чисто «космическую специализацию. Они нападали на проходящие мимо корабли, причем старались делать это как можно дальше от планеты, чтобы, не дай бог, не «навести» на нее. Впрочем, позже Элд сообразил, что не только это обеспечивает покой Планете-Мечте. Похоже, кто-то получал неплохие доходы от космического разбоя и всеми силами ограждал Планету-Мечту от неприятностей.

Кстати, и тут было рабство... Довольно своеобразное. На положении рабынь находилось все женское население Планеты-Мечты. А сделано это было одним-единственным законом — женщины здесь не имели права на собственное жилье. Они должны были выбирать партнера и жить с ним. Либо — на «официалке», то есть быть официально закрепленной «девочкой». Не хочешь — кочуй от одного к другому. А нет — спи на улице...

— И они согласны? — обалдело спросил Элд у собеседника.

— А кто их спрашивает? — удивился тот. — Иным дурам, правда, это не нравится, и они уходят в катакомбы. Но отрядовцы периодически проводят операции по их выкуриванию. Запускают в подземные галереи ядовитые газы, кто-то

дохнет, остальные вынуждены выходить. Тут их и цапают...

И здесь — отрядовцы, — отметил про себя Элд.

Он лежал на кровати, поглядывая на часы. Нужно было выйти минута в минуту, чтоб «случайно» встретиться с Дааром — передать записи и взять письма. «А на кой дьявол? — грызли сомнения. — Спрашиваешь: что нужно конкретно? Отвечаю: общие сведения о жизни, о событиях... Сами не знают, чего хотят! Стоило вообще заваривать эту кашу? Да еще такой ценой!.. Касли, правда, еще жив. Но во время последней связи он был такой... Похоже, и «несчастный случай» не понадобится... После моего «сообщения» Касли поставили в строжайшие условия. Сначала ничего, а сейчас стал сдавать. За последний месяц три раза норму не выполнил. И Учитель писал: каждый раз наказание — плети...»

Пискнул будильник. Время. Элд нехотя поднялся, вышел из комнаты. Спустился во двор. Подошел к обочине, проголосовал. Тут же подкатил электромобиль. Элд сел на место водителя, давая понять автомату, что хочет управлять сам. Но на кнопку полного отключения не нажал — зачем рисковать, автомат на любую аварийную ситуацию среагирует втрое быстрее.

Мысли перескочили на Даара.

«Рисковый парень. Узнают, что он связан с ребятами... Из пилотов вылетит в два счета, станет «вечерним шахтером» — вроде Касли...»

Элд вспомнил свою последнюю встречу с Касли. Крошечная комнатка Учителя с трудомместила четверых — Элда, Касли, хозяина и высокого светловолосого мужчину лет тридцати пяти, прихрамывающего на правую ногу. Его привел Касли:

— Это Даар. Он работает на одном из кораблей, которые ходят челночными рейсами между нами и Планетой-Мечтой. Через него будем поддерживать связь.

— И как часто?

На этот вопрос ответил Даар:

— Наш корабль делает путь туда-обратно раз в восемь дней. Встретаться будем на третий день возле аэродрома в парке. Там есть приметный фонарь — одно стекло синее, остальные обычные. В нем — что-то типа почтового ящика. В общем, приедем, покажу... Ох, опаздываю! Привет!

Учитель усмехнулся:

— Вот так всегда: не доскажет ничего до конца и — сорвался, побежал.

— Если что не понял, — заметил Касли, — Даар тебе потом расскажет. Да, вот еще что... — Он порылся в кармане, вытащил аккуратно сложенный листок. — Помнишь, я тебе говорил, чтоб ты не вздумал ходить на прививки?

— Я и не ходил.

— Завтра перед отлетом потребуют бумажку, что тебе сделали все уколы... Вот, держи. Эти прививки не от болезней, а черт его знает от чего. Врачи — и те не знают.

— Очередная тайна?

— Скорее очередная мерзость, — хмуро буркнул Касли. — Недаром там больше сорока пяти лет не живут...

...Обменявшись с Дааром посылками, Элд не поехал домой. Он повернул электромобиль в центр города.

Резко тормознув у бара, Элд отпустил машину: не было смысла держать ее дольше получаса. В барах он бывал часто и подолгу — характеры людей тут проявлялись ярче, чем в других местах.

Не успел Элд подойти к стойке, как его окликнули. Он глянул через плечо и чертыхнулся про себя: «Зита... Принесла нелегкая. Нигде от нее покоя нет!» Женщина, сияя, спешила к Элду. Он с трудом растянул губы в улыбке и тут же обругал себя: «Ну и свинья же!.. Взял ее на «официалку», а сам даже относиться к ней по-человечески не можешь... А что я могу с собой поделаться? — возмутился он. — Любовницу иметь надо, чтоб не выделяться?.. А я до сих пор не встретил ни одной, которая бы мне нравилась...»

Зита схватила его за руку и потащила к столику, что-то лопоча, пересыпая речь бесконечными «милый» и «прелесть». Суть же сводилась к тому, что она познакомилась с двумя парнями: «Они — просто прелесть, уверена, милый, что они тебе понравятся! Такие милые мальчики...»

Элд окинул взглядом «милых мальчиков». Один — тонколицый, с каштановыми волосами и недобрыми серо-зелеными глазами. Движения нарочито замедленные, но чувствуется, что, когда надо, быстроты ему не занимать. Второй — посветлей, могучий даже на вид, неуклюжий, с накаченными бицепсами — они отчетливо вырисовываются под гладкой тканью эластика.

— Вот, знакомьтесь. Это — Элд, а это Хест и Ради.

Гигант Ради снизошел до небрежного кивка, Хест невнятно, словно сквозь набитый рот, пробурчал: «Привет».

Элд опустился на стул и нажал кнопку вызова механического официанта... Он уже приканчивал дежурный обед, когда к столику подошел незнакомый светловолосый парень и увлек Зиту танцевать. Элд удивленно посмотрел на Хеста — тот, казалось, упорно добивался симпатии Зиты, и вот — на тебе!

Хест угрюмо проводил пару взглядом, но не сделал ничего, чтобы помешать. Пока длился танец, он чуть ли не залпом выпил несколько стаканов коктейля. Глаза его заметно мутнели, движения стали неуверенно-развязными. Взгляд Хеста все чаще направлялся к стойке бара. Элд, посмотрев туда же, увидел высокую тонкую женщину. Она, чуть перегнувшись через стойку, о чем-то говорила с барменом.

В этот миг столик качнулся: Хест, вставая, задел его, и, если бы не Элд, посуда посыпалась бы на пол.

Хест нетвердо подошел к стойке, что-то сказал женщине. Она, окинув Хеста взглядом, отрица-

тельно качнула головой. Элд хмыкнул: вряд ли она не на «официалке» — слишком красива... Он поискал взглядом Зиту. Но различить ее в полутемном зале среди толпы танцующих было невозможно. «Ну и ладно. Зачем мешать девочке развлекаться?»

Уже возле двери он скользнул взглядом по стойке бара. «Да... в этот раз я ошибся, а Хест — нет! Девочка из свободных. Если только это можно назвать свободной...»

Женщина отчаянно вырывалась из рук Хеста, а тот старался надеть ей на запястье браслет-метку. Странно, что она не кричала... впрочем, это и не помогло бы — никто не обратил бы внимания: дело обычное...

Элд шагнул было вперед, но тут же резко застопорился: «Какого черта! Я не обязан рисковать из-за каждой...»

Тем временем Хест завернул женщине руку за спину. Но он по ошибке схватил правую руку, метка же должна была быть на левой... а ее Хест достать никак не мог. Наконец, потеряв терпение, он с силой потянул завернутую руку женщины вверх. Она изогнулась, закусывая губы... Элд, уже не соображал, что делает, рванулся вперед, отшвырнул Хеста в сторону. Тот сильно ударился головой и, похоже, потерял сознание. Вокруг начала собираться толпа. Надо было уходить... Элд схватил женщину, потянул за собой. У нее уже не было сил сопротивляться... Выскочив с нею из бара, Элд проголосовал и с ходу погнался электромобиль на максимальной скорости.

Многоэтажки, стоящие у обочины дороги, пронеслись мимо. Женщина сжалась в комок в углу заднего сидения. Элд злился на себя и на весь свет: «Идиот... влез-таки в историю! Теперь на тебя наверняка обратят внимание господ отрядовцы...»

Он набрал на пульте код, передал управление автоматом. Искоса глянул через плечо, буркнул:

— Не жмись к двери — вылетитшь!

Женщина неожиданно выпрямилась.

— Тебе какое дело? — зло спросила она. — Не просто вылечу — выпрыгну, если попробуешь окольцевать!

Элд вздрогнул. Сказалось нервное напряжение, злобное раздражение выплеснулось наружу. Он ткнул в кнопку тормоза. Взвизгнув, заскрежетали по пластику шины, сила инерции кинула обоих вперед. Женщина успела выставить руки и спружинила о спинку переднего кресла. Элд же крепко приложился губами о плоскую крышку пульта. Даже не заметив этого, резко повернулся всем телом назад, яростно рванул ручку дверцы:

— Выметайся!

Женщина удивленно замерла. Растерянно спросила:

— Куда?

— К черту, к дьяволу, куда угодно!.. Тебе что, помещь?!

Элд выскочил из машины, чтобы выдернуть женщину наружу. Но, лишь дотронувшись до ее

плеча, тут же отдернул руку — на ней отпечатался полукруг острых зубов. Это отчасти привело его в чувство. Тут же резко заболели разбитые губы... Элд с трудом подавил новый приступ раздражения. Постоял еще с полминуты, успокаиваясь...

Уже сев в машину, он, обернувшись, спросил:

— Ну что? Решила? Хочешь — уходи, хочешь — оставайся!

— Ну да, конечно... Ты меня вытащил из бара только из благородства, набив парню физиономию, не имея на меня совершенно никаких видов!

Элд порылся в остатках «второй памяти» и ответил в тон:

— Нет, знаешь, ты мне сразу понравилась! А тут этот Хест положил на тебя глаз. Пришлось показать, что — по праву сильного — ты принадлежишь мне, — он растянул разбитые губы в самодовольную улыбочку, но тут же согнал ее с лица. Спросил, уже не паясничая: — Ты это хотела услышать?

— Именно, — подтвердила женщина. — Правда, хоть она и противна, все же лучше, чем ложь... И тот же Хест лучше тебя уже тем, что не разыгрывает бескорыстного спасителя...

— Да?.. Значит, тот, кто выкручивает руки, лучше того, кто мешают это делать? Учту на будущее...

Женщина презрительно усмехнулась:

— Средства разные, а цель одна... Что, не так?

— А это ты для себя уже решила! Переубеждать — не поверишь. Кончится тем, что гордо уйдешь, хлопнув дверью, в женский монастырь — в свои любимые катакомбы. Ты ведь оттуда?

— Какая проницательность! Мог бы попутно догадаться, что сейчас я туда идти не могу. Отрядовцы провели вчера очередную профилактику, газ выветрится только дня через четыре... Так что не беспокойся, долго надоедать тебе не буду. Твоя подружка еще с неделю не появится, я слышала, как она договаривалась с одним из парней.

— Интересно, — протянул Элд. — А...

— А спать я с тобой буду только эти четыре дня, на «официалку» не пойду ни за что!

Элд хотел спросить совершенно о другом, но, услышав столь категоричное заявление, только хмыкнул:

— Договорились...

Зита и правда не пришла вечером домой. Элд насторожился. Если она действительно решила перейти на «официалку» к другому, то почему не забрала свои вещи?

— Слушай, с каким парнем Зита говорила тогда?

Вела оторвалась от экрана:

— С другом этого... Хеста. Помнишь, светловолосый такой? Имени не знаю.

— А откуда знаешь, что они друзья?

— Видно... А что?

— Нет, ничего... Почему все-таки Зита не забрала вещи, если решила уйти? Даже украшения тут, а ведь она их очень любит!

— Ну... может, завтра придет?

— Обычно «на завтра» такое не оставляют. Не нравится мне это...

Вела долго молчала, наблюдая за экраном. Потом повернулась вместе с креслом в сторону Элда.

— В катакомбах со мною жила одна женщина... Пришла она к ним после того, как из-за нее прикончили какого-то парня. Ее «официальная» половина... Он плохо с нею обращался, а тот парень заступился. Ну, и... У нас, правда, ситуация несколько другая.

— Спасибо, успокоила, — хмыкнул Элд.

Вела пожала плечами:

— Больше ничем порадовать не могу.

Она снова обернулась к экрану.

— Вела, у тебя тут больше нет знакомых? Где ты могла бы отсидеться эти дни?

— Глупый вопрос! Если б были, я бы тут не торчала, — она взглянула на Элда. — Ты не за меня беспокойся, а за себя! Мне-то в любом случае ничего не будет... — Вела усмехнулась. — Хочешь, могу предложить место в катакомбах. Если переживешь эти четыре дня.

— Еще я от всяких не прятался... И где? В женском монастыре!

— Твое дело. По мне, лучше женский монастырь, чем тот свет. Тем более, с твоим-то обхождением, вряд ли он будет монастырем... Имей в виду: насчет катакомб — я серьезно.

Элд подумал, махнул рукой:

— А, бред...

Вела хмыкнула, но промолчала.

Посматривая на часы (не опоздать бы к сбору отряда), Элд вызвал завтрак, выгрузил, стараясь не греметь тарелками. С завистью посмотрел в сторону постели: «Везет же людям: ей еще спать и спать... И какой идиот придумал сборы в такую рань? Дисциплину, видишь ли, воспитывают...»

Перед уходом подошел к кровати, прикрыл Велу одеялом. «Пусть хоть она выспится как следует...» Он тихо закрыл за собой дверь и стал осторожно спускаться. Лампочки на лестнице не горели, он с трудом различал в темноте ступени. Нашупав ручку двери в подъезде, потянул ее на себя. И тут же отшатнулся — в глаза ударил луч света. Элд невольно закрылся рукой... И в тот же миг в глазах потемнело от удара в спину. Он еще различил сквозь туман чье-то расплывчатое лицо...

Придя в себя, Элд с трудом расклеил ресницы. Сообразил: лежит на постели в своей комнате... Шевельнуться он не смог — резкая боль прошила спину. «Что случилось?.. Ах, да... свет в глаза, удар сзади... Это, наверняка, работа моих «друзей» — Хеста и кто там с ним... Но кто перетащил меня сюда? Да еще и перевязал?.. Вела?..»

Он попытался позвать женщину, но из горла вырвался лишь неясный хрип... Передохнув, Элд выдал более или менее членораздельно:

— Тут есть кто?

Ответа не последовало... Никого.

Время тянулось кошмарно медленно. Казалось, прошло уже несколько часов... Когда наконец послышался скрип открывающейся двери, Элд так рванулся с постели, что чуть не потерял сознание от боли. Увидев вошедшую Велу, он улыбнулся.

— О! Большой пришел в себя и даже чем-то доволен! Значит, дело идет на поправку... Э, нет! Пока лежи и не вздумай дергаться — рана может снова открыться.

— Хорошо. А разговаривать можно?

— Ну... Без ущерба для моего здоровья — понемногу можно.

— Для... твоего?

— Ну да... У меня от лишней болтовни портятся нервы и аппетит!

Элд расслабился, но тут же его перекосило.

— Больно? — быстро спросила Вела. — Ну сказано же тебе — не двигайся!

— Больше не буду... И долго я был без сознания?

— Нет... А вот спал долго! Врач применил какой-то новый метод — лечение во сне, — она засмеялась. — Ты был так плох, что врач сказал — либо смерть, либо риск.

«Плох... Без сознания...» Стараясь скрыть волнение, неловко спросил:

— Я, наверно, замучил тебя — кричал, бредил?

— Нет, лежал ты тихо, даже слишком. Первые дни страшно отойти было. Казалось, вот-вот дышать перестанешь...

Элд облегченно вздохнул, одновременно чувствуя стыд: «Вот ведь, черт возьми... девочка за меня трясется, а я должен хитрить, пытаться...»

— Спасибо тебе...

— Не за что. Из-за меня ведь пострадал.

— Значит, это Хест с друзьями?

— Наверно... Все. На сегодня хватит!

Только через две недели Элд впервые прошелся по комнате. Еще через три дня выбрался на улицу... а полмесяца спустя был совсем здоров, хоть и слаб, как котенок. Вела навещала его все реже, не исчезла совсем, оставив коротенькую магнитную запись: «Все, Элд! Теперь — каждый сам по себе. Привет!»

Это почему-то за-

дело его неожиданно сильно. Через несколько дней после ухода Велы Элд сошелся с симпатичной девчонкой, но очень скоро попросил ее поискать себе другого партнера. Вечерами он ловил себя на том, что ждет негромкого ритмичного стука в дверь — Вела, если забывала ключ, выстукивала всегда одну и ту же мелодию.

Рассчитав день прилета корабля Даара, Элд отправился в приаэродромный бар. Городские в нем бывали редко, появляться тут было нежелательно, но другого способа встречи с Дааром Элд придумать не смог.

Не прошло и получаса, как с какой-то шумной компанией появился Даар. Увидев Элда, на миг растерялся. Впрочем, он тут же взял себя в руки и, проходя мимо, шепнул:

— Через час на старом месте.

...Солнечные лучи накрыли Элда ласковым теплом. Он устроился поудобней и погрузился в полудрему. Толчок скамейки заставил его очнуться.

— Привет, Даар.

— Здравствуй. Почему так долго не приходил?

— А... Влез в историю, получил нож в спину.

— Значит, отрядовцы тут ни при чем...

— Да. Что-то случилось? — Элд тревожно подобрался.

— Случилось. Ты ведь знаешь, как было раньше. Убивали только руководителей групп, а сейчас...

— Что? Да говори же!

— Обвал в шахте. Погибли все — и наша группа, и молодая — та, с кем мы были связаны.

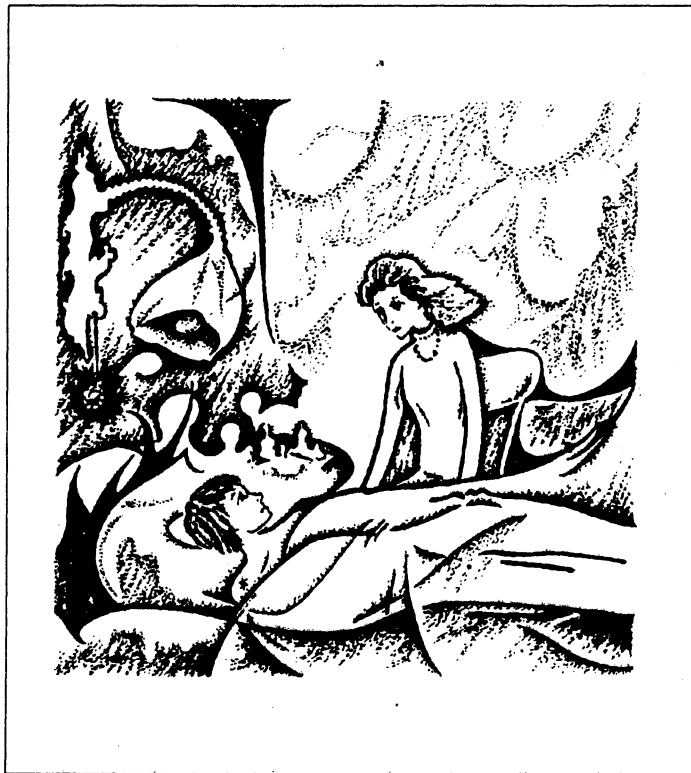
Элд резко подальше в сторону пилота:

— А Учитель?

— Тоже... — Даар надолго замолчал. Потом добавил: — Утром мастера перераспределили забои, наших собрали в одно место и — обвал. В живых только Касли остался. Да вот еще мы с тобой.

— Касли?

— Да. Он в тот день не был в шахте — отлеживался после очередной порки. Но долго не протянет. После обвала совсем сломался. Говорит: «Ударилась в бредовые идеи, и из-за этого столько жертв...» Это его и

подкосило — он, смертник, живет, а те, кто должен жить — убиты... Так что теперь ты полностью свободен.

— Да на кой мне такая свобода? Свобода — с перспективой стать бандитом! Лучше бы уж оставался рабом... Даар! Кто-то предал?

— Не думаю. Предатель остался бы жив, а живы только мы трое. Касли исключается. Я тоже. Ведь я знал только Касли и Учителя. И ты знаешь не больше моего... Скорее всего засекли кого-то и выследили остальных. — Он, тяжело вздохнув, поднялся. — Мне пора. Прощай...

Прихрамывая, Даар побрел к аэродрому.

«Вела, ну где же ты! Я не могу больше быть один. Проклятый мир... Проклятая планета...» Элд несколько дней мотался по городу, пытаясь разыскать Велу. Вконец отчаявшийся, он залез в катакомбы, но, не зная ходов и выходов, заблудился. Только через двое суток, так никого не встретив в подземных галереях, совершенно измученный Элд выбрался наружу.

От двухдневной сырости и постоянного движения разболелась рана. Похоже, он застудил ее — началось воспаление. Пришлось снова перейти на постельный режим, но теперь, без Велы, это было мучением. Целый день один в четырех стенах... Только врач заходит каждое утро, но от него кроме профессиональных вопросов ничего не услышишь.

Одиночество стало действовать на нервы. Элд плохо спал, и вновь по ночам его мучил так и не выветрившийся из памяти детский кошмар. Появились сильные головные боли...

Воспаление поутихло, и каждый вечер он бесцельно бродил по городу — лишь бы не сидеть в пустой квартире. Несколько раз встречал Зиту: она, в упор не замечала его, проходила мимо, отвернув нос. Элд только усмехался, а сожалел об одном — почему не встретятся до сих пор ни Хест, ни Ради, светловолосый? Они его очень интересовали — последнее время Элд не расставался с ножом...

Однажды он увидел на площади толпу. Торопливо выбрался из машины, с трудом пробрался поближе к центру.

Там стояла женщина, затравленно озираясь вокруг и прижимая к себе двух детей. Один, совсем кроха, еще неуверенно стоял на ногах, другой, постарше, видно, уже что-то понимал, сам жался к ногам женщины.

— Кто они? — спросил Элд соседа.

— Из катакомб...

Рядом с женщиной появился человек, к рубашке которого был приколот микрофон. Его голос разнесся по всей площади:

— Вы все росли в интернатах! Каждый из вас может подтвердить, что для детей там есть все необходимое и даже больше! Она и сама, — жест в сторону женщины, — росла там же! Но, несмотря на это, она скрыла детей, не отдала их вовремя в детский дом... Это — тяжкое преступление! Она не может дать детям того, что дают

им опытные педагоги! В результате один ребенок уже вырос недоразвитым полудикарем... Второй еще не переступил порога сознания, еще не поздно вернуть его в нормальное состояние. Будем надеяться, что он ни в чем не будет отличаться от своих сверстников!

Двухлетнего малыша оторвали от женщины и куда-то унесли.

— А этих двух необходимо уничтожить! Ее — как опасную преступницу, его — как получеловека, как дикаря, который никогда уже не сможет жить в нашем обществе! Кто это сделает?

Толпа молчала. Элд замер, его сковал ужас.

— Это акт милосердия, поверьте мне! Для маленького дикаря лучше умереть сейчас, чем жить всеми презираемым, неполноценным человеком! Про нее я и не говорю!..

В центр круга вышли трое. По знаку оратора им вручили лучеметы.

...Женщина с диким криком успела прикрыть ребенка от сверкающих трасс... Напрасно! Новый залп довершил «акт милосердия»...

Элд потерял на несколько секунд сознание, но плотно стоящие вокруг не дали ему упасть. Когда он пришел в себя — вспомнил... Детский сонкошмар вдруг обрел определенность, и Элд словно увидел со стороны то, что сам пережил когда-то.

Двое врываются в комнату. Молодая женщина удивленно обернулась — она только что играла на полу с двумя крохами-сыновьями. Вошедшие вскидывают лучеметы... женщина отчаянно бросается вперед, прикрывая детей своим телом...

Речь убийц, отпечатавшаяся в памяти малыша непонятным набором звуков, прокручивается теперь в голосе взрослого Элда, обретая жуткий смысл:

— Еще одна ненормальная...

— И чего они так дрожат за своих детенышей, ума не приложу! Ну что, будем кончать?

— Подожди. Они, кажется, еще малые... Трех лет еще нет. Нам сказали, таких везти на свой корабль. Забыл?

— Да ну, возиться с ними... Проще прикончить!..

— Ну и дурак. Нас там хоть покормят: с утра же ничего не жрали.

— А ведь верно... Берем? Смотри, да они похожи, как две руки!

— А, малышня одинакова! Мне их хоть сотню выложи, одного от другого не отличу...

Все это Элд вспомнил в какие-то доли секунды... Тройка убийц, вернув оружие, неторопливо вклинилась в толпу. Элд напряг память, вглядываясь в их лица. Только бы не забыть, только бы отыскать их потом в этом проклятом городе... Впрочем, почему «потом», почему не сейчас?

Прошло не больше суток с момента трагедии на площади, а двое из убийц отправились к праотцам... По городу ползли самые невероятные слухи. Несколько добровольцев вызвалось дежурить в доме третьего убийцы — «чтоб прикончить этих гадов на месте». Но их энтузиазма хватило

только на три ночи. Элд прекрасно знал об этом — он сам входил в число сих патриотов.

На четвертую ночь убийца был один.

Под утро Элд поднялся на седьмой этаж, разыскал нужную квартиру. Поковырявшись в замке, открыл дверь, вошел. Постоял, привыкая к темноте. Стараясь ничего не задеть, подошел к кровати, пригляделся и с силой ударил ножом. Лезвие вошло почти без сопротивления, а тело даже не дрогнуло... Кукла!

Слепящий луч света ударил по глазам. Элд отшатнулся. «Отрядовцы! Влип...» Он прыгнул к двери, но его отшвырнули. Элд прижался спиной к стене, прикрывая глаза ладонью. Резкий голос сказал:

— Парень?! А мы-то думали... Впрочем, это еще интересней!

Обретя способность видеть, Элд затравленно огляделся. «Семеро... Конец. А сначала — пытки... Нет, только не это!..»

Страх заставил соображать вдвое быстрее. Живым не уйти. Но лучше уж сразу. Седьмой этаж...

Уже стоя на подоконнике, за миг перед тем, как выбить стекло, Элд увидел водосточную трубу. Он прыгнул и уцепился за ржавую шероховатую поверхность. Скобы угрожающе затрещали, но выдержали, и Элд заскользил вниз, обдирая руки и одежду. Метрах в трех от мостовой труба внезапно кончилась. Элд сорвался, земля больно ударила по ногам. Он с трудом поднялся и, прижимаясь к стене, побежал в сторону перекрестка, лихорадочно соображая: остановить машину? Но все дороги из этого района наверняка вот-вот перекроют! В ночной бар в таком виде тоже не сунешься... Уже перекресток. Куда же дальше?

Взгляд Элда скользнул по домам, по дороге... Ничего и, к счастью, никого. В нескольких шагах отсвечивала металлом ребристая крыша люка. Лучшего места для того, чтобы переждать облаву, не найти...

Домой Элд вернулся только на третью ночь. Еще сутки отсыпался после своих приключений.

К концу четвертого дня царапины на руках и ногах исчезли. Можно было продолжать жить, как все... Можно ли? Отрядовцы не дураки, разыщут в конце концов...

Но предположим, свершится чудо: не докопаются. Что тогда?.. А ничего. Уехать на другую планету — для этого нужны деньги. Вступать в одну из банд и убивать чьих-то родителей, а детьми-сиротами пополнять контингент шахтеров и рабов...

Стоп... Рабы?.. А ведь и правда: связаны-то между собою не только «подземка» и Планета-Мечта, но и тот, третий мир. Гигантская единая машина, хозяйева которой — либо Кальвин-4, либо руководство города, либо отрядовцы. Последнее более вероятно... Но с таким же успехом все они могут быть лишь деталями или ширмой для кого-то еще...

И, похоже, эту машину пытаются разрушить

не только в «подземке». Доказательство тому — Лерт. Та история с кинжалом... Не могла же она быть всего лишь странностью придворного. «Впрочем, — размышлял Элд, — с чего я взял, что Лерт захочет иметь со мной дело? И что я вообще не ошибаюсь? А если он преспокойно выдает меня Отряду... Ну, там видно будет!»

Но до среднего мира надо еще добраться... Дар? Он подбросит до «подземки», а оттуда уже... Только бы он согласился...

Элд сидел в кустах неподалеку от дворца уже добрых полдня. Должен же Лерт когда-нибудь выйти...

Как в калейдоскопе, мелькали знакомые лица, фигуры, но Лерта среди них нее было. «А вдруг куда-нибудь уехал? И если надолго?.. Питательных таблеток у меня дня на три, не больше, и ночевать негде... В парке уже не посипись, погода не та...»

Погода не замедлила напомнить о себе. Небо затянуло тучами, посвежел ветер.

Элд невольно поежился. И увидел знакомое серо-голубое платье, только сейчас поверх него был накинута плащ... Горничная-2? В теплицу, за фруктами для королевы... Несколько мгновений Элд раздумывал. «А, ладно! Рискну...»

Увидев Элда, стремительно шагнувшего на дорожку, девушка замерла. Придя в себя, растерянно спросила:

— Ты откуда? Ты... Но ты же умер!

— То был мой брат, — покачал головой Элд.

— Где же ты пропал?

— Долго рассказывать...

— И мне это знать не надо, так? — закончила девушка.

— Честно говоря, да.

— Ясно... Ну и что тебе нужно?

— Я должен увидеть одного человека... Лерта. Передай ему, пожалуйста, записку... Только так, чтобы он не видел, кто это сделал.

Горничная, подумав несколько секунд, кивнула...

Расставшись с нею, Элд отправился к месту встречи, которое указал в записке. Продираясь сквозь чащу парка, он почти не смотрел по сторонам — некому здесь быть в это время, все заняты делами во дворце. Тем неожиданнее для него прозвучал в одной из заброшенных аллей тихий изумленный возглас. Элд замер, резко обернулся — Азарика! Склонив голову к плечу, девочка изумленно разглядывала Элда.

— Интересно... Вообще-то ты похож на Шута. Но он умер больше двух месяцев назад...

Элд неопределенно пожал плечами. Девочка усмехнулась:

— Ну и ладно! Я никому ничего не скажу — обещаю... Или я неправильно тебя поняла?

— Правильно. Спасибо.

— Не за что... Пока! — Азарика шагнула было в чащу, но вдруг остановилась и, полуобернувшись, сообщила: — Может, тебе будет интересно последнее дворцовое происшествие? Позавчера

отрядовцы арестовали троих — Рина, Лерта и Кера... Говорят, они были связаны с какой-то тайной организацией.

Элд вздрогнул. Значит, вместо Лерта придут отрядовцы... Бежать? Но охранная система на заборе уже включена... Он устало опустил на траву, уронив голову на руки. Почувствовал легкое прикосновение.

— Что с тобою?

Подняв глаза, Элд с трудом выдавил:

— Уходи. Тут вот-вот будут отрядовцы.

— Но почему?

Он, кривясь, объяснил:

— Я Горничную-2 попросил позвать Лерта... Она ведь знала, где он! Но промолчала, согласилась...

— Понятно... Вставай, пошли!

Азарика потянула Элда за рукав.

— Куда?! Спрятаться тут все равно негде, а если нас увидят вместе... Давай-ка уходи отсюда, да побыстрее!

— Покомандуй тут еще! — рассердилась Азарика. Потом вдруг замерла, словно вспомнив что-то. А еще через миг раздался голос:

— Вообще-то такого уговора не было. — Из тени вышел невысокий человек, весь в черном. — Ты ведь хочешь не в школу, а чтоб я помог этому... — Он кивнул в сторону Элда. — А я все-таки черт, а не палочка-выручалочка!

— Но я тебя очень прошу! — умоляюще сказала Азарика.

— Ладно, ладно... Только без лишних эмоций.

Перед глазами Элда все завертелось, ему показалось, что он летит в бездну... Но тут же все кончилось. Он сидел на земле в той же позе, однако вокруг был уже не парк, а какое-то поле.

«Где это я?»

— Недалеко от замка, всего три дня пути.

Элд обернулся — рядом снова стоял черт.

— Ясно... Спасибо.

— А я тут при чем? Азарику благодари... Да, она меня еще попросила... может, ты хочешь в какое-то конкретное место?

— А ты... можешь отправить меня на другую планету?

— Я могу все, — холодно ответил черт.

— Так уж и все...

— То, о чем ты сейчас подумал, тоже могу.

— Что-о!.. Можешь уничтожить многоэтажность планеты? И чтоб при этом не пострадали люди? Но... как?

— «Как»... — усмехнулся черт. — Слишком много хочешь знать, человек!

— И ты... сделаешь это?

— Я выполню одно твое желание. Об этом попросила Азарика. Если ты хочешь этого...

— Да, — резко перебил Элд.

— Прежде подумай. Зачем тебе это? Хочешь сделать лучше людям... так? И кому же будет лучше, по-твоему? Тем, кто правит? Конечно, нет — они потеряют власть...

Элд хотел что-то сказать, но черт предупредил его вопрос.

— Кто правит? Кальин-4 и все, кто с ним... Не ожидал, да? Что ж, в первую очередь ты сделаешь пакость своим бывшим хозяевам... Но может, будет лучше жителям Планеты-Мечты? Тоже нет. Они лишатся благоустроенной жизни, которой, заметь, добились своим трудом... А лучше ли будет тем, кто живет в подземном мире? Сейчас у них есть работа, жилье и, главное, цель в жизни. Да, они выберутся наверх, но каково им там будет? Ведь потеряна главная цель, вообще стимулы работать и даже жить... Вспомни про самоубийства по достижении сорока одного года... Разумеется, в конце концов они придут к нормальной — в твоём понимании — жизни. Но для этого понадобятся два-три поколения, а это, первое, обречено!.. Ну, а все те, кто живет в среднем мире? Когда сюда хлынут люди «сверху» и «снизу», начнется невесть что! Прощай, спокойствие, уравновешенная жизнь... Значит, и здешние жители будут не в восторге от этой перемены... Что скажешь?

— Во всем-то ты прав... Почти во всем.

— «Почти»?

— Возьмем жителей «подземки»... Зря ты думаешь, что это поколение обречено. Молодежь акклиматизируется очень быстро, я уверен. Да и с остальными все не так трагично: мы все-таки люди, как-нибудь договоримся.

— Кое-кто, конечно, договорится. Но большинство будет выяснять отношения с помощью оружия. И во всем этом будешь виноват ты... Впрочем, это как раз для тебя — ты ведь из тех, кто любит мучить себя сознанием вины перед другими...

— А вот это — не твое дело! — яростно ошетинился Элд. — И вообще, отчего ты так заботишься о последствиях? Тебя это не должно трогать ни с какой стороны.

— Естественно. Это тронет тебя... Ты просишь об услуге? Хорошо. Но ведь просто так ничего не делается.

— Что же ты требуешь? — усмехнулся Элд. — Договор о продаже души, подписанный кровью?

Черт бросил на собеседника презрительно-уничтожающий взгляд.

— О, Дьявол и все помощники, до чего же глупы люди! Один придумает что-нибудь, и все остальные ему верят! Душа... Да кому они нужны, души ваши? Этой пакости у нас полным-полно и с каждым днем все прибавляется!

— Что же тебе нужно?

— Лично мне — ничего, — буркнул черт. — Ну сам подумай, что ты мне можешь дать?.. Дело в том, что, выполняя твою просьбу, я делаю зло конкретным людям. А у нас тоже существуют некоторые законы, от нас не зависящие. Вот, смотри, — черт поднял руку, в пальцах у него появилась дужка весов, вроде аптечных. Их чашечки были на одном уровне.

— До тех пор, пока мы ни во что не вмешиваемся... или вмешиваемся в определенных пределах, весы находятся в равновесии. Если же я, например, сделаю кому-нибудь лишнюю пакость...

серьезную, конечно, то одна чашка перетянет другую. Но этого никогда не случится... Существует Закон, который уравнивает весы, добавляя зло той стороне, в чью пользу сделана пакость... Ну, или добро, если равновесие нарушено из-за доброго поступка. Понял?

Элд кивнул. Весы исчезли из рук черта.

— Я выполняю твою просьбу, но Закон ударит обратным концом по тебе. Не знаю, когда это будет и что именно с тобою случится, но серьезные неприятности я тебе обещаю.

— Интересно... Значит, на меня посылаются все зло, которое будут делать люди из-за уничтожения многоэтажности?

— Нет. Я делаю зло конкретным людям — тем, кто сейчас правит. Вот пропорционально ему на тебя что-нибудь и свалится. А последствия в этот закон не входят, они сами по себе... Так что решай, думай.

— Я уже решил...

— ...почти не думая, — ехидно дополнил черт.
— Как хочешь. Я тебя предупредил. Прощай.

«...Да, я тогда не подумал, как следует... А если б даже и подумал? Просто невозможно было предвидеть все это...»

Черт верно предсказал сложившуюся ситуацию — все схватились за оружие. В городах родился лозунг: «Не пускать пришлых!» Бесполезно. Разве может город, пусть в сотни тысяч жителей, противостоять несметным полчищам бродяг с обоих миров? Города, сопротивляющиеся особенно упорно, были просто уничтожены. Бродяги, врываясь на их улицы, все взрывали и рушили — «не нам, значит, никому»... И горе тем, кто еще оставался в разваливающихся домах...

Стала ощущаться нехватка еды. Большинство хуторов-ферм были разграблены, хозяева убиты или бежали, машины уничтожены.

Возникло множество разных групп, враждующих между собой. Чаще всего это были обычные бандитские шайки. В обозримых пределах выделялись две группировки, борющиеся за власть. Одна захватила территорию вокруг королевского замка — на несколько недель пути. Принадлежавший к ней Лерт сейчас начальствовал в самом замке.

Руководителем второй был принц Зарт. Их территория была севернее.

Элд, правда, слышал про какую-то третью группу, на востоке, но подробностей не знал.

Сам он устроился квартирантом к одинокому старику-фермеру. Им везло — нападение на ферму случилось только однажды, да и то бандиты попались спокойные. Похоже, их основательно потрепали то ли конкуренты, то ли коллеги Лерта, довольно рьяно наводившие порядок на «своей» территории. Опасные постояльцы пробыли на ферме два дня, отъелись, отоспались и тихо, без шума, ушли.

По дорогам бродили нищие дети. Их становилось все больше и больше — видимо, школы-интернаты закрывались одна за другой. Они шли

без цели, искали, где бы приютиться. Десятки из сотен — те, что постарше — находили работу. Единицы из тысяч — семью. А остальные? Ведь скоро зима...

Элд не мог смотреть в глаза маленьких бродяг. «Ведь это я виноват в том, что с ними случилось...»

Спасаясь от самого себя, он взял одного, второго, третьего... На него сразу свалилось сто забот. Но даже зная, что дома не повернешься, что едва ли хватит еды на зиму для тех, кто уже есть, разве можно пройти мимо оборвыша с голодными глазами?

В конце концов Элд, оставив вместо себя одного из старших ребят, пошел во дворец. Должен же Лерт чем-то помочь!

...Лерт сидел в комнате, работая на мониторе компьютера. Приподнял голову на скрип двери, кивнул:

— Привет... Проходи.

— Чем занят новый правитель замка?

— Правитель? — Лерт усмехнулся. — Тебя неправильно информировали. Я просто отвечаю за сохранность данного здания...

— И не только здания.

— Ну... да, — согласился Лерт.

Элд заметил в пространстве:

— Говорят, тут был какой-то массовый расстрел...

— Расстрел был вынужденный — уничтожили отрядовцев... Я выполнял приказ руководства группы... Но ты ведь не за этим пришел?

— Да, не за этим... А что говорит твое руководство о детях?

— В каком смысле?

— В самом прямом. Зима на носу, а на дорогах...

— Что ты предлагаешь?

— Мне нужно какое-то здание. Лучше всего — бывшая школа-интернат. И минимум необходимого для жизни детей.

— А учителя?

— Двух я уже нашел. Для начала хватит, а потом...

— Значит, решил податься в воспитатели... Ты хоть представляешь, что это такое?

— Смутно. В конце концов, мне помогут.

— А кто те двое?

— Одна закончила учиться только год назад. Девочка — искренняя, горячая, по-настоящему любит детей. Я думаю отдать ей младших... А второй — уже со стажем, лет в двадцать. По-моему, человек он неплохой...

— Ясно. Насчет здания... Помнишь летнюю дачу короля? Перебейрайся туда со своими подопечными... У тебя их, наверно, уже с десяток?

— Восемь человек. Да у Рема с Атой по шесть.

— Ясно... Ты не очень спешишь? Пошли, договорим за столом — я с утра не ел!

— ...Лерт, а как все-таки получилось, что кинжал оказался у тебя? Я тогда ничего не понял.

— Я был на допросе Горничной-3. Выяснилось,

что она нашла бункер Свободных Снайперов. Но узнать от нее, где он расположен, отрядовцы не смогли...

— А Кренг говорил, что она все рассказала...

— Вранье! Она молчала... Я дал знать руководству — нам нужно было оружие. Мне приказали вывезти девушку любой ценой. Ночью я пришел в камеру и все объяснил ей. Во время нашего разговора вдруг открывается дверь и входит отрядовец. — Я — на него, а под плащом оказался Лакей... Объяснились кое-как. Я дал им явки в городе. А Лакей вернул мне кинжал — не хотел, чтоб у тебя были неприязни. Предупредить тебя об этом я не успел — утром нас срочно вызвали встречать короля... Остальное ты знаешь.

— Да, повезло нам...

— Тебе больше. Ты ведь ухитрился побывать и во втором мире!

— В третьем тоже.

— Ого, и на Планете-Мечте! И остался жив.

— А ты знал про все три?

— Конечно. И все отрядовцы знали.

— А... Как это выглядело с технической стороны?

Лерт пожал плечами:

— Не знаю — этим занимались горожане... У нас было строгое разграничение: города — технические центры планеты, замки — политические. Возможно, городские отрядовцы что-то и знали...

В этот миг зазвонил видеофон. Лерт снял трубку, не включив, однако, экран.

— Да... Что? Сейчас буду. — Он повернулся к Элду. — Извини, дела. Если еще что-нибудь понадобится, приходи.

— Я ничего не могу с ними поделать! Постоянные стычки, драки... Спрашиваю: из-за чего, ведь должна же быть причина? Молчат! — Ата требовательно смотрела на Элда и Рема, словно они могли что-то сделать и не хотели.

Элд угрюмо заметил:

— Причина одна — воспитание детей в городах. Им с пеленок прививали презрение к рабам... А тут — на тебе, учишь с ними в одной школе, живи в одном доме...

— И поэтому просто необходимо зачинщиков беспорядка удалить из школы! — резко сказал Рем. — Другого выхода нет.

— Удалить? — хмыкнул Элд. — На мороз под тридцать? Хороши мы тогда будем.

— А что ты предлагаешь? Снова воспитательные беседы? Но это бесполезно — тот же Люк потом издевается в палатах, передразнивая наши потуги привить ему «любовь к ближним».

Вмешалась Ата.

— Люк фрукт особый. Выгонять его, конечно, не надо, но он тут и сам не задержится долго.

— Но за это «не долго» он успеет подготовить себе замену, а тогда мы вообще никогда порядка не наведем, — заметил Рем.

— Страшный Люк терроризирует всю школу — не только ребят, но и нас, преподавателей... Кошмар!

— Напрасно иронизируешь, Элд... Кстати, Клан, которому ты открыто симпатизируешь, тоже способствует наведению порядка.

— Возможно, — Элд поднял глаза на Рема. — Но его за это ругать нельзя. Он лишь защищает и защищает своих друзей.

— Прекрасный способ защиты — драка! Нет, чтобы позвать кого-нибудь из нас...

— Тебе прекрасно известны ребячьи законы, Рем! То, что ты предлагаешь, для ребят — предательство!

— Но почему? Мы же им не враги!

— Но еще и не друзья!

— Элд, как ты не понимаешь? Учитель не должен быть другом, он должен быть учителем — беспристрастным педагогом, который, между прочим, не должен отдавать предпочтение никому из воспитанников...

— Извини, у меня другое мнение. И того же Люка при всем желании я полюбить не смогу.

— И при этом читаешь ему проповеди о любви к ближнему! Да еще удивляешься, что они до него не доходят. А как они дойдут, если это — обязателька, которую ты выполняешь лишь для очистки совести!

— Но что же я еще могу сделать?... Если на то пошло, то ведь и твои беседы столь же мало влияют на Люка, хотя ведешь ты себя по всем правилам педагогики!

— Вот именно, что тоже только «веду»! Боюсь, Люк это чувствует...

В дверь постучали. В приоткрывшуюся щель просунулась растрепанная мальчишеская голова и сообщила:

— Элд, к тебе пришли.

— Ага, сейчас!

Голова тут же исчезла.

Рем нахмурился.

— Элд, ну когда ты, наконец, приучишь ребят обращаться к тебе уважительно, как к старшему?

— Рем, давайте потом... Ты ведь слышал, меня кто-то ждет.

В коридоре у окна стоял Лерт с мальчишкой лет четырех-пяти.

— Вот, привел к тебе нового воспитанника. Оставь его на попечение своих коллег, мне надо с тобой поговорить.

Элд вернулся через несколько минут.

— Ну, что это за необыкновенный ребенок? Обычно ведь ты присылаешь детей со своими подчиненными.

— За Велом должны скоро прийти родственники...

— Прекрасно.

— Кто бы это ни был, ты должен задержать этого человека и сообщить нам.

— Что-о?... Не понял! Чего ради я должен доносить?

— Это не донос, а помощь властям в задержании преступника.

— Какой еще преступник?

— Я тебе не могу ничего объяснить. Либо ты

подписываешь бумагу, либо я забираю ребенка. А в замке он живет не в лучших условиях.

— Не в условиях, думаю, дело!.. Просто в замке за Велом не уследишь, а отсюда его нельзя забрать незаметно...

— Короче, ты согласен?

— Да... — наконец мрачно выдавил Элд.

— Тогда подпиши, — Лерт протянул лист, наполовину заполненный текстом. Элд пробежал его глазами, расписался внизу.

— Чисто по-дружески советую обратить внимание на последний пункт: «Нарушивший договор карается по законам военного времени...»

— Благодарю за искренние чувства, — отчужденно сказал Элд. — У тебя все?

— Нет. Вел должен спать в твоей комнате...

Резкие порывы ветра бросали в окно снежную крупу. За темным стеклом угадывались силуэты парковых деревьев, раскинувших голые руки ветви.

«Стоят, как мертвые, — подумал Элд. — Но они-то весной оживут... А люди, которые сейчас на дорогах?..»

Он снова опустил глаза в учебник по математике. Завтра урок, а он еще не готов его вести...

Заскрипела дверь. Элд глянул через плечо: «Кому еще там не спится?» На пороге стояла Ата, а рядом, в заснеженной куртке и ботинках... Азарика!

— Вот, Элд. Девочка настаивала, чтоб я привела ее к главному.

— Спасибо, Ата. Я сам с нею поговорю.

Девушка кивнула, ушла.

— Так, значит, тебя зовут Элд?

— Да. Раздевайся, я все положу сушиться.

Азарика стянула сапоги и куртку, сама пристроила их у батареи. Элд принес горячий чай.

— Откуда ты? Погода-то не для прогулок!

— Я пришла за братом.

— Он в нашем детдоме?

— Вот он спит, — Азарика кивнула на кровать.

— Вел?! Но...

Девочка, мгновенно догадавшись, в чем дело, подняла глаза:

— Значит, Лерт все-таки... Я просто не знала, что ты тут.

Что же делать? Ведь у тебя будут неприятности... Знаешь, пошли с нами?

— Куда?.. И вообще, что ты не поделила с Лертом?

Девочка сжалась. Глухо сказала:

— У меня с такими, как он, дележ короткий — пуля.

— Ты... убиваешь?

Она только усмехнулась.

— Но ты же еще совсем ребенок! Тебе ведь и четырнадцати нет?

— Ребенок?! Да что ты знаешь!

— Хотя бы то, что дети не должны убивать!

— Да, конечно! А если б на твоих глазах расстреляли отца, а мать в тот же день умерла от разрыва сердца? Тогда что?.. Расстрел в замке, не слышал, что ли?

— Лерт сказал, что тогда расстреляли только отрядовцев.

— Ложь! Уничтожили всех свободных мужчин старше шестнадцати. Никто не разбирался — отрядовец или нет! Раз свободный — к стенке!.. И после этого ты говоришь, что я не имею права убивать?

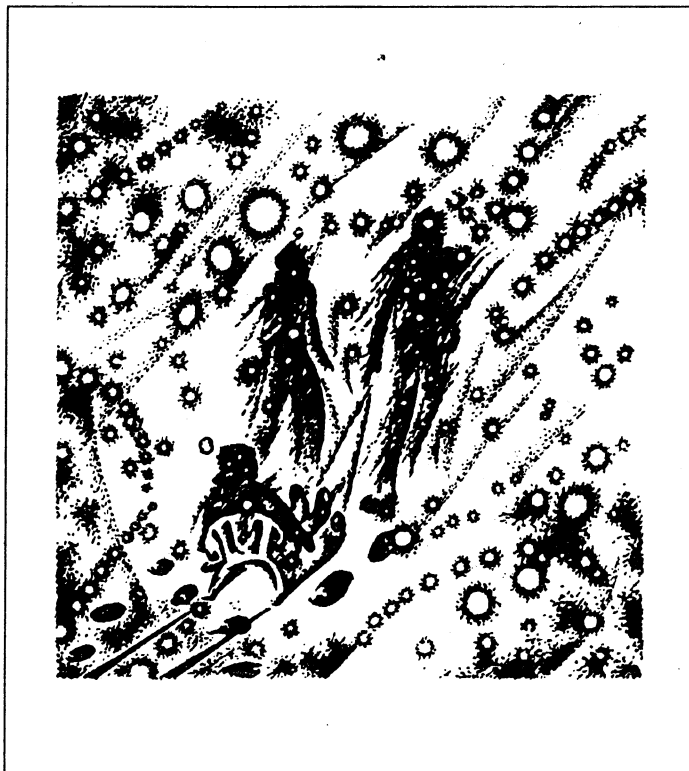
— Все равно, на месте твоего руководителя... ты ведь в какой-нибудь группе?.. Я не дал бы оружия ребенку — это аморально!

— Да, я в группе. А у руководителя я не спрашивалась. У нас с ним было джентльменское соглашение — я ему склад оружия, а он мне — лучемент и место снайпера в группе.

— Ты ему — склад оружия? Но откуда?

— Помнишь Горничную-3? Ее побег в лес? А потом — арест?.. В ту ночь я отыскала окно ее камеры.

Хотела чем-нибудь помочь. Глупо, конечно, что она могла сделать... Но мы были немного знакомы... В общем, она сказала, что если мне будет очень плохо и если вдруг понадобится оружие... Бункер Снайперов я нашла только потому, что мне и вправду было очень плохо. Замок-то в бункере открывается эмоциональными волнами. Но со мною после того расстрела было такое... что замок среагировал. А внутри оказался целый склад оружия. Там я и стрелять научилась — по специальным программам. Взяла ключ, которым могла его открыть, если по-

требуется, и ушла. Не к Зарту и, разумеется, не к Лерту... Бандитские шайки меня тоже не привлекали... Но потом я встретила группу Касли...

— Касли? — переспросил Элд. — Такой высокий, лет под тридцать, темноволосый?

— Да, только уже наполовину седой. Ты что, знаешь его?

— Кажется, да...

— Ну, его группа была явно не бандитская... В общем, я ему рассказала про бункер... Мы скоро уходим, вся наша группа. Хотим основать свой город, теперь есть чем защищаться. И я не могла оставить тут Вельку... Касли не хотел меня пускать — говорил, что опасно, что отправит за братом кого-нибудь другого... Пришлось уйти без разрешения.

— Так-то ты подчиняешься дисциплине!

— Это не тот случай. Вел — мой брат, и рисковать должна только я!

Элд рассеянно кивнул, уставившись пустым взглядом в темное окно. Потом посмотрел на Азарику, заметил полувопросительно-полуутвердительно:

— Ты уходишь утром...

— Нет. Сейчас же.

— Да ты что! Замерзнуть же можно в два счета!

— Я же не замерзла.

— Ты — а Вел? Его как прикажешь тащить?

— Не тащить, а везти. У меня санки внизу.

— Да все равно! Это же самоубийство!

— Оставаться нельзя... Да не бойся, дойду — не привыкать! У нас в группе ни лошадей, ни машин — во время переходов детей и раненых на себе тащим. Так что, — она впервые за все это время улыбнулась, — если уж очень устанешь, может быть, утащу и тебя... Ты ведь с нами?

Элд от такого нахальства онемел: «Надо же, и меня утащит!» Потом расхохотался. Увидев предупреждающий жест Азарики, зажал рот рукой, но остановиться смог не сразу.

— Так ты с нами? — требовательно повторила Азарика.

Элд помрачнел.

— Не знаю... Если уйду, будет очень похоже на предательство. Детей, всех, кто тут живет... Но с другой стороны — если я останусь, ни к чему хорошему это не приведет. Прикончат, и все... А, ладно! — Элд резко встал. — Одевайся, я займусь Велькой.

Утром шестого дня Азарика, Велька и Элд вошли в лес, а к вечеру добрались до лагеря. Им оказался довольно большой поселок, состоявший частью из землянок, частью из высоких палаток с двойными стенками.

Здороваясь с редкими прохожими, Азарика уверенно направилась к одной из самых больших палаток. Когда она толкнула дверь, Элда оглушил смех и гвалт — после шести дней почти полной тишины привыкнуть к такому шуму сразу было трудно.

В палатке кувыркались, шумели и играли не-

сколько десятков детей самого разного возраста. Кое-кто примолк и обернулся к приоткрывшейся двери, человек пять, оставив свои занятия, с радостными криками подбежали к Азарике, повисли на ней.

— Здравствуйте, здравствуйте! Ой, да тише вы, повалите! Где воспитательница?

Откуда-то вынырнула невысокая пожилая женщина с ласковыми глазами.

— Здравствуй, Азарика.

— Здравствуйте, Рэда. Вот, я брата привезла. Еще одного безобразника на вашу голову...

— Ну что ты! Это же очень хорошо, что он теперь тут! Ну-ка... — Рэда ловко раздела малыша, нагнулась над ним. — Как тебя зовут?

Выбраться из детского сада удалось лишь минут через двадцать. Велька ни за что не хотел расставаться ни с сестрой, ни с Элдом. Он отпустил их только с обещанием, что они очень скоро придут снова.

Когда дверь палатки закрылась, Элд заметил в пространство:

— Ты-то, конечно, придешь, а вот я...

— А что ты? — поинтересовалась девочка.

— Явился нежданный, незванный, никто меня не знает...

— Во-первых, тебя знаю я. Во-вторых — Касли.

— Если это именно тот, с кем я был знаком...

— Вот сейчас и выясним. А в-третьих, почему ты думаешь, что тут нет других твоих знакомых? Вдруг да окажутся. У нас люди самые разные...

На этот раз Азарика подошла ко входу в землянку и стала спускаться вниз.

— Мне тоже идти? — поинтересовался Элд.

— Конечно. И не бойся ты, если это даже и не тот Касли, не съест же он тебя!

— Съест не съест, а расстрелять может... — пробормотал Элд.

В приемной — небольшой и довольно ярко освещенной комнате — сидело двое. Один за столом делал пометки на карте, другой расположился на массивном табурете — видимо, тоже ждал приема.

— Всем добрый вечер!

Сидевший на табуретке оживился.

— О! Пропавшая без вести объявилась!

— Почему «без вести»? Я записку оставила.

— И тем не менее, стрелок, — официальным тоном объявил второй, — головомойка вам обеспечена.

— Что делать, придется потерпеть.

— И мне тоже, — вздохнул парень на табуретке, — поскольку чую, что тебя командир примет без очереди... — Он не успел закончить фразу. Из кабинета Касли вышла женщина, мимоходом кивнула Азарике и направилась к выходу.

— Иди уж, — сказала Азарика парню. — У меня долгий разговор.

— О, благодарю, — оживился тот. — Про тебя я пока промолчу. Можно?

— Можно. Я сама о себе доложу... Парень выскочил от Касли минут через пять, сияющий, как начищенная монета. Азарика обернулась к Элду: — Пошли.

Шагнув в комнату, Элд первым делом отыскал взглядом ее хозяина. Да, это был Касли! Элд с трудом подавил желание обняться: сдержанность Касли он знал не понаслышке.

Увидев Азарикку, Касли стремительно шагнул вперед.

— Наконец-то!.. Это форменное безобразие! Для тебя, что, дисциплина не существует?.. — Он осекся, заметив ее спутника. Вздохнул. В глазах вспыхнуло удивление, перемешанное с радостью... Впрочем, через миг командир вновь был бесстрастен. — Элд? Садись... Ну и что, Азарика?

— Велька здесь, в детском саду, — ответила та.

— Слава богу. А как... — Касли перевел взгляд на Элда.

— Я работал воспитателем в детском саду, и так получилось, что Лерт поручил Вельку моим заботам. Предварительно он взял у меня подписку задержать того, кто придет за мальчиком... Я этого не выполнил, поэтому оставаться там не мог.

— А я предложила ему идти к нам, потому что... Ну, больше ведь просто некуда!

— Так вы были знакомы раньше? До Происшествия?

— Я жила в том замке, где Элд был Шутом.

— Хорошо... Азарика — свободна. Во-первых, объявляю тебе устный выговор, во-вторых, отдохнешь два дня и выйдешь на дежурство.

— Я не устала...

— Без разговоров!

— А Элд?

— С ним я еще поговорю.

— Можно мне остаться? Я мешать не буду, — торопливо и совсем по-детски пообещала Азарика.

— Если Элд не против...

— Нет, отчего же...

Азарика кивнула и отошла в угол, устроилась с ногами на табуретке и замерла.

Повисло молчание. Касли раздумывал о чем-то, Элд с любопытством оглядывался вокруг. Похоже, эта комната была для Касли одновременно и кабинетом, и жилищем. Что-то вроде кровати, стол, несколько табуретов... В углу, прямо на земле, навалены высокой стопкой пластмассовые папки вперемешку с книгами. «Книжки-то бумажные! Где он эти музейные ценности раскопал?»

— Чем думаешь заниматься? — сразу, без предисловий, спросил Касли.

— После Происшествия я был воспитателем...

— Ну и прекрасно! Рэде давно нужен помощник.

— Но... Я не знаю, может быть, вам нужнее солдаты?

Касли усмехнулся.

— Одно другому не мешает. У нас каждый должен выходить на дежурство по графику.

— Понятно. — Элд помолчал, потом поднял

глаза. — Ты извини, что я спрашиваю, но Учитель, он... правда, умер?

— Да.

— Но в первый раз я тоже думал, что...

— Из-под завала выкопали всех. И его тоже. Я сам видел... А кто это сделал, теперь уже никогда не узнаешь... Подземный мир уничтожен вместе с архивом Отряда... А с тобой-то что было? — спросил Касли, видимо, желая перевести разговор на другую тему.

— Тебе разве Даар не рассказывал?

— Нет. После обвала я видел его только раз, и тогда мне было не до расспросов.

— В общем, ничего интересного... Влип по дурачости. — Элд коротко рассказал, изменив лишь конец. — Только я выбрался из дворца, как началось это... Происшествие, вы так его называете. Сильный толчок, и множество людей, появившихся неизвестно откуда...

— Да... Что произошло, хотел бы я знать!

Элд горько рассмеялся.

— Меня больше занимает не то, как это произошло, а то, как из этого выпутаться!

— Разумно, — хмыкнул Касли. — Аж противно, до чего разумно... Подожди, я сейчас... — Он вышел в прихожую и что-то сказал человеку, сидевшему за столом.

Вернувшись, пояснил:

— Для того, чтобы вступить в нашу группу, требуется ручательство троих. С тобой — так... Первая — Азарика, второй — я... И я послал за третьим.

— Это за кем же?

— Сейчас увидишь... Да, официальное вступление будет сегодня на вечернем сборе. Начало в восемь, прошу не опаздывать... А вот и третий!

Девушка, стоявшая на пороге, стремительно шагнула вперед и вдруг замерла, словно наткнулась на невидимую стену.

— Вела?

Элд случайно задел левой рукой полотняную поверхность палатки, поморщился и машинально провел кончиком языка по длинной царапине на запястье.

— Зализываешь раны? — Вела неслышно подошла откуда-то сбоку. — Пошли, я лучше прижгу! — Она пропустила его в медпункт.

— Кем ты тут работаешь? Врачом?

— Пока сестрой... Давай руку! — Девушка провела влажной ваткой по порезу, ощутимо защемила. Элд, скривившись, раздраженно буркнул:

— Что за дикарские обычаи...

— Ты о чем? — не поняла Вела.

— О вашей клятве крови! Надрезают руку, каплют кровь на землю... Глупость! Если способен предать, это не поможет!..

— Само собой. Но тогда Совет Группы прикончит тебя на вполне законных основаниях — именно потому, что ты дал клятву.

— Спасибо, разъяснила, — хмыкнул Элд.

— Пожалуйста... А теперь ты разъясни мне — зачем я тебе понадобилась?

Элд быстро вскинул глаза и неожиданно даже для себя сказал:

— Я люблю тебя...

Вела вздрогнула. Покраснела. Элд, чувствуя, что и к его лицу приливает горячая кровь, смущенно признался:

— Когда ты ушла... мне было очень плохо. Я никогда не думал, что может быть такое!

Вела тихо сказала:

— Я... мне тоже было тяжело. Но остаться я не могла. В катакомбах... меня ждал сын.

Элд растерянно уставился на нее. Перед глазами встала кровавая площадь. Он с силой сжал пальцы, борясь с нахлынувшими жалостью и ужасом.

Вела, не поднимая глаз, тихо продолжала:

— Но уберечь его я не смогла... Ушла за продуктами для нас и моей подруги — у нее тоже был ребенок. А когда вернулась, их уже не было!.. В катакомбах была облава, их схватили. Моего мальчика отправили в интернат. Больше я его не видела... А второго ребенка расстреляли вместе с матерью...

— Потому что ему было больше трех лет... — угрюмо заметил Элд.

— Дьявольский мир! — Вела сжала виски тонкими пальцами.

— Не надо клеветать на дьявола. Он до этого вряд ли додумался бы!

— Может быть... — Вела отошла к окну, стала спиной к Элду. Не оборачиваясь, сказала: — Что-то больных сегодня совсем нет... Но все равно!

— Гонишь?

— Ага. Приходи вечером. Мое дежурство кончается в шесть.

Элд кивнул. Вела проводила его до выхода. В полутемном коридоре, перед самой дверью, она вдруг задержала Элда и быстро прошептала ему в ухо:

— У нас с тобой будет ребенок...

Последний переход! Позади были десятки дней пути... Железная дисциплина, которую поддерживал Касли, помогла дойти почти без потерь. Если не считать нескольких человек, раненных в перестрелках с бандитскими группами.

Вела с утра шла два или три часа вместе со всеми, но быстро выбивалась из сил, и ее приходилось усаживать на сани. Группа захва-

та с трудом, но все-таки раздобыла восемь лошадей для перевозки маленьких детей и раненых...

Элд в свободные часы не отходил от Велы, стараясь, как только мог, облегчить для нее переход. Вела иногда даже возмущалась:

— Слушай, Элд, я же не теплый цветок, который жив только под стеклянным колпаком! Ты мне самой-то дашь сделать хоть что-нибудь? Ведь за что ни возьмусь — все из рук вырывается!

Элд, улыбаясь, отшучивался:

— Только не приписывай мне благородства! Это во мне говорят частнособственнические чувства. Хочу, чтобы мой ребенок и моя жена были предельно здоровы...

...До конца пути оставалось три дня. Группа успевала как раз вовремя — до таяния снегов.

Предпоследний день пути выдался неожиданно теплым. Подтаивал снег, идти становилось все труднее. К полудню груженные сани забуксовали. Лыжи тоже проваливались... а попробуй идти без них, если снег выше колен!

Элд, чертыхаясь про себя, ковылял рядом с санями. Перевалило за полдень, небо постепенно затягивалось дымкой, которая, сгущаясь все сильнее, утрамбовывалась в плотные сероватые облака. «Только дождя не хватало!» — подытожил Элд. К нему, проваливаясь в снегу, подбежал мальчик.

— Тебя Касли зовет!

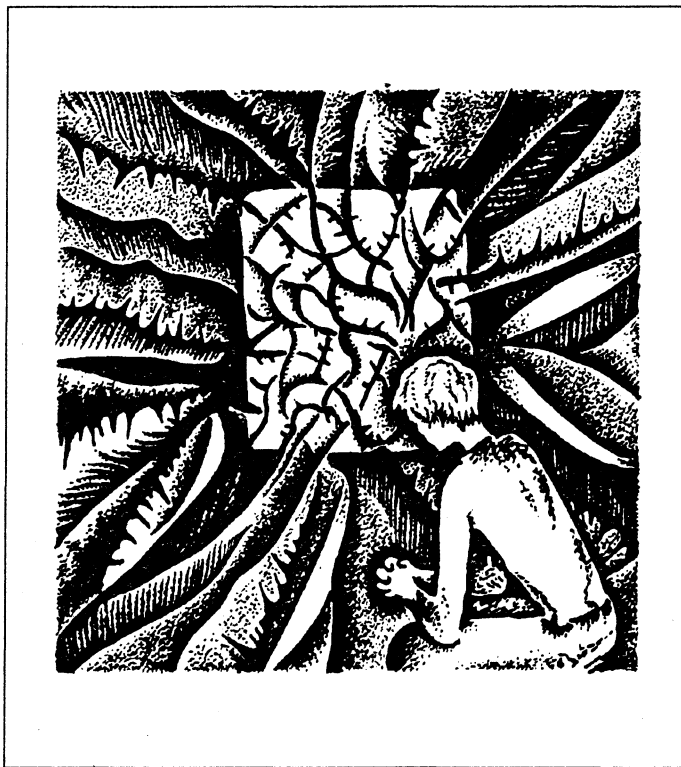
— Хорошо, сейчас, — Элд поплотней прикрыл дремавшую на санях Велу и пошел за мальчиком.

Командир, увидев его, кивнул и, как обычно, без предисловий сказал:

— В пяти километрах отсюда есть колодец. Вот там, за холмами... Возьми человек пятнадцать, сани с пустыми цистернами — и топай! Сам знаешь, третий день на снеговой воде...

...«Водоносы» были уже на обратном пути, когда впереди там, где была основная группа, послышались выстрелы.

Парни торопливо стягивали лучеметы, ставя их на боевой взвод. Все, как смогли, прибавили скорость. Но уже минут через десять перестрелка прекратилась, и когда «водоносы» подошли к группе, все было в порядке.

Элд доложил Касли о возвращении и поинтересовался:

— Что тут за стрельба была?

— Какие-то идиоты напали... Я сам еще точно не знаю, это впереди было...

К ним подбежал подросток. Сообщил:

— Нападавшие — группа из пяти человек. Четверо убиты, одного взяли раненого!

— А у нас? — спросил Касли.

— Трое раненых, один убит. Точнее, одна... Случайная пуля.

Элд замер. Внезапно навалилась острая тревога. Он торопливо кивнул Касли и пошел вперед. Еще не узнав точно — чувствовал и боялся поверить. Имени убитой он не спросил тоже из страха — инстинктивно стараясь продлить минуты надежды.

...Велу он узнал только по одежде. Разрывная пуля попала ей в голову.

Дейб коснулся плеча Элда:

— Пошли спать. Уже два часа, как отбой.

Элд, не двигаясь с места, молча кивнул.

Постояв еще с минуту, Дейб безнадежно махнул рукой и отправился в палатку, ворча про себя:

— Днем — человек как человек, а чуть вечер — словно отключается... Третью ночь не спит — с ума сойти...

Никто не знал, сколько усилий требовалось Элду для того, чтобы быть днем «человеком». Он с трудом скручивал в себе яростное отчаяние, не давая ему вырваться наружу. Потом ярость ушла, осталось отчаяние — холодная, безразличная пустота. С методичностью автомата он заставлял себя делать какую-то работу, говорить, иногда даже смеяться. Зачем? Он сам этого не понимал. Но никакими силами он не мог заставить себя спать по ночам...

В голове в сотый, а может, и в тысячный раз бился отчаянный вопрос: «Ну почему именно она?! Что за проклятая случайность?»

— Не случайность — Закон. Я предупреждал.

Темная фигура бесшумно появилась рядом с Элдом.

Он медленно повернул голову, смысл сказанного дошел до него не сразу.

— Закон... — Слова черта вывели Элда из оцепенения. — Ты же говорил, он ударит только по мне! При чем тут Вела? Это подло, слышишь?!

Черт пожал плечами.

— Решаю не я, Закон. И ударило это как раз по тебе — ей уже все равно... как и твоему ребенку.

Увидев движение Элда, насмешливо сказал:

— Оставь в покое лучемер — меня ты убить не сможешь!

Но Элд уже опомнился, сказал чуть слышно:

— Какой же я идиот! Ты-то тут при чем...

— Ни при чем, — согласился черт. — «При чем» тут только ты.

Элд вздрогнул, подняв голову:

— Так значит... Первая — Вела. А кто на очереди? Касли? Азарика? Или дети, с которыми я сейчас работаю?

— Чего не знаю, того не знаю. Но пока ты ря-

дом с ними, все может быть... Хотя может и не быть, — черт растворился в темноте.

Элду удалось разыскать Касли лишь к полудню — там, где уже разметили план построек и начали копать ямы под фундаменты для будущих зданий. Работа шла чертовски медленно — попробуй-ка, подолби смерзшуюся землю... Но строить надо было как можно быстрее — хотя бы один-два дома для детей и больных...

— ...Касли, я должен выйти из группы.

Касли воткнул лопату в землю.

— Еще новости! Сейчас каждый человек на счету!

— Я обязан объяснить причину?

— Да, — раздраженно ответил Касли. — И не мне — сбору. Он будет послезавтра.

— Но мне надо уйти сейчас...

— Знаешь что! «Тебе надо»!.. Смываешься как раз вовремя. Не думал, что ты способен на такое...

Элд стиснул зубы и с трудом сдерживаясь, спросил:

— Сегодня сбор можно провести? Это очень серьезно, ты понимаешь?

— Нет, не понимаю!

— Да брось ты эту лопату, черт тебя побери! Выслушаешь ты меня или нет? Я... я опасен для людей, пойми ты это!..

...Когда Элд кончил рассказывать, Касли потер лоб:

— Черти... Не пойму, или ты сошел с ума, или...

Он подозревал какого-то мальчишку:

— Разущи Азарика — пусть придет в мою палатку...

Когда Азарика вошла в палатку командира, Касли сразу, в упор, спросил у нее:

— Ты и вправду познакомила Элда с чертом?

— Да, — кивнула она. — Это было за несколько минут до Происшествия... — Увидев сразу затвердевшее лицо Касли, она растерянно спросила: — А что случилось?

На сборе бушевали страсти. Вокруг Элда пришлось поставить охрану — не для того, чтобы помешать ему убежать, а чтобы его не убили.

Еще несколько часов назад Элд был для большинства из них хорошим товарищем. Теперь он видел вокруг ненавидящие лица...

Приговор, конечно же, будет не в его пользу...

Элд очень удивился, когда «за» его смерть проголосовало лишь на три человека больше, чем «против». И еще больше удивился он, когда, взяв — по праву командира — слово перед вынесением окончательного приговора, Касли заявил:

— Во время дебатов я не вмешивался, но теперь скажу: считаю, что Элд был прав, когда уничтожил многоэтажность! Кричите сколько угодно, что он не имел права один принимать решение, что на его совести тысячи, что он трус, потому как не признался сразу... Но подумайте: многие ли из вас нашли бы мужество, чтобы признаться вообще? И сколько мужества надо было

иметь, чтобы принять такое решение?.. Короче: я, как командир, вправе изменить решение сбора, если «за» проголосовало меньше шестидесяти процентов. И я этим правом воспользуюсь...

Вспоминая сбор, Элд даже через две с лишним недели невольно сжимался. Единственное, что осталось в его памяти от того вечера — ощущение безграничной ненависти, накатывающей со всех сторон...

Но, как ни странно, сбор одновременно дал Элду столь необходимую эмоциональную разрядку. В ночь перед уходом из отряда он заснул — впервые после смерти Велы...

Невесело усмехаясь, Элд шел по дороге. Вообще-то давно пора было остановиться на ночлег. Но до сих пор ему не встретилось ни единой развалюхи, а ночевать под открытым небом не хотелось...

...На него набросились сзади. Борьба была неравной и продолжалась всего лишь секунды. У Элда вырвали оружие, руки скрутили за спиной и куда-то повели.

Подталкиваемый дулом лучемета, он размышлял на ходу: «Вот к чему приводит сибаритство! Не был бы таким преределливым, давно дрых бы под какой-нибудь елочкой...»

Конвоир привел его к какому-то сараю, развязал руки и толкнул внутрь. Буркнул вслед:

— Отдохни пока.

Слышно было, как он возится с замком, потом прозвучали удаляющиеся шаги, и все стихло.

Элд тревожно спросил в темноту:

— Тут есть кто?

Не получив ответа, начал обследовать сарай, но тут же махнул рукой: «Не такие же они идиоты, чтобы позволить мне бежать... Но интересно, кто эти «они»? Зартовцы или сторонники Лерта?.. Впрочем, что гадать? Завтра узнаю...»

Узнал: лертовцы...

Приговор, как и предупреждал в свое время Лерт, был «по законам военного времени»...

Косые лучи заходящего солнца высветили на полу красноватый прямоугольник окна, пересеченный крест-накрест темными линиями. Элд, сидя с ногами на жесткой кровати, тоскливо думал: «Завтра... Что ж... Только бы продержаться эту ночь, не сойти с ума...»

Из темного угла выдвинулась тень.

— Ну, как настроение? — бесстрастно поинтересовалась она.

— Опять ты?!

— Ага, — черт шагнул к кровати, сел рядом с Элдом.

— Принес новую радостную весть о Законе? На этот раз опоздал, дорогой.

— Не спеши, дорогой, — в тон ему ответил черт. — Еще не все потеряно. А насчет Закона... С тех пор, как умерла Вела, он прекратил действовать на тебя.

— Ничего себе! — Элд рывком сел на кровать.

— Свинья ты все-таки. Раньше не мог сказать, что ли?

Черт ухмыльнулся:

— Ты путаешь меня с ангелом — добрые вести приносят они... А вообще-то твоя логика очень интересна! Скажи я тебе — ты, погоревал положенное время, остался бы в группе, скрыл правду и спокойно жил дальше?

— Не знаю... То есть не знаю насчет правды. В группе я остался бы — это точно... А спокойная жизнь... откуда? Вела же... Я бы все отдал, только бы она жила!

— Что ж, проверим...

— Что?! Ты можешь! Ты сделаешь это, правда? Пусть я умру, только чтобы она была жива!

— Ты-то и так завтра подохнешь, — сообщил черт. — Вопрос совсем не в этом. Ты хочешь, чтоб ожила Вела? Но она — лишь одна из многих тысяч, которые погибли после уничтожения старого мира. Почему же именно она должна ожить, а другие нет? Родители Азарики и Вельки, например?

— Но ты же не можешь...

— Могу... Вернуть время по кольцу к твоему решению об уничтожении многоэтажности. Решай еще раз — я даю тебе такую возможность!

Элд молчал. Черт спокойно продолжил:

— Или ты изменишь старое решение — и тогда все вернется на круги своя, и все будут жить, как жили, и никто не будет знать о том, что благословенную многоэтажность можно уничтожить...

— Никто?

— Кроме тебя!.. Или же все останется как есть. И смерть Велы — тоже.

— Нет!

— Что «нет»?

— Ты не можешь... скажи, что ты не можешь это сделать! — отчаянно, полубезумно попросил Элд.

Но черт безжалостно повторил:

— Могу. Решай.

Элд прикусил губу. Обхватив голову руками, сказал тихо:

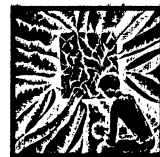
— Уходи. Тебя вообще нет... и ты мне ничего не говорил!

Черт зловеще расхохотался:

— Выкрутился!.. Нет, не выйдет. За свои поступки все отвечать должны. Забыть мои слова ты все равно не сможешь, а я сверну время в малое кольцо — тут. И пока ты не решишь, утро не наступит... Сиди и думай, а я пошел.

Элд понял, что черт не шутит. И понял одновременно, что если даст ему уйти, если не решит сам, сейчас, то перестанет быть человеком... Сломается. Превратится в безвольное равнодушное существо, безразличное к судьбам окружающих, к своей собственной судьбе...

— Стой! — неожиданно спокойно сказал он.

"МУЗЕЙ ИСТОРИИ ОРУЖИЯ", или К вопросу о поэтике материальной среды в фантастике братьев СТРУГАЦКИХ

В прошлогоднем июльском номере, рассказывая о чтениях во Владимире, посвященных творчеству Аркадия и Бориса Стругацких, мы поместили лишь одно из выступлений, прозвучавших на той конференции. Виной тому — хроническая нехватка места в журнале. Ибо крайне интересными были и доклад петербуржца С. Переслегина «Структурный подход к истории и проблеме концепции будущего в современной фантастике», и размышления писателей А. Мирера и Г. Прашкевича, и многие другие выступления. Любопытным, на наш взгляд, было и сообщение, тезисное изложение которого мы предлагаем вниманию читателей в этом номере.

Константин РУБЛЕВ

■ 1.1. В отечественном литературоведении традиционно скудное внимание уделяется «предметному миру литературы» (А. П. Чудаков) как категории исторической поэтики.

■ 1.2. В современной фантастике, за короткое историческое время «построившей» свой единый художественный мир, образы «материальной среды» играют особую роль — соответственно важным представляется их изучение.

■ 2.1. В европейской образной культуре предметы вооружения нередко приобретали роль, соизмеримую с образами человека: достаточно вспомнить щит Ахилла, лук Одиссея, меч Экскалибур короля Артура.

■ 2.2. В русской литературе нового и новейшего времени «самоценная» роль подобного рода образов крайне редка: как правило, пластическая, материально-телесная природа образа растворяется в его символично-метафорическом значении, как это происходит, к при-

меру, с хрестоматийным лермонтовским «Кинжалом». Редкие исключения в этом ряду — кентаврическое единство образа капитана Тушина и «большой крайней старинного литья пушки» — «Матвеевны» в «Войне и мире» Л. Н. Толстого, да маленький «маузер» в гайдаровской «Школе» — художественный эквивалент «чудесного предмета» из волшебной сказки, полученного героем от сказочного «помощника» — умершего отца.

■ 3.1. Однако романтизированный и эстетизированный милитаризм гайдаровского творчества объясняет исключительность повести «Школа» на общем литературном фоне — пафос же творчества Стругацких заставляет удивляться пристальному и любовному вниманию ко всякого рода оружию, амуниции и военной машинерии.

■ 3.2. Если следовать традиционному приему вульгарной критики — отождествлять предмет изображения с идейным смыслом изображаемого, то обильное присутствие оружия в

художественном мире Стругацких заставляет подозревать писателей в апологии насилия и пропаганде войны.

■ 4.1. Однако арсенал в фантастике Стругацких всегда оборачивается коллекцией. Образы оружия не только задают лаконичную характеристику героев (сравните «авангардизм» арбалета Анки, «ретро»-арбалет Антона и пневматический карабин «ленового» Пашки в прологе «Трудно быть богом»), но и привносят в мир антиутопии игровую стихию детства, либо — мотив тревоги в инфантильную безоблачность утопического мира (пистолет у Саула в «Попытке к бегству»). Вообще, с образами оружия в прозе Стругацких поселяется неистребимый дух мальчишества — мужественной разновидности той детскости, в которой мудрый К.Паустовский видел высшее проявление человечности.

■ 4.2. «Идеальное оружие» для Стругацких — то, которому не приходится стрелять. Место ему в музее, откуда оно может быть извлечено лишь в крайнем случае (как супертанк в «Экспедиции в преисподнюю» С.Ярославцева) — только для «благородного боя», ибо сказано: «Не обнажай в тавернах».

■ 4.3. Стругацкие придумали скорчер — самый блистательный словообраз в русской фантастике, перед которым бледнеют все попытки создать отечественную замену «импортному» бластеру — подобные лайтнингу Биленкина или десинтору Ларионовой. Однако скорчер по людям никогда не стреляет. «Табу на пальбу» Стругацкие раз и навсегда ввели в вымышленный мир своих произведений еще в сюжете «Свидание» («Люди... Люди...») из повести «Полдень, XXII век».

■ 4.4. Это не значит, что табу не нарушается. Но оружие либо применяется тщетно («Обитаемый остров»), либо трагическими героями, персонажирующими коллизии гуманной цели и насильственного средства. Однако в этом случае писатели обуздывают мощь оружия: герой берет в руки не фантастический скорчер — знак могущества цивилизации, к которой он принадлежит, а простой меч, как Антон-Румата, или заурядный «герцог», оставшийся у Эк-

еленца-Сикорски-Странника с резидентских времен на Саракше («Жук в муравейнике»).

■ 5.1. Оружие у Стругацких никогда не символ, но очень часто — «жанр». Жанровая специфика большинства их произведений складывается из пересечения множества субжанров («Трудно быть богом»: НФ + авантюрно-исторический роман + ...; «Обитаемый остров»: НФ + робинзоида + ... и т.д.). Образ оружия нередко «маркирует» собой одну из жанровых составляющих, а часто служит своеобразной «точкой пересечения» двух жанровых координат. Так, например, барона Пампу, вращающего клинок над головой, Румата видит глазами Антона: «Было в нем что-то от грузового вертолета с винтом на холостом ходу», — НФ напоминает о себе в сцене, обставленной декорациями из Дюма. Сказка и антиутопия пересекаются в образе стреляющего («заколдованного») леса в «Обитаемом острове». «Люгер» Хинкуса из «Отеля...» — точка пересечения двух жанровых стихий: детективной («настоящее гангстерское оружие... приспособленное для оптического прицела...») и фольклорной (серебряные пули «против оборотня»).

■ 5.2. Оружие у Стругацких звучно «лязгает и брякает» («Парень из преисподней»), осязаемо «ладно лежит в ладони» («Отель...»), зримо украшает собой роскошный ковер в кабинете «господина советника» («Град обреченный»). Писатели смакуют подробности устройства, детали конструкции, фактуру металла и звучание названий прославленных систем: маузер, браунинг, люгер, наган — не удержавшись от соблазна дополнить этот ряд «герцогом» собственной конструкции. Образ оружия предстает в своей полной пластической завершенности, «внешности». Оружие может быть игрушкой ребенка (пролог «Трудно быть богом»), страстью подростка («Парень из преисподней»), хобби взрослого («Град обреченный»). Но эпитафия к «Трудно быть богом» — это эпитафия ко всему творчеству Стругацких: «Вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?».

г. Семипалатинск

Ответ на кроссчайнворд «Руны Толкина» (№ 2, 1993)

Руна 1.

1. Мусом. 2. Сильмарилл. 3. Изен. 4. Нэндалф. 5. Феанор. 6. Рог. 7. Гимли. 8. Имладрис. 9. Дэлони. 10. Сэм. 11. Горлум. 12. Мерри. 13. Лучник. 14. Исилдур. 15. Фродо. 16. Ортханк. 17. Кольцо.

Руна 2.

1. Хельм. 2. Лаурелиндоренан. 3. Бильбо. 4. Ородруин. 5. Назгул. 6. Митрандир. 7. (→). Раздол. 7. (↓). Радагаст. 8. Барлог. 9. Гайма. 10. Торин. 11. Лес. 12. Саурон. 13. Нэин. 14. Нарсил.

Руна 3.

1. Минас. 2. Наслук. 3. Андрил. 4. Леголас. 5. Саруман. 6. Хоббитания. 7. Лук. 8. Келебдор. 9. Онтава. 10. Рэрос. 11. Фелариф. 12. Феал. 13. Арагорн. 14. Лавр. 15. Ристания. 16. Яррист.

ПРОВЕРЬТЕ ВАШУ ПАМЯТЬ

Кроссворд с фрагментами по произведениям Аркадия и Бориса СТРУГАЦКИХ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Щекн-Итрч (расовая принадлежность). 3. У гностиков — творческое начало, производящее материю, отягощенную злом. 6. Одно из первоначальных наименований процесса нуль-транспортировки. 8. Организация, которую представлял Юрковский в качестве генерального инспектора. 10. Прическа, сработанная Дэном для японской герцогини в телепостановке «Роза салона». 12. Кодовое название операции по обнаружению Антигорода. 15. Боеприпас, которым был убит «четверорук трехпалый». 17. «...туристы, отпускники (всей семьей и с детьми), свободные художники, ищущие новых впечатлений, неудачники, ищущие одиночества или работы потруднее, разнообразные дилетанты, спортсмены-охотники и прочий люд, не числившийся ни в каких списках, никому на планете не известный, ни с кем не связанный и зачастую старательно уклонявшийся от каких-либо связей» (собирательное название представителя этой группы людей). 19. Одно из имен древнего еврея, поднявшего руку на Бога. 21. Фамилия старшего биолога Далекой Радуги. 23. Феодальная торговая республика, граничащая с Арканаром. 24. Знаменитое кафе, расположенное «на плоской вершине Эверины, где между столиками гуляет пряный ветер, а под обрывом на трехсотметровой глубине громоздятся, подобно грозovým тучам, непроходимые черные заросли». 25. Гениальный художник, лучшим своим произведением считавший картину «Ветер». 26. Организация, где Захар Губарь некоторое время работал лаборантом. 27. Арабское государство, в котором довелось служить полковнику Сент-Джеймсу. 28. Вещество, которым стреляют из ляпника. 30. Город, где Пэл Мин-

чин доказала теорему о существовании полиномиальной операции над Ку-полем структур Симоняна. 31. «Тоже декорация? Честно говоря, она-то на декорацию как раз очень похожа. Особенно когда высоко. Но на восходе — смотреть же страшно! Огромная, разбухшая, красная...» (описанное небесное тело). 35. «Непрезойденный Белый Ферзи! Организатор операции «Вирус», после которой сам Суперпрезидент дал ему прозвище Биг-баг!» (настоящая фамилия). 36. Пятый, ближайший спутник Юпитера. 39. Фермент в составе онкорнавирусов, с которым связано сенсационное открытие В.Вайнгартена. 40. Модный танец «большой красоты, когда умеешь его танцевать». 41. Система борьбы, по которой Тойво Глумова тренировал Гриша Серосовин. 42. Река в центральной Анголе: у ее истоков археологи обнаружили остатки циклопических сооружений «глубочайшей древности». 43. Обязательная принадлежность обладателя шнура доблести. 47. Непременный стихотворный эпитет к существительному «лингвист». 48. Прозвище некоего Нахара-ибн-Унфува, означающее «много ходящий пешком». 49. «У нас нет общепринятого самоназвания. Большинство пользуется термином «...», так сказать, «за-человек» (пропущенный термин).

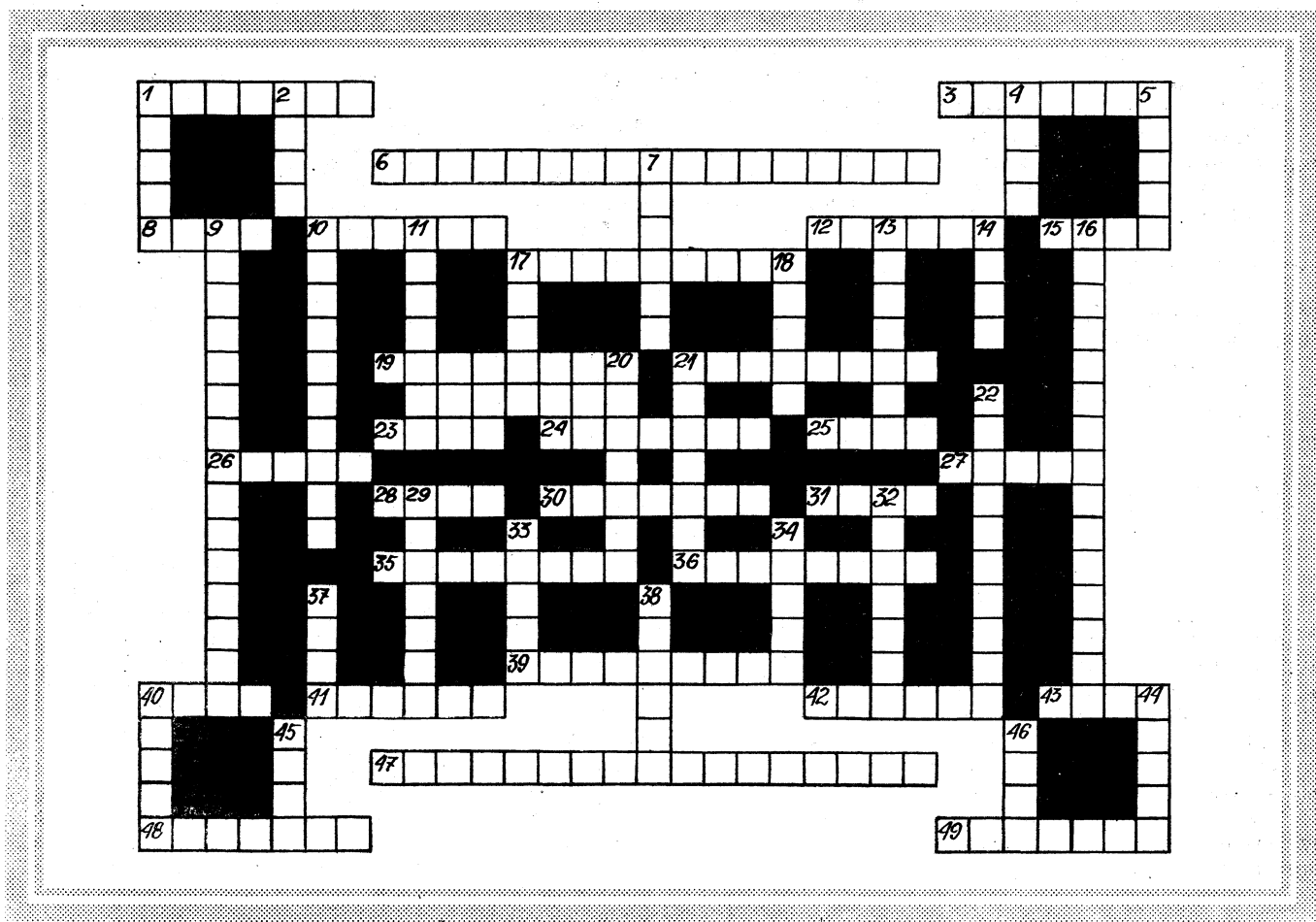
ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Один из первых роботов, сделан из глины Львом Бен-Бецалелем. 2. «Он был проклят всеми тремя официальными церквями Империи за неумеренную гордыню, ибо называл себя младшим братом царствующих особ. Он располагал ночной армией общей численностью до десяти тысяч человек...» (имя дан-

ного лица). 4. Планета, на которой впервые были обнаружены следы пребывания Странников. 5. Дочь З.Горыныча и плезиозаврихи из озера Лох-Несс. 7. Планета, где погиб Курт Лоффенфельд. 9. Наука, изучающая проблемы инопланетных психологий. 10. Непрофессиональный термин, принятый у журналистов для обозначения фукамизации. 11. Сокращенное название комиссии ООН по проблемам Посещения. 13. Средство передвижения, популярное у десантников и следопытов. 14. Наставник Льва Абалкина по школе прогрессоров. 16. Научное название «комариной плешки». 17. Название группы археологов, чей руководитель впервые в истории Земли побывал на борту инопланетного корабля. 18. Обращение, которое обычно употреблял Иуда, адресуясь к Господу. 20. « — Дядя Саша, — сказал Вадим, — вы знаете, что такое (...)» — (...)» Да, знаю, конечно. Это микроразрядное устройство на ткацких автоматах. Правда, теперь их нет...» (пропущенный термин). 21. Планета ракопауков и тахоргов. 22. Существо, принятое первоначально за разумного гуманоида Тагоры. 29. Член Мирового совета, резко выступивший против лозунга «Ученые готовы голодать». 32. Просторечное название лица с

добровольно редуцированными потребностями. 33. «Словечко из арамейской фени, означающее примерно то же самое, что нынешний «роман» — байка, рассказываемая на нарах в целях утolenия сенсорного голода воров в законе». 34. Массовое молодежное неформальное движение, выбравшее для тусовок распадков в 15 километрах от города Ташлинска. 37. Марка корабля, открывшего аморфное поле на северном полюсе Урана. 38. Ретрансляционный спутник, который Иван Жилин наблюдал, лежа в фонтане. 40. Бытовой прибор, одна из деталей которого имела жаргонное название «слег». 44. Кличка кота, жившего в доме Малянова. 45. Уникальный звездолет, на котором группа «Йормала» совершила погружение в черную дыру EN200056. 46. « — Отчаянно напился он, — сказала Стелла. — Сам черт ему не брат. В чужую дверь вломился он коленками назад» (объект реплики).

Составил П. ЗАСУХИН
п. Палатка Магаданской обл.

Михаил Домов закончил биофак Уральского госуниверситета и работает в Ботаническом саду Екатеринбургa, выращивает плодовые деревья. Руки делают свое, а мысли, думы витают далеко в истории, все больше в истории славянской.

Увлечение ею пришло к Михаилу с книгой Б.А.Рыбакова «Слово о полку Игореве» и его современники». Потом перечитал остальные его книги, перекинулся на других авторов, увлекся славянской мифологией. И в этом историко-мифологическом русле стал размышлять сам.

Прошлое нашего государства насчитывает более тысячи лет, но возраст народа русского куда солиднее. Народы же не возникают из ничего, а формируются на протяжении веков и тысячелетий. Истоки народа уходят в глубины времен. Но путеводная ниточка живет в преданиях, мифах и легендах, пульсирует в языке. Терять ее нельзя ни в коем случае. Народ, забывший свое прошлое, перестает быть народом. Где сейчас балтийские славяне, пруссы? Приняли католичество, стали говорить по-немецки и уже не помнят о своем происхождении.

Так размышляет
Михаил ДОМОВ.

Очерк о сколотах — его первый историко-литературный опыт. Понравится — напечатаем другие. Иные версии Михаила Домова могут показаться чересчур смелыми. А на наш взгляд, так они не намного смелее малоубедительной, но живучей «норманнской теории».

ПО СЛЕДАМ СКОЛОТОВ

В глубокой древности, еще в античное время, на территории будущей Руси появилось государство — предшественник нашей страны. О нем сообщает греческий историк Геродот. Родоначальников государства он называет сколотами и считает их скифским народом. Однако известный советский историк Б. А. Рыбаков в книге «Геродотова Скифия» убедительно доказал, что склоты были предками славян.

Геродот в своей «Истории» рассказывает такую легенду. Жили три брата: Липоксай, Арпоксай и Колаксай. Однажды упали с неба три золотых предмета: плуг с ярмом, секира и чаша. Сначала подошел к ним старший брат — Липоксай, но взять их не смог, так как золото воспламенилось. То же произошло, когда подошел средний брат — Арпоксай. Когда же подошел младший брат — Колаксай, огонь потух, и он взял эти предметы себе. Так было признано старшинство Колаксай.

Предание давно привлекло историков. Ведь это миф о богах — родоначальниках племени. Три брата — три божества, управляющие тремя ярусами мира. Колаксай (солнце-царь) — небесный бог. Липоксай (гора-царь) — бог среднего мира между небом и землей. Арпоксай (царь глубин) — повелитель преисподней. В легенде говорится о возвышении солнечного бога. Три упавших предмета, на первый взгляд, можно было разделить между братьями. Но предметы, как установил французский ученый Ж.Дюмезиль, символизировали три сословия: жрецов (их атрибут — чаша для гадания), собственников-земледельцев (плуг с ярмом) и воинов (секира). Власть символизировали все

три предмета, их нельзя было разделить. Геродот считает братьев родоначальниками разных скифских народов, но, скорее всего, легенда отражает обратный процесс — объединение племен и расстановку богов в единый пантеон. Объединившиеся племена стали называть себя «склоты» — народ бога Коло.

Были ли склоты скифами? Это с какой стороны посмотреть. Греки называли скифами все население юга Восточной Европы, не различая их языков. Значит, в собирательное понятие «скифы» входили и склоты. Но скифами называли также ираноязычных кочевников, вытесненных из Средней Азии воинственными соседями — массагетами. Под это понятие склоты не подходят. Б.А.Рыбаков считает, что они были местным народом, жили оседло и занимались земледелием. Поселились в Среднем Поднепровье, где позднее жили поляне (основатели Киева) и к западу от Днепра, где во времена Киевской Руси была земля древлян (одного из крупнейших племен, составивших русский народ). В античное время здесь и сложилось государственное образование склотов. Они выращивали хлеб и продавали его в греческом городе Ольвии, который сами греки называли «торжищем борисфенитов» (т.е. жителей Днепра).

Но в III в. до н.э. пришла беда. В Причерноморье вторглись сарматы — ираноязычные кочевники, родственные скифам. Скифы были изгнаны, подверглась опустошению и земля склотов. Сарматы сжигали селения, уводили в рабство людей. Уцелевшие от нашествия уходили кто на запад к фракийцам, кто на север. Населе-

ние Поднепровья было отброшено в своем развитии далеко назад. О событиях того времени можно прочитать в книгах Б.А.Рыбакова «Геродотовы Скифия», «Язычество древних славян».

Какова же дальнейшая судьба скелотов? Неужели они бесследно исчезли? По-видимому, нет. Имя их верховного бога (Коло) сохранил русский язык. Оно звучит в словах: колесо, колобок, околица, в украинском слове «коло» — круг. Значит, сказка о Колобке — тоже наследие скелотов. А может, слово «колобок» следует читать иначе — Колобог? Ведь были же в славянской мифологии Дажьбог, Стрибог, Чернобог. Тогда Колобог — более поздний вариант имени Колаксай. А сказка о Колобке — вольное переложение языческого мифа про умирающего и воскресающего бога. Такими богами были Купало, Ярило, Апполон, Осирис. Колобок круглый, как и солнце. Видимо, колобки и были ритуальным изображением солнца. Но из имен бога солнца наибольшее распространение получили Ярило, Хорс, Дажьбог. А о Колобоге забыли. Словом же стали обозначать съедобную модель светила. Едва ли в исходном варианте мифа был такой же набор зверей. В сказку попали звери, наиболее популярные в русском фольклоре. В мифе же фигурировал зверь, символизирующий царство мертвых. Он пожирал Колобка-Колобога, чтобы тот наутро возродился снова (так же, как и Ярило). Таким образом, русская сказка сохранила скелотский миф, неизвестный Геродоту. В нем отражены архаичные представления людей о природе, причем, божество еще не приобрело антропоморфный облик, как в геродотовской легенде. Значит, он появился еще в то время, когда предки скелотов жили родовым строем, а Коло был племенным богом.

Выходит, скелоты не исчезли после сарматского нашествия. Где же потом жил народ Колобога? Когда-то на территории Белоруссии обитал славянский народ — полочане. Имя свое он взял у реки Полоты. Это — ветвь кривичей. Основа его названия — «пол» — есть и в слове «полянне». Скорее всего, эти два слова обозначают один народ, чье имя мы знаем из летописи — поли. В «Полести временных лет» основатели Киева называются в разных местах то полями, то полянами. По-видимому, Нестор механически переносил в свою летопись сведения из различных источников, что и привело к такому разночтению. Полянами киевляне называли славяне. А кто называл полотами? Слово, как видим, построено по тому же типу, что и «скелоты». Так как сами поляне называли себя полями, то скелоты вполне могли назвать их полотами. Может, и сами они жили поблизости от реки Полоты?

Вероятно, поли-поляне двигались к Среднему Поднепровью через земли скелотов. Часть племен влилась в скелотский союз, тогда их и стали называть «полоты». Может быть, именно скелоты привели полей в Поднепровье. Ведь они помнили о своей древней родине, но возвращение было возможно только в союзе с полями.

Конечно, с полями ушли не все скелоты, а только наиболее подвижная их часть — беднейшие слои населения и молодежь, которых ничего не держало на своей земле. Большая часть народа должна была остаться. Но тогда жители Северной Европы должны были знать этот народ. И сведения о нем сохранились. К западу от Одера на морском побережье существовало в средние века государство Поморье, где жил ряд славянских народов. Позднее немцы превратили это слово в Померанию. Среди прочих народов там жили колобжане. Память о них — город Колобжег на северо-западе Польши. Колобжане — наверно именно так должно по-славянски звучать название племени Колобога.

Если это так, то почему скелоты совершили такой далекий поход на север? Вероятно, близкие земли были плотно заселены, и только на севере удалось найти незанятую территорию. Возможно, именно колобжан-скелотов готский историк Иордан называл «колдами». (См.: Иордан «О происхождении и деяниях гетов»), когда писал о воинственных северных племенах.

О колдах напоминает славянское языческое божество Коляда. Это имя принято выводить от латинского Calendae. Но уж очень популярен был этот образ у славян, чтобы считать его заимствованным. Скорее, это немного измененное имя бога Коло. Праздник Коляда связан с зимним солнцеворотом. Воплощением этого божества были сноп или кукла — явное сходство с обрядами в честь Ярилы или Купалы. Возможно, основой этих обрядов стал древний культ бога Коло. Изменение имени могло произойти в результате слияния его с аналогичным божеством. Сочетание «яд» звучит в имени Ядвига и в слове «ядренный» (обладающий силой), родственном имени бога Индры (См.: «Мифологический словарь» под ред. Е.М.Мелетинского). Но именно на севере Европы жил народ Индры — древние арии, мифология которых сохранила воспоминания о полярной ночи, ледяном океане, северных сияниях. Отсюда они начали свой путь в Индию. Часть же племен осталась на своей древней родине и сохранила архаичный культ бога по имени Яд. Может быть, с этими племенами и объединились скелоты? Сначала люди одинаково почитали обоих богов и обращались к ним обоим вместе. Но через несколько поколений

два имени стали восприниматься как имя одного бога — Коляды.

Видимо, с именем этого бога связано слово «колдун». Не так ли называли жрецов Коляды (это слово могли произносить как «крлядун»)? Ведь именно с языческими жрецами связывались представления о волшебниках. Когда же культ Коляды прекратил существование и обряды, связанные с ним, превратились в народные праздники, слово «колдун» приобрело иное значение — человека, способного творить чудеса.

Кстати, имя бога Коло звучит и в названии города Коломны. Древняя Коломна находилась при впадении реки Коломенки в Москву-реку, где сейчас стоит село Городищи. Создатель знаменитого «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даль связал название города с диалектным словом «коломень» — околица и отмечал: «От чего и название города Коломны: околица Москвы». С ним согласен М.Фасмер — автор «Этимологического словаря русского языка». Но против этой версии можно выдвинуть возражения:

1. Не всегда этот город был владением Москвы: первый московский князь Даниил Александрович отвоевал Коломну у Рязанского княжества.

2. В. П. Нерознак в книге «Названия древнерусских городов» обратил внимание на то, что река Коломна есть и в бассейне Дона, а Коломенка — в бассейне Днепра. Такая широкая география названия не позволяет связать его только с Москвой.

Риску высказать свою версию. Название города могло произойти от слова «Коломон». Было племя стримонов, они поклонялись богу Стримону. Был народ росомоны — у них соответственно должен быть бог Росомон. Значит, у тех скелотов, что поселились среди фракийцев, бог Колаксай должен был называться Коломон. Когда росомоны двинулись с Дуная к Днепру, потомки скелотов должны были вспомнить о своей древней родине. Вернулись они, видимо, во II в. н.э., когда на юге Восточной Европы распространилась Черняховская культура. Ее создали не только местные племена, но и пришлые. Через пять столетий встретились скелотские племена, разделенные сарматским нашествием. И встретились они на своей прародине. Видимо, часть из них поселилась на месте будущей Коломны, где возникло святилище бога Коломона.

Скелоты не исчезли бесследно. Их культура стала частью славянской культуры. ■

Завывая моторами, перегретыми на долгом подъеме, к Чертовой кухне выехала кавалькада — впереди джип-«Патруль», за ним с десятком «тойот» и «жигулей». Выскочившие из машин ребята были покруче шашлычной охраны. Сжимая в карманах пистолеты, они настороженно озирали поле недавнего боя, окрестные скалы и заросли. Кругом не было ни души.

Из «Патруля» вышел мужик в дорогом костюме, в золотых очках.

— Ба! Кого я вижу!

Приехавшие разом обернулись на голос — Хасан сидел на невысоком карнизе над ними.

— Ты ли это, Боров? — продолжал Хасан. — Ну, дела! Я-то думал, ты все так же бомбишь алкашей у вокзала, если не порезали по пьяни или менты не свинтили, а ты — в галстук! Да на красивой машине! Это ничего, что я сижу?

— Хасан, что ли? — подошел поближе Боров.

— Я, Боренька. Или как там тебя теперь звать-то: Борис... прости, по батюшке не знал никогда...

— Твоя работа? — кивнул Борис на разгром. — Ты знаешь, сколько я на тебя за это повешу? До смерти раком будешь стоять — не расплатишься!

— Эй, ты! Иди сюда, чучело, — один из крутых ребят вытащил «вальтер». — Считаю до трех! — он взвел курок.

Сверху раздался протяжный свист, и с Первого поскакал по уступам, грохоча и разбрызгивая осколки, громадный камень. Гости бросились врассыпную. Камень вдавил на полметра землю и, ломая кусты, улетел в лес. Другой, побольше, протаранил две машины.

Крутые ребята отступили от столба, паля изо всех стволов, по мелькающим тут и там красным развилкам. Вскоре стрельба затихла, гости замерли, чутко вода стволами по скалам — стрелять было не в кого.

— Это вы зря, — Хасан снова возник на карнизе. — Вам еще обратно ехать. Дорога дальняя, мало чего случится?

Боров негромко приказал что-то своим, те нехотя спрятали оружие. Сам он, миролюбиво подняв ладони, опасно поглядывая вверх, снова приблизился.

— О'кей, Хасан. Ребята погорячились, они городские люди, они не знают, что такое Столбы и кто такой Хасан. А я прожил здесь два года... Давай решать вопросы мирно, как деловые люди. Если ты претендуешь на свою долю, не надо было кулаками махать, надо было просто связаться со мной. Твое право. Это действительно уже сто лет ваша территория. Я предлагаю, скажем, два процента.

— Что ж так дешево? — искренне удивился Хасан.

— Это огромные деньги, Хасан! Ты что думаешь, я здесь шашлыками торговать буду? — засмеялся Боров. — Тут золотое дно, Хасан! Это многие поняли, только я первый успел. Администрацию мы уже прикормили. Сейчас мы откупаем заповедник — весь, до последнего камня. Это решенный вопрос, у меня есть люди в Верховном Совете. Не сегодня-завтра французы начнут строить канатную дорогу, потом будет отель, будет международный центр горного туризма — проекты уже есть. Американцы, англичане, турки — все рвутся сюда, но все они придут ко

мне со своими деньгами. Здесь миллионы, сотни миллионов! Ты со своими ребятами возьмешь на себя охрану. Ваша форма будет единой для всего персонала. А когда откроем школу скалолазов — это я целиком отдам тебе на откуп. Ты по золотым камням ходишь, Хасан!

— Красиво говоришь, — сказал Хасан. — А теперь слушай меня. Хотя ты и прожил здесь два года, но так ничего и не понял. Как торговал водкой по ночам, так и остался мелким спекулянтом, хоть и в галстук. Слушай: пока жив хоть один абрек — не будет здесь ни тебя, ни других торгашей, ни отеля, ни французов с англичанами. Будет заповедник, где вас нет! Иди, Боров, и по сторонам не смотри — не твое!

Боров удивленно покачал головой.

— Ты дурак, Хасан? Или не понял, о чем говорю? Или детство еще в голове играет? Я же тебя раздавлю, как клопа. На камнях ведь не проживешь, в город спустишься — там я с тобой по-другому буду разговаривать. Пижон дешевый!

— Иди, Боров, утомил.

Боров кивнул своим, и они пошли к машинам. Кое-как завели покореженные «жигули». Крайний парень оглянулся через плечо на Хасана, взвел в опущенных руках пистолет. Вскинул ствол... Но на карнизе уже никого не было. Хасан будто растаял в воздухе.

Абреки, как мураши, тащили на Скиталец трофеи: полные охапки сладостей, уцелевшие бутылки — водку, шампанское, заморские ликеры. Гуляш пер за спиной мешок пива. Нахал — сноп шампуров с недожаренным шашлыком. На Скитальце все свалили в кучу, бутылки расставили отдельной батареей, запалили костер. Кукла и Варежка доставали алюминиевый сервиз — готовились к торжеству. Собственно, приглашения никто не ждал, каждый пробовал, что хотел. Ликеры по кругу отхлебывали из горлышка, кривились — «очко слипнется», французский коньяк не оценили — «самогон, даром что пузырек красивый». Поживились и шмотьем по мелочи: один в ковбойской шляпе поверх фески, другой в новой футболке с Бэтменом под развилкой: не забыли и про теток — Варежка в зеркальных очках шикарно покуривала длинную черную сигарету, Кукле Нахал поднес сувенир в прозрачном футлярчике, который под общий радостный гогот оказался фигурным презервативом. Дуське каждый втихаря нес красивый дезодорант — видно, из одного киоска, потому что у нее собралось десять одинаковых флаконов.

Изрядно уже отяжелевший от пива Солдат снисходительно смотрел на общее веселье, рассуждал, обращаясь к сидящему рядом Цыгану:

— Чего радоваться-то? Ну, навалили арам, вот радости-то полные шаровары! Раньше кому навалишь — вечером и не вспомнишь. А-а! — махнул он рукой. — Чего говорить, кончились абреки. Как Хасана посадили, так и кончились, потому я и ушел. Раньше — это ж какие люди были! Хасан, Голуб, Акула, Монах! Помню, тоже приехали из города разбираться — человек двадцать. А нас четверо — Хасан, Голуб, Спиральный да я. Хасан встал перед нами — и спросил: «Ну?». Одно слово: «Ну?», — по-

пытался воспроизвести непослушным языком Солдат. — Те повернулись и уехали... Одна надежда — Хасан вернулся. Он из вас абреков сделает. А то, что абреки, что «изюбри» вонючие — все одно... Раньше, помню, мы только со Скитальца выходим, а все Столбы уже знают — абреки на Каратановский равелин пошли. Внизу собираются, смотрят, как мы фигурируем...

— Да ладно трепать-то! — не выдержал Цыган. — Утомил, папаша! «Раньше! Хасан! Голуб!» Фигуряли они! Там корова задом пройдет, где вы фигуряли! Один звук остался — Хасан твой, да Голуб!

— Ты что, с болта сорвался? — опешил Солдат. — Мы ж первые там ходили, когда тебя еще мамка не придумала! Я первый по Кровососу прошел!

— Нахал! — крикнул Цыган. — Тебе сколько лет было, когда ты на Кровосос пошел?

— А? — обернулся от костра Нахал. — Не помню. Лет пятнадцать. А что?

— Ниче, — отмахнулся Цыган. — Понял, папаша? Там турики теперь резвятся, где вы ходили! А на Рояле ты играл? А на Мясо ты ходил? Знаешь, почему «Мясо» называется? Да хоть Пятна ты щупал на Первом? Нет? Так сиди и молчи! «Абреки кончились!» Это ты кончился. А за нас не волнуйся!

— А ну пошли! — вскочил Солдат. — Я тебя на любом столбе сделаю, как щенка! Я — Солдат, а ты кто?

— Да пошел ты... — отвернулся Цыган. Хасан запрыгнул на Скиталец.

— В карауле кто?

— Тритон.

— Цыган, на ночь второго внизу поставишь... Ну, — потер руки Хасан, оглядывая застолье. — Чего Бог послал? Погодите метать, сперва торжественная часть! Нахал, иди сюда!

Он достал нахалову феску.

— За проявленный в бою героизм возвращаю тебе феску и снова посвящаю в абреки! — он торжественно ударил Нахала плашмя кинжалом по плечу и нахлобучил ему феску.

— Ура-а-а! — грянули абреки.

— А это за старое, чтоб больше не вспоминать! — он сел, налил себе водки в кружку, серьезно сказал: — Кому надо возвращаться в город — вместе туда, вместе оттуда, По одиночке не ходить. А в городе смотрите сами. Город — не Столбы, там каждый выживает один... Нас мало, ребята, но Столбы были и будут наши! Всегда! Пока Столбы стоят!.. Ну! — он поднял кружку. — Чтоб калоши не скользили!

Абреки чокнулись мятыми кружками с «Наполеоном» и «Смирновской».

Хасан дотянулся до гитары, взял пару аккордов.

— Солдат, давай нашу, а то здесь уже никто не помнит... — Он огляделся. — А Солдат где?

— Да был только что...

— Калоши надевал, — вспомнила Варешка.

— Они с Цыганом тут спорили, — сказал Гуляш.

Хасан настороженно глянул на Цыгана.

— На Первый, наверно, поперся, — усмехнулся тот. — На Пятна.

— У тебя, что, с головой плохо, Цыган? — злое ще спросил Хасан. — Он же пять лет на камни не ходил!

— А я ему в няньки не нанимался, — спокойно ответил тот. — Закон: каждый выбирает ход сам...

Когда абреки выбежали к Первому, Солдат был уже под самой верхушкой, передыхал на карнизе, примеряясь к Пятнам. Ход — пятна-проплешины на мшистом каменном брухе, подсказывающие, куда упираться калоши — тянулся по крутой дуге вверх над обрывом.

— Солдат, стой! — что есть сил заорал Хасан, надсаживая горло. — Приказываю — стой!!!

Разобрать слова на стометровой высоте нельзя было, но Солдат услышал крик, увидел внизу суетящихся красных мурашей, и остался доволен, что будут свидетели. Он отошел на дальний край карниза, встал, покачиваясь взад-вперед, собиравшись для броска. Это был беговой ход — надо было хорошо разогнаться по карнизу, чтобы скорость прижимала калоши к камню, и забежать наверх по почти вертикальному пузу.

— Я кончился?.. Солдат, значит, кончился, сука, да? Смотри, щенок, как старые абреки ходят! — он откачнулся подальше назад, замер на мгновение — и побегал. Толкнулся от карниза, точно попал носком в первое, второе, третье пятно...

— Стой!!! — последний раз проорал Хасан. Обернулся: — Нахал! Еще кто-нибудь! Наверх по Собольку! Гуляш — по Трубе! Кушак кинешь, если зацепится!

Те бросились к боковым ходам, хотя все понимали, что зацепиться на Пятнах не за что.

Абреки замерли в напряжении, глядя вверх, повторяя про себя каждый шаг Солдата...

Скорости не хватило, каждый следующий шаг был медленней, и наконец, за три пятна до спасительной бровки Солдат не смог уже переступить и застыл, еще удерживаясь носками калош на вертикали.

— Руками не трогай! — отчаянно крикнула Дуська, комкая развилку на груди.

Солдат не слышал, он сам знал, что нельзя касаться камня руками, но калоши чуть-чуть проскользнули, и он судорожно вцепился пальцами в каменное пузо. Он плыл — пока еще медленно, коротко проваливаясь с одной крошечной неровности на другую. Ногти на скрюченных пальцах лопнули, из-под них ударила кровь, оседая шариками на ворсинках мха...

— Толкайся! Толкайся в деревья! — закричали абреки.

Солдат глянул вниз под рукой — на маленькие игрушечные кроны сосен, на красных мурашей с обращенными к нему лицами. И провалился совсем, давя стон, оставляя полосы содранного мха.

Кто-то вскрикнул, многие опустили головы, чтобы не видеть. Солдат пролетел метров тридцать, инстинктивно приземлился на ноги на катушку, его с размаху ударило плашмя о камень и подбросило, прокрутило несколько раз в воздухе безвольное уже тело...

Когда подбежали абреки, Солдат лежал лицом вверх, широко раскинув руки. Крови почти не было, только струйка изо рта и снизу из-под головы. Дуська молча растолкала всех, присела, взяла пульс на руке. Хасан торопливо разматывал свой кушак.

— Нахал! К Бурсаку за машиной! Пусть навстречу едет! Быстро!

Когда стали подсовывать развернутый кушак вдоль под тело, Солдат приоткрыл глаза и шевельнул губами.

— Что? — наклонился к нему Хасан.

— Чуть-чуть не дошел... — виновато выдохнул Солдат.

Абреки подняли его вшестером и понесли к кордону. Остальные спешили рядом, готовые подхватить кушак, если кто устанет.

От кордона навстречу мчался Нахал.

— Не дает, сука! — крикнул он издали. — Чай пьет!

— Ты что? — задыхаясь, остановился Хасан. Пот из-под фески заливал глаза. — Ты сказал — зачем?

— Сказал!

— Держи! — кивнул Хасан. Нахал перехватил край кушака, и Хасан бросился к Нарыму. Пинком отшвырнул калитку.

Бурсак и еще трое егерей, действительно, пили чай во дворе. Возле каждого под рукой стоял карабин.

— Ты что, Бурсак, не понял? — Хасан протянул вперед руки, залепанные чужой кровью. — Человек умирает!

— Всех вас возить бензина не хватит, — спокойно ответил Бурсак, помешивая сахар в кружке. — Когда все перебьетесь, я последнего сам лично отвезу. С почетом.

— Я с тобой потом разберусь, — сквозь зубы сказал Хасан. — Времени сейчас на тебя нет, гнида... Открывай ворота! Выкатывай! — обернулся он к своим.

Абреки хлынули во двор к машине. Гуляш одним взмахом вырвал из ворот замок вместе с ушками.

Егеря подхватили карабины.

— Назад! — Бурсак выстрелил под ноги абрекам. Картель широко, как кнутом, ударила по земле.

Хасан медленно, глядя в глаза Бурсаку, пошел прямо на стволы. Бурсак, так же не отводя глаз, снова передернул затвор...

— Хасан, — негромко окликнула Дуська. Она опустила безвольную руку Солдата. — Поздно...

Нахал висел на страховке, упираясь ногами в стену, работал металлической щеткой, сдирая мох с камня. Буквы он уже закончил и теперь обводил их рамкой.

— «С» поправь, — велел Хасан. — Оно у тебя направо падает. — Он с другими абреками стоял ниже на катушке.

Нахал спустился к ним, глянул отсюда на свою работу. Под Пятнами на вертикальной стене значилось теперь «СОЛДАТ». — серым камнем из-под черного мха.

Хасан снял корону. Поснимали фески и остальные.

— Говорят, мох сто лет нарастает, пока совсем затянется, — помолчав, сказал Хасан. — Сто лет тебе память, Солдат, — повернулся и пошел к Скитальцу.

Абреки остались стоять, переглядываясь в недоумении. Нахал догнал его:

— Что, Хасан — и все? И Бурсаку простишь? Так мы сами пойдем! Наваляем, что портрета не останется!

— Наваляем? — усмехнулся Хасан. — Эх ты его пожалел... Сам удивится. Он у нас на все Столбы прогремит.

Он взял у Нахала страховочный капроновый трос, осмотрел.

— Сколько у нас «соплей»?

— Две, — удивился Нахал. — А что?

— Пробеги по избам. Чтоб до темноты четыре было.

Бурсак, причитая, спотыкаясь на корнях, бегал взад и вперед под Первым. Все Столбы собрались тут, стояли избями, посмеивались, глядя на Бурсака и вверх. А кто, опоздав к началу представления, только выходил из лесу — сперва замирал с открытым ртом, а пот ом принимался хохотать, как сумасшедший, хлопая себя по коленям и указывая на вершину.

Там, на самой кромке карниза торжественно стоял новенький, сияющий бурсаков автомобиль.

— Ребята, — метался Бурсак от «славян» к «беркутам», от тех к «бесам». — Ну вы же нормальные люди! Не эта шпана! Снимите, ребята! Я заплачу!

Ребята с удовольствием смеялись. Не то, чтобы болели за абреков, но все имели зуб на Бурсака, а главное — оценили хохму и с интересом ждали продолжения. А если кто и хотел бы выслужиться перед администрацией, то на глазах у всех не решился бы.

— Ребятки... Ко мне ведь прибежите, сволочи, когда петух клонет!.. Тысяч пять, кто снимет! — отчаявшись, крикнул Бурсак. — Ну?!

Никто не двинулся с места...

Абреки стояли поодаль, покуривая невинно, как бы не очень понимая — про что шум. Подбежал посланный в дозор абречонок:

— Хасан! Спасатели едут!

— За мной!

Снизу тяжело поднимался УАЗик горноспасательной службы. Хасан вышел на середину тропы и встал, сложив руки на рукоять кинжала. Машина остановилась, обдав его жаром перегретого движка. Из кабины выскочил старший, седоватый поджарый мужик, подошел, приглядываясь.

— Хасан?

— Акула? — не веря своим глазам, распахнул руки Хасан.

Они обнялись и отстранились, рассматривая друг друга.

— Вернулся?

— А ты куда пропал? Мои тебя искали в городе, — кивнул Хасан на перегородивших тропу абреков.

— Да мы только вчера с Кавказа. А до того в Китае работали.

— Так ты большим начальником стал? — спросил Хасан.

— Спрашиваешь! — засмеялся Акула. — Жизнь меняется, Хасан, только успевай. Это раньше спасатели, убогие, за идею гробились. А теперь мы такое дело раскрутили — ого! Заслуженные мастера в очереди к нам, им такие заработки и не снились.

— А Столбы, значит, забыл?

Акула заметил изменившийся тон Хасана. Уже без улыбки ответил:

— Всеу свое время, Хасан. В моей феске сын играет. А до старости торчать на Скитальце или уплыть по дури... — он покачал головой. — Не знаешь, за чем Бурсак вызывал?

Хасан молча указал вверх. Акула засмеялся, ткнул его кулаков в грудь:

— Узнаю тебя, Хасан! За что ж ты его так?

— За дело, — коротко ответил Хасан.

— Что делаем, Игорь Николаевич? — подошел один из спасателей.

— Разворачивай. Бурсаку передашь — мы людей спасаем, а машины — не наш профиль... Ну, давай, Хасан.

— Давай... Игорь Николаевич, — они пожали друг другу руки.

Акула пошел было к машине. Остановился.

— Иди ко мне, Хасан. Для тебя всегда место найдется.

— Не приду, Акула, — качнул головой Хасан.

Тот вернулся, вытащил из кармана визитку.

— Здесь телефон — и в офисе, и домашний. Надумаешь — приходи, — он воткнул Хасану визитку за кулаш и сел в машину.

Когда УАЗик покатился вниз, Хасан достал красивую, с золотыми буквами визитку, скомкал и бросил в сторону.

Послышался грохот винтов, из-за столба поднялся, завис над вершиной вертолет. Тугие воздушные струи погналы вниз песок и мелкие камни. По веревочной лестнице на вершину спустились работяги-высотники в оранжевых касках. С вертолета бросили им стропы с крючьями.

— Давай!.. Давай!.. — махал руками Бурсак с Чертовой кухни. — За раму цепляй!

Легкая «Вольнь» вздрагивала под ударами спрессованного воздуха. Вдруг сдвинулась с места — и нырнула в пропасть. Бурсак схватился за голову и с размаха сел на камень.

Машина скомкалась о катушку, как бумажная, а колеса высоко подскочили и, догоняя друг друга, весело покатались к ролдону.

«Грифы» обитали на Столбах сами по себе: жили на отшибе и с другими избачами не водились. Были они сплошь ученые, доктора и кандидаты, и на остальных смотрели сверху вниз, потому что, во-первых, считали себя элитой Столбов, а во-вторых, жили высоко на скале Грифы, от которой и получили свое имя. Формы они не имели из принципа.

Когда Хасан добрался до Грифов, солнце уже напоролось на острые верхушки сосен и опадало, как проколотый шар. Под столбом, прямо под избушкой, турики брэнчали на гитаре и кипятили чай на примусе.

Хасан поднялся простеньким ходом и оказался на одном уровне с карнизом. Здесь «грифы» поставили замок: забетонировали последнюю щель, ведущую к избе, и утопили там потайную гайку. Первый, кто шел в пустую избу, вворачивал болт и вешал маятник. В общем-то замок был от честных людей да от туриков, потому что любой столбятник мог попасть на карниз сверху, поднявшись с другой стороны столба и перевалив через вершину.

Перед карнизом подвешен был колокольчик. Хасан позвонил, и из-за нависающего тараканьего лобика выглянул Майонез в проволочных очках на громадном шнобеле.

— Но, какие люди, какие люди! — запел Майонез. — Какая честь! Сколько лет, сколько зим!

— Десять, — коротко ответил Хасан. — Можно?

— Милости просим, милости просим! Спешу первым засвидетельствовать почтение. — Майонез потянулся поручаться через пропасть. Хасан тоже протянул было ладонь, но тот вдруг неловко качнулся и с воплем рухнул вниз.

Хасан досадливо покривился, достал папиросы и прикурил, поглядывая по сторонам. Переждал немного, спросил:

— Не надоело?

Майонез появился из пропасти, смущенно хмыкнул и подтянулся на страховке.

— Уж и пощутить нельзя? — он отвязал конец маятника и бросил Хасану.

— С туриками шути, — Хасан качнулся на маятнике и ступил на карниз.

Маленькая — в рост человека — ладная избушка «грифов» была выстроена в глубину грота, под нависающий камень. Хозяева сидели вокруг стола рядом с избой. В центре стола была буржуйка с длинным дымоходом, на буржуйке мирно пыхтел чайник. Скамейки были сразу и рундуками для провизии, к каменной стене приделаны полки с посудой, карниз огорожен корабельным леером, чтоб не громыхнуться вниз спросонья, а через леер торчала, как пушка с корабля, стрела лебедки. Все по уму было сделано на маленьком каменном пятачке, все по-научному.

— Здорово, стервятники! — поздоровался Хасан.

«Грифы» ответили — правда, без большой душевности. Кого-кого они могли ждать в гости, но только не абрека. Но все же подвинулись, дав место за столом, и поставили перед ним кружку. Пока Хасан, сняв из уважения корону, хлебал чай, они молчали, переглядываясь.

— Чему обязаны? — спросил наконец Папа Док, статный мужик с голым, как Митра, куполом, — старший здесь, по крайней мере, по возрасту.

— Я долго говорить не буду, — сказал Хасан. — Слышали, наверное, — мы торгашей со Столбов вымели?

— Да уж весь город знает, — усмехнулся Папа Док. — И что дальше?

— А дальше у меня только один вопрос: вы-то почему тихо сидите? Вы-то, умники, должны понимать, что происходит? Ведь пропадут Столбы, как Россию распродали!

— Облегчусь, пожалуй. Если никто не возражает, — задумчиво сказал Майонез. Он отошел в дальний конец карниза, где под табличкой «WC» висел страховочный пояс и рулон туалетной бумаги. Оторвал бумажки, надел страховку и нырнул вниз.

— Скучно, Хасан, — сказал Папа Док. — Это ты к любому пивному ларьку иди, там у тебя много собеседников будет — про то, как Россию продали.

— Так ведь продали! — закричал Хасан. — Растащили по куску, кто сколько урвать успел. А пока тут сидишь и умную рожу строишь, и Столбы продадут по камешку — Первый в Америку, Второй в Германию, и вас вместе с вашим камнем! Вон уже ка-

натку собрались строить, потом гостиницы, потом вот здесь вместо вас валютный бар будет с проститутками и красивым видом!

Папа Док герпеливо, как ребенка, кивал ему.

— Слушай, Хасан, — сказал он. — Если ты хочешь проанализировать доминирующие тенденции экономической эволюции конкретного административно-территориального региона — запишись в библиотеку, почитай книжки. А то разговор не на равных.

— Ты из меня дурака не делай, — сказал сбитый с толку научной абракадаброй Хасан. — Я верю только в то, что простыми словами можно объяснить.

— А если простыми словами: это нормальный процесс, первый этап развития капитализма. Варварский, правда, как и все в этой стране, но — нормальный. А нравится тебе это, не нравится — это твои личные проблемы. Много сейчас таких за Россию блажат, про Богом избранную страну. Они орут, а паровоз мимо идет. А ляжешь на рельсы — и паровоз не остановишь, и сам костей не соберешь. Теперь понятно говорю?

— А что делать? Лапки сложить и помирать? Да вроде рано еще. Если мы все объединимся — кто нас одолеет?

— Объединимся? — снова усмехнулся Папа Док. — Замечательная традиция, Хасан, закон Столбов: никто не спросит, как твои фамилия и кто ты в городе. Красивая легенда: сыщик и беглый каторжник за одним костром. Все равны на Столбах... Однако, посмотри, Хасан, как странно все само собой сложилось: вот мы здесь ученые, аспиранты есть, «Музеянка» — художники, актеры, журналисты, «беркуты» — работники, «эдельвейсы» — студенты, «кизюбри» — милиция и военные, «славяне» теперь уже не знаю кто, а в прошлом комсомольцы и аппаратчики, в «Али-бабе» — поселковые, никого городских нет, «бесы» — офицеры, таксисты и банщики, зажавшаяся обслуга, твои абреки — шпана беспризорная. Правда, интересно получается? Кто с кем должен объединиться — мы с «бесами»?.. Так что ты нас в свои игры не путай, Хасан! Вы там, — Папа Док махнул рукой вниз, — играйте, воюйте, объединяйтесь, только нас не трогайте. А если вас действительно администрация разгонит, а заодно и прочую шваль — и слава Богу, только чище на Столбах будет!

— Вот как? — спросил Хасан, оглядывая сидящих.

— Вот так, — ответил за всех Папа Док.

— Какие вы, к черту, «грифы», — процедил Хасан, поднимаясь. — Куры вы, несущки... Одну избу уже спалили — думаете, до вас не доберутся? Только тогда уж ко мне за помощью не бегите!

— Не побежим, Хасан.

Хасан пинком освободил тормоз на лебедке, ухватился одной рукой за трос и с загробным воем прыгнул вниз, прямо на культурно отдыхающих туристов.

Те вскинули головы, увидели летящую на них с закатного неба черную фигуру в плещущих на ветру шароварах и, не поднимаясь на ноги, на карачках, брызнули по кустам. Хасан прыгнул между спальников, пнул в сердцах чайник с примуса. Крикнул навстречу:

— Счастливо оставаться, птички, — и двинул домой.

Проходя мимо Дуськиной Щелки, Хасан почувствовал движение в темноте. Остановился, приглядываясь, и крадучись шагнул с тропы к камню...

Нахал, сбросив развилку и кушак с кинжалом, яростно штурмовал хитрушку. Срывался, совал обожженные пальцы в рот и снова упрямо, тяжело дыша, лез наверх. Хасан замер, улыбаясь, хоронясь за деревьями, чтобы не спугнуть...

На другой день, как обычно, абреки всей толпой притормозили у камня с Дуськиной хитрушкой.

— Ну? Есть у меня еще кавалеры? — подбоченилась Дуська. — Кто сегодня претендент?

Цыган не торопясь примерился, закинул в щель свои грабли и пошел, красиво, по-абречи: со скучающей физиономией, как нечего делать, хотя мышцы под облепившей спину развилкой бились от натуги. Спрыгнул, отряхнул ладони.

— С тобой на Скитальце рассчитаемся, — отмахнулась Дуська. — Ну, кто еще? — спросила она, в упор глядя на Хасана.

Тот стоял, перекидывал языком спичку в зубы.

— А что, слабо, Хасан? — усмехнулся Цыган. — Приз-то хорош, а? — он развернул к нему за плечи Дуську. — Не пожалеешь, гарантия! Стоит, чтоб рискнуть!

— Я на баб не играю, — спокойно ответил Хасан. — Пусть пацаны штурмуют.

Дуська грубо вырвалась от Цыгана и отвернулась:

— Ладно, порезвились и хватит! Пошли!

— А правда, попробовать, что ли? — вдруг будто бы задумчиво, про себя, но звенящим от напряжения голосом сказал Нахал.

Все разом обернулись к нему. Нахал стоял один у щели, сунув руки в карманы необъятных шаровар.

— Не передумаешь потом? — спросил он.

— Мальчик, я когда-нибудь не делала, что обещала? — надменно спросила Дуська. — Только про калоши не забудь!

Нахал молча скинул свою мелкую феску, чтоб не потерять в дороге, и двинулся по хитрушке. Что-то было такое в его голосе и каждом шаге, — как у человека, идущего в один конец, без обратного пути, — что не слышно было ни обычных похабных шуток, ни свиста, ни поддержки: тишина. Шел он не красиво, ожесточенно, будто зубами за воздух хватался. Когда миновал середину, абреки загудели, не веря глазам, и только когда подтянулся и выбрался на плоскую крышу камня — взорвались торжествующим ором, какого еще не слышали Столбы.

Нахал прыгнул вниз, держа в стороны скрюченные, сведенные пальцы. Абречата налетели обниматься, молотить кулаками по плечам, а он остался стоять на вытяжку, глядя сквозь них на улыбающуюся Дуську.

Та неторопливо, по-царски подошла. Абречата расступились перед ней.

— Выиграл, Нахал, — улыбаясь, сказала Дуська.

— Вот она я. Ты хозяин, как скажешь, так и будет.

Нахал по-прежнему стоял столбом, не сводя с нее глаз.

— Только сразу, Нахал, — предупредила Дуська. — Единственное мое условие. Не люблю долги на

потом оставлять... Ну, пойдем, — она взяла его под руку, но тот стоял, как каменный.

— Иди, Нахал! Ну, чего встал! — теснились кругом абречата. — Иди, дурак! Зря лез, что ли? Потом расскажешь!

Цыган, усмехаясь, покуривал поодаль.

— Пойдем, Нахал. Я же обещала, — тихо, ласково сказала Дуська. Она наклонила голову и, не закрывая глаз, пристально глядя, поцеловала его в губы.

Лицо Нахала вдруг задергалось. Едва сдерживая слезы, он с силой оттолкнул Дуську, закрылся руками и, не разбирая дороги, спотыкаясь о камни, бросился в лес.

Абреки на секунду затихли в изумлении — и загоготали, засвистели вслед, похватались за животы от смеха:

— Давай я! Чур, я за него!

Дуська, уже без улыбки, врезала самым ретивым по феске и, не оглядываясь, первая пошла дальше. Абреки, растянувшись по тропе, дружно осуждая размазню Нахала, двинулись за ней. Хасан махнул, что догонит, и направился в другую сторону, куда скрылся Нахал.

Он долго петлял по лесу, оглядываясь и окликав Нахала, пока случайно не увидел его, забившегося под одинокий камень. Хасан сел рядом и обнял его. Тот рванулся было бежать, но Хасан удержал.

— Все нормально, — сказал он. — Все как надо сделал. Как мужик сделал!

— Как надо?! Я все лето тренировался! Все лето ждал! А тут... как последний... — Нахал заревел пуще прежнего, так что плечи ходуном заходили.

— Нельзя, Нахал. Нельзя подачки брать. Лучше украсть или с голоду сдохнуть, чем поднять, когда подают.

— А если я ее люблю!

— А если любишь — тем более, — сказал Хасан. — Она бы сделала, что обещала, но никогда бы тебе не простила — неужели не понимаешь?

— А Цыган?

— Она и Цыгану не простила.

Нахал понемногу успокоился, отнял руки от красных глаз, угрюмо смотрел в землю.

— Ну, пойдем, — поднялся Хасан.

— Не пойду, — мотнул головой тот, — в город лучше уеду... Как я ребятам покажусь — сбежал, как придурок...

— Так ведь ты выиграл, Нахал! Хитрушку-то ты прошел! Никто не смог, а ты прошел, и приз твой. А брать его или нет — это твое дело!.. Эх, что-то скучно живем! — крикнул Хасан. — Давно рассвет не встречали! Пойдем в ночь на Беркута — чтоб Столбы вздрогнули! Считаю, что салют в твою честь будет!

Муравьиной цепочкой, то переползая черными тенями по стене, то втягиваясь в темноту расщелин, абреки вышли на вершину Большого Беркута.

Внизу была еще ночь, а отсюда виднелась лазоревая полоса на полгоризонта, от Китая до Токмака. По другому берегу Енисея город с трудом просвечивал фонарями сквозь вязкий дым заводов, не убывающий ни днем, ни ночью.

Хасан широко огляделся, втянул горьковатый свежий воздух сквозь зубы.

— Знаешь, сколько я отсидел? — не оборачиваясь, спросил он.

— Десять лет, — откликнулся Нахал у него из-за плеча.

— Нет, Нахал. Десять дней и десять ночей... А знаешь, что такое полярная ночь, Нахал? Когда кажетя, что уже солнца никогда не будет — сломалось что-то там в природе, винтик какой-то. Ночью в петлю лезли и вены пилили, потому что надежды не было... А рассвет все выходили встречать — и хозяин, и последний говноед. Сначала охрана видела, на вышках. А уж мы на другой день... Плакали, Нахал! Мокрушники плакали... Люблю солнце...

Светало быстро, будто открывалась дверь. Абреки кончили свои дикие игры и стояли все в одну сторону, глядя на подсвеченный сзади красным горизонт. И вот из-за дальних сосен веером встали первые лучи.

— Ура-а-а!!! — грянули абреки, запрыгали, маша руками и фесками, кинулись обниматься. Цыган палил из ракетницы. Гуляш, сопя и ломая спички, все не мог поджечь изготовленный к случаю взрывпакет — наконец, запалил и метнул вниз. Ударил взрыв, эхо полетело от столба к столбу, будя избачей и кордоны.

Хасан смотрел сбоку на прыгающую со всеми вместе Дуську. Она почувствовала взгляд и обернулась, улыбаясь, — не как обычно, а радостно, по-детски, чуть смущенно за свое шенячье веселье. Вдурн напряженно прищурилась, глядя ему за спину:

— Смотри!..

Один за другим абреки замолкали и оборачивались, тревожно вглядываясь в далекий красный огонек, дрожащий в сосновых кронах, — и только Гуляш на самом карнизе еще вопил что-то навстречу солнцу.

— «Грифы» горят! — крикнул кто-то, и все как по команде, наконец, сдвинулись с места, бросились вниз, обжигая пальцы, шкуря на локтях, чтоб быстрее.

Только забытый патефон остался на вершине шипеть и шелкать сыгранной пластинкой.

Внизу уже била корабельная рында «беркутов», бежали, одеваясь на ходу, «изюбри» и «эдельвейсы», впереди мелькали на тропе косматые душегрейки «бесов».

Под Грифами уже стояли «славяне» и «Али-Баба»: стояли без движения, потому что избу не спасти было. Бревна прогорели на стыках, от избы остался скелет, в котором гулял ветер, перебрасывая длинные языки огня из стороны в сторону. С треском разлетались, сыпались сверху головешки. Раскаленная, малиново светящаяся жестяная крыша взлетела и зависла на восходящих потоках, кланяясь, как воздушный змей.

Майонез на карнизе пытался прорваться к избе, но приседал, закрываясь полой куртки от жара. Папа Док метался под скалой с пустым ведром, вращая безумными глазами:

— Воды!.. Воды!.. — грохнул с размаху ведро оземь, сел на корточки и заплакал, обхватив голову.

Изва накренилась. Толпа внизу отпрянула. Папу Дока едва успели оттащить в сторону, как сверху покатались горящие бревна. Столбисты кинулись раскатывать, гасить их, топтать занявшую траву.

Через полчаса все было кончено. От «грифской» избушки осталась куча дымящихся углей да пятно копоти над карнизом.

Майонез в прожженной куртке, с обгорелыми волосами спустился вниз, высмотрел в толпе Хасана и медленно, бочком пошел на него, издав протягивая кусок прокопченной тряпки.

— Сволочь... — дрожащим голосом сказал он. — Гад ты последний... — подскочил, пытаясь острым кулачком достать его по лицу.

— Ты что, с болта сорвался? — Хасан оттолкнул его.

Майонез бросился к «беркутам», к «эдельвейсам», суетливо совал им в руки тряпку:

— Феска! Смотрите! На карнизе нашел, у избы...

— Дай-ка, — взял обгоревшую феску Пиночет. — «Абрек»... — разобрал он след от шитья. — Вот, значит, как ты, Хасан... — недобро поднял он глаза. — Говорим, значит, одно, речи толкаем...

— Приходил, грозился! — крикнул Майонез. — «Одна изба сгорела — и ваша сгорит!»

— Бей абреков! — раздался уже боевой клич. Абреки сгрудились вокруг Хасана, хватаясь за кинжалы.

— Стой! — заорал Хасан. — Не наша — наши все подписаны! Дай! — он вырвал феску у Пиночета и повернул исподом. Всмотрелся в чернильные каракули.

— Нахал? — удивленно поднял он глаза. Все глянули на Нахала — тот стоял без фески, опустив голову.

— Твоя? — растерянно спросил Хасан.

Тот кивнул. Столбисты загудели.

— Стой! — Хасан из последних сил сдерживал разъяренную толпу. — Где потерял?

— У Дуськиной Щелки снял тогда... Вечером вернулся, все обыскал, каждый камень — нету...

— Эй, мужики! — вдруг звонко хлопнул себя в лоб один из «бесов». — Я вчера вечером из города каная через Нарым, а там Бурсакова старшая, вонючка, в феске! Ни гвоздя себе, думаю — кто это из абреков к прошмандовке этой клеится, что феску подарил!

— В Нарым! — крикнул Хасан.

Все бросились к кордону. Но это уже не те были люди, растерянные спросонья, что в тревоге вразнобой поспешили к «грифам». На кордон неслась толпа, сплоченная и заряженная ненавистью.

Бурсак в одних форменных синих штанах чистил у крыльца сапоги. Оглянулся на молчаливый топот, выронил щетку из ослабшей разом руки, кинулся было к воротам, соображая, что не успеет, и юркнул в дом. Уже ничего не надо было выяснять, все ясно было по вороватой Бурсаковой роже.

Хасан с разбегу ударил в дверь ногой. Бурсак суетился внутри, опрокидывая что-то на пол, подпирая двери.

— Выходи, Бурсак! Лучше сам выходи!

Тот лихорадочно стучал по телефонным рычагам, орал в трубку, вызывая на помощь соседние кордоны, а под стены дома уже летели охапки сена из стожки, чиркнула спичка, поплыл густой белый дым. Заголосила Бурсачиха.

Пиночет поднял во дворе чурбак и метнул в окно, высадил вместе с рамой, но едва сунулся в дом, от-

туда ударил выстрел. «Беркутиную» черную бескозырку будто сдуло с головы: а сам он сел с размаху на землю, хватаясь за взлохмаченные дробью вместе с кожей волосы.

Хасан прыгнул на подоконник и тут же толкнулся в сторону — дробь из другого патрона улетела в пустое окно. Он вырвал карабин у Бурсака, подоспели остальные, выволокли егеря из дома, отоварили несколько раз и потащили со двора.

— На столб его!

Бурсачиха кинулась было за мужем, потом обратно к дымящему дому, замахала дочерям:

— Телевизор выносите!

Бурсак ужом извивался в руках. Гуляш дал ему коленом в поддых, и он сложился. Хасан и еще трое старших столбятников затащили его на Первый, на катушку под Мясом — развалом острых иззубренных камней. Внизу собрались все Столбы — избачи и подкаменщики, и пришлые. Поодаль маялись, не решаясь вступить, подоспевшие с других кордонов егеря.

Бурсак наконец понял, что волокут его действительно на смерть, и с новой силой засучил ногами, цепляясь за все, за что можно было ухватиться. Хасан железными пальцами сдавил ему загривок и подтащил к самой кромке.

Неожиданно рядом возникла Дуська, перехватила ему руку.

— Не надо, Хасан, — сказала она, тяжело дыша.

— Бросай! — орала внизу.

— Хватит, Хасан, — негромко, твердо сказала Дуська. — Одного уже хватило. Отпусти его.

Хасан на секунду замешкался. И в это самое мгновение снизу раздался счастливый смех Нахала:

— Гляди, обоссался!

По синим штанам Бурсака и в самом деле расплывалось темное пятно. Столбы грохнули от смеха, столбятники хохотали до слез, сгибаясь пополам, тыча наверх пальцем. Хасан ослабил хватку, и Бурсак отшатнулся от обрыва.

— Счастливый ты, Бурсак, — сказал Хасан и добавил громче, чтобы слышно было внизу: — А теперь объяви всем, кто спалил «Беркутянку». Ты?

Бурсак мелко кивнул опущенной головой.

— Кто замаслил ход? Ты?

Бурсак снова кивнул.

— А теперь слушай меня внимательно, Бурсак: уходи со Столбов! Сам уходи. Здесь тебе не жить. — Хасан повернул его и дал пинка калошей.

Бурсак пошел на подрагивающих дрожащих коленях, в мокрых штанах, маленький, раздавленный, к своему горящему дому. Шел между столбистов, как сквозь строй, сопровождаемый пинками, свистом и смехом.

— Помни мою доброту, Бурсак! — весело крикнул вслед Хасан.

Бурсак обернул к нему черные от беспомощной ненависти глаза и тихо ответил:

— Запомню, Хасан.

На поляне под Грифом всюю кипела работа. Руководили Папа Дока и Майонез — сверялись с чертежами, размечали бревна, ставили риски. Столбятники махали топорами, тесали «ласточкины хвосты», пи-

лили, мешали цементный раствор. Все завалено было щепой и опилками. Солнце жарило в макушку, поэтому работали голыми по поясу, и только фески, буденовки или черные платки обозначали, чья тут потная спина маячит впереди. Поодаль абречки, «изюбрихи» и другие тетки кашеварили на одном костре. Жаждающие подбегали к ним залить в глотку раскаленного чифира.

Четверо абреков поднесли на плече новое бревно, скинули под столбом.

— Все, — сказал Гуляш, вытирая феской мокрые лицо. — Сарай разобрали. Хватит, или контору будем раскатывать?

— С запасом даже, — ответил Хасан. — А что Бурсак?

— Стой своих в город отправил. Сам сидит пока. Все егеря там собрались.

Хасан вогнал топор в чурбан, подошел к Дуське зачерпнуть чаю. Глянул по сторонам:

— Цыгана-таки нет?

— На Скитальце...

Карниз уже расчистили от головешек, отскребли с камня гарь, и несколько человек, упершись калошей в кромку, изготовились тянуть на «соплях» первое бревно для сруба. Работа внизу стала, все разогнулись посмотреть.

— Стой! Погоди! — крикнул Хасан. — Гуляш, музыку!

Гуляш кинулся к патефону. Грянула «Маша», и под свист и ликующие крики столбятников бревно рывком пошло наверх.

Уже затемно абреки вернулись на Скиталец.

Цыган сидел перед костром. Хасан сел напротив. Некоторое время они смотрели друг на друга через огонь.

— Ты слышал мой приказ, Цыган? — спросил Хасан.

— Слышал, Хасан.

— Почему же ты не пошел со всеми?

— Потому что я — абрек! — высокомерно ответил Цыган. — А ты забыл традиции абреков, Хасан! Абрек — это вольный разбойник, он может держать оружие, но никогда не возьмет в руки топор и лопату. Мы сто лет живем под этим камнем, и никогда абреки не строили себе избу! А строить «грифов», которые всегда презирали нас и плевали на нас со своего насеста, браться с вонючей «беркутой» и «эдельвейсами» — нет, Хасан! Я себя уважаю.

— Феску долой! — негромко сказал Хасан.

— Что? — приподнялся Цыган, не веря собственным ушам.

— Ты здорово ходишь на камень, Цыган, за это я тебя уважаю. Но мы не скалолазы, мы — граждане Столбов. Двенадцать лет назад я, Хасан, посвятил тебя в абреки и вручил тебе эту феску. Теперь я, Хасан, тебя ее лишаю. Я никому не имею права отказать в ночлеге, но утром ты уйдешь со Скитальца. Ищи себе избу, если кто-то тебя пустит, или живи один — Столбы большие.

— Боюсь, ты один останешься, Хасан, — насмешливо сказал Цыган. — Кто со мной? — оглядел он абреков. — Есть здесь вольные абреки? Или только быдло рабочее? Сегодня на «грифов» пашете, а завтра он вас погонит «беркутам» сортир чистить!

— Полегче, Цыган! — угрожающе сказал Гуляш. — Иди по-тихому!

— Ну что ж, значит, не по пути, — усмехнулся Цыган. Он снял феску и бросил на камень. — Пошли, — обнял он Дуську.

Та молча сбросила его руку.

— Ты-то куда выступаешь, тетка! — Цыган грубо схватил ее и тут же отскочил. Дуська держала у пояса короткий кавказский нож.

— Девочку нашел? Поиграли, и хватит. Иди, Цыган.

— Позовете еще, — Цыган плюнул и шагнул в темноту.

На Скитальце стало тихо. Абреки сидели, не глядя друг на друга.

— Чего закисло? — спросил Хасан. — Славно день прожили. Нахал, давай гитару!

Он пощипал струны, настраиваясь.

— Хасан! — окликнули его из темноты. Молоденький «беркутенок» топтался, не решаясь ступить на Скиталец. — На одно слово...

Хасан подошел.

— Пиночет Совет старших собирает в «Изюбрях», — сообщил тот вполголоса. — За тобой послали.

— Зачем? Виделись сегодня. И завтра увидимся на Грифах.

— Мне знать не положено. Все собрались уже. Тебя ждут.

— Передай — сейчас буду.

Когда Хасан, приподнявшись для приличия минут на десять, вошел в низкую прокопченную избу «изюбрей», разговор тотчас оборвался на полуслове. За длинным столом под «летучей мышью» сидели Пиночет, старший «изюбрей» Грач, Папа Док, по человеку от всех других изб. Для Хасана оставлено было одно место — чуть отодвинутый от стола чурбак, так что сел он как бы не в круг, а против остальных.

Хасан оглядел молчаливое собрание.

— Про что заседаем?

Грач выдержал паузу, достал из кармана гимнастерки красную книжицу и поставил перед собой гербом к Хасану. Тот покосился на нее:

— Мент?

— Уголовный розыск.

— В «Изюбрах» сроду ни одного приличного человека не было, — усмехнулся Хасан.

— Ты брось свои шуточки, — сказал Грач. — Не до смеха... Розыск на тебя, Хасан.

— Какой розыск? — Хасан не то чтобы дрогнул, но ссутулился, напрягся на своем чурбане.

— Какой?.. «Бежал из мест заключения особо опасный преступник», приметы — все как положено. «Принять меры к задержанию»... А ты думал какой? «Награда ищет героя»?

— Врешь, — тяжело сказал Хасан. — Я в мертвых числюсь.

— Числился. — Грач спрятал удостоверение. — До вчера... И не искали бы тебя, если б тихо здесь сидел.

— Я десять лет тихо сидел, — сказал Хасан. — Не для того бежал, чтобы по углам тыриться... Ну, чего собрались? Сдавать меня решили? — Он вы-

хватил кинжал и с размаху вогнал его в столешницу.
— Кто первый рискнет?

Все молчали, отводя глаза.

— Никто тебя сдавать не будет, — сказал Пиночет. — Сам пойдешь и сдашься.

— Что? — Хасан засмеялся даже. — Шутишь?

— Торгаши и администрация подняли большой шумер в городе, — снова заговорил Грач. — С меня могут снять погоны за это, но все-таки скажу: утром здесь будет облава. Серьезная облава, Хасан. Не наши ребята с дубинками, а два батальона «черных беретов». Они будут мести подчистую.

— Ты первый закричал, Хасан: давайте вместе, давайте соберемся, иначе не спасем Столбы! — сказал Пиночет. — Собрались, наконец — спасибо тебе... Видишь, как получается, теперь, чтобы спасти Столбы, ты должен уйти. Только ты можешь остановить облаву. Ты же понимаешь, Бурсак не упустит такого случая, всех выметут отсюда, и правых, и виноватых...

— Да ладно, короче! — процедил «бес». — Сам заварил, а нам жопу надерут! Отваливай по-хорошему!

Хасан, как большая нахохлившая птица, резко поворачивал голову к каждому говорящему.

— Заткнись! — оборвал «беса» Грач. — Раньше, чем мы встанем из-за этого стола, Хасан, ты должен дать слово, что до рассвета уйдешь — но не в бега опять, а в город сдаваться.

— Не пойму, чего ты вообще сорвался? — пожал плечами Папа Док. — Год всего остался...

— Год всего? — сдавленным шепотом спросил Хасан. — Всего год? Да ты знаешь, ученый, что такое — год? Тебе рассказать, что такое — один год там? Ты знаешь, что есть такой день, когда — все! или бежать, или вены грызть! — даже если месяц остался, а ты — год? Ты знаешь, что я десять лет там выжил только потому, что про Столбы мечтал, про каждый камешек! Нет, ученый, я обратно не хочу, я живым не дамся, мне отсюда идти некуда! Это для тебя — год всего, а для меня там — триста шестьдесят пять дней, один за другим! Заседайте, граждане менты и ученые, без меня! Приятно побеседовать! — Хасан встал.

— Да чего с ним разговоры говорить! — крикнул «бес». — Свяжем его и отнесем тепленького!

Хасан вырвал из стола кинжал и повернулся к нему. Все вскочили из-за стола. Хасан исподлобья оглядел каждого по кругу и шагнул к двери.

— Хасан, — негромко сказал высохший, с проваленными щеками и глазами старик из «Музеянки», тихо сидевший до того в дальнем углу, за неярким кругом света «летучей мыши». — Нас ведь немного осталось, кто прежние Столбы помнит. Даже в Совете вот — сколько, пятеро?... А кто не вас, мелочь зеленую, а самого Скитальца, Али-бабу, Беркута видел — так я один, наверное... Я восемь лет в ГУЛАГе оставил, Хасан. Потом ушел на пересылке, сюда вернулся, сидел на камне до самой смерти Усатого, до амнистии. Я-то тебя понимаю... Но если не уйдешь сейчас — не о чем будет мечтать, Хасан, не будет Столбов, одни камни останутся... Подумай, Хасан...

Хасан остановился на его негромкий голос и молча выслушал.

— Когда облава, Грач? — спросил он.

— В пять.

— Слово абрека, — сказал Хасан и вышел.

Отойдя от «Изюбрей» в темноту, Хасан остановился, сгорбился. Достал папиросы. За спиной раздались шаги, он опять схватился за кинжал, но из-за деревьев вышла Дуська, Нахал и еще человек пять абреков.

— Что? — недовольно спросил Хасан. — Все нормально, идите.

Абреки ушли, только Нахал и Дуська остались перед ним.

— Я сказал: один хочу быть!

— О чем говорили, Хасан? — спросила Дуська.

— Не твоего ума дело, — он двинулся было мимо, но Дуська заступила дорогу.

— Уходишь, Хасан?

— Что? С чего ты взяла?

— Не знаю, — Дуська пристально смотрела на него. — Чувствую.

Хасан сел на камни, закурил.

— Розыск на меня.

— Так ты... — пораженный, начал Нахал.

— В бегах, — кивнул Хасан. Помолчал, тоскливо глядя куда-то в темноту. — Знают они там свою службу, сволочи... Десять лет отрубил — ни блатным, ни хозяину не кланялся. За это авторитет имел. И тут вдруг хозяин суетиться стал, досрочное для меня хлопотать. Вот тут я и сломался: начал дни считать. А когда время бумаги отправлять — вызвал меня и стал агитировать постучать, пока досиживаю. Я его послал, красиво, с оборотами. Досрочка накрылась... А когда дни начнешь считать — уже все, обратно на года не пересчитаешь. Да ночь впереди до весны... У нас в рабочей зоне с трех сторон охрана, а с четвертой — отрицаловка метров на шестьдесят. Туда, месяц как, одного стукача сбросили. Никому и в голову не зайдет, что можно живым спуститься... Я инструмент на краю оставил, а ватник вниз бросил, на перекат: вроде как труп по камням размазало, а что осталось — вода унесла. А сам на пальцах висел под сапогами у хозяина, когда он обсуждал: сам я бросился или помогли... Даже искать не стали, кто возиться будет, проще акт подмахнуть... Так что вчера я еще трупом был, а сегодня воскрес, когда Бурсак шум поднял. Пошла крутиться машина. Облава завтра...

— Так бежать надо, Хасан! — сказал Нахал.

— И бежать не могу — всех подставляю... Ладно, есть еще время жить. Пошли!

На Скитальце было сонное царство. Абреки спали наверху, укрывшись кто чем, фески и кинжалы лежали у изголовья. Костер догорал, между углями быстро пробежали последние прозрачные языки огня, их неровный свет достигал только краев камня, и снова казалось, что Скиталец парит в темноте над землей.

Хасан бесшумно ходил по камню, переступая через абреков, вглядываясь в безмятежные спящие лица.

— Отрубились, хоть вместе с камнем их грузи, — проворчал он.

— Поднять? — спросил Нахал.

— Тихо! — махнул на него Хасан. Последний раз огляделся и сказал: — Пойду. Перед смертью не надыйшешься... Нахал, передашь завтра, что и почему. Скажешь, через год вернусь. И смотри, чтобы тогда опять мне все с начала не начинать!..

На Галиной площадке он вынул камень, запирающий тайник, достал свою гражданскую одежду. Бросил комом и сел над обрывом, глядя в темное море сосен и серые верхушки столбов, отражающие лунный свет.

— Чего тебе? — не оборачиваясь, спросил он.

Дуська вышла из-за камня у него за спиной и тихо села рядом на коленки.

— Всего-то неделю и прожил, как человек... — сказал он.

Дуська, уже не сдерживаясь, всхлипнула, прижалась к нему лицом. Хасан растерянно, неумело погладил ее по легким льняным волосам.

— Целая неделя была, — плакала Дуська. — Десять лет ждала: вот вернется Хасан, и все по-другому будет, и я буду другая... Каждый день думала, как сказку на ночь: Хасан самый сильный, Хасан самый умный, он все про меня поймет... А ты не понял ни черта, что я только тебя любила, и когда девчонкой была, и все это время. А как тебя увидела, снова испугалась — кто я такая, оттолкнешь и не заметишь. Подойти боялась без комедии. А теперь не отпущу, не толкай — не оторвешь, — она торопливо целовала его.

Хасан беспомощно сопротивлялся:

— Погоди... Я же сейчас хуже пацана, от позора же помру...

— Я тебя заново учить буду.

— Погоди, — из последних сил сопротивлялся Хасан. — До рассвета надо уйти...

— Далеко еще... Успеем... — Дуська склонилась над ним белое в лунном свете лицо.

Хасан не спал совсем — только коснулся усталой головой брошенной на камень развилки и тут же снова открыл глаза, но уже солнце стояло над Столбами, утреннее, еще холодное, наискось пробивающее хвою острыми лучами. Но не от солнца проснулся Хасан: в гулкой росистой тишине Столбов ему почудился чужой, но знакомый и страшный звук — где-то лаяли собаки. Не цепные сторожа кордонов и не дворняги-пустобрехи избачей — где-то задыхались в тугих ошейниках, давясь слюной и злобой, овчарки, волокущие за собой на поводке конвоиров.

Донеслись крики и команды, грохнул автоматный выстрел, и тотчас, покрывая собачий лай, залаял мегафон, давясь собственным эхом — только последнее слово «Стоять!» отчетливо докатилось сюда.

Дуська тоже проснулась и села, шуря от солнца припухшие глаза.

Хасан подхватил корону и, заматывая на ходу кушак, полез выше на столб. Оглянувшись с высоты и увидел сквозь клубящуюся хвою неровную цепь «черных беретов» с автоматами наперевес, проводников с собаками и егерей в синих форменках, которые указывали дорогу. В любую сторону, в каждом просвете между сосен мелькали деловитые зеленые человечки с пчелиными жалами автоматных стволов.

Хасан не видел отсюда, как из окруженных «Изобрет» выбрасывают солдаты полуодетых столбятников и расставляют лицом к стене с руками за голову, не видел, как бросился Пиночет на офицера и сломался пополам о приклад в поддых, как сцепились врукопашную с «черными беретами» «бесы». Не видел, как валится с обрубленными растяжками шатер «Али-бабы», и под опавшим брезентом ползают, перекатываясь друг через друга, перепуганные пацаны и выскакивают прямо в руки солдат, как смеху ради шугают собаками мирных «музейн», как ведут под конвоем пленных столбятников к тяжелым крытым фургонам у Чертовой кухни, как торопливо опутывают егеря осиротевшие избы плетеным тросом, и трактор, приседая от натуги, растаскивает их по бревнышку. Всего этого не мог видеть Хасан, но по обстоятельной, хозяйской неторопливости облавы понял, что это конец вольных Столбов.

— Оpozдал! — отчаянно крикнул Хасан. — Оpozдал!

Обдирая в кровь пальцы, он соскользнул вниз. Дуська схватила его за руку:

— Бежим! — она тянула его от облавы. — Все равно ничего не исправишь! Никому ничего не будет, всех отпустят, они же только тебя ищут! Идем, пожалуйста! — плакала Дуська. — По рассохе вниз — там не догонят! Спрячемся в городе — так легко, там никто не знает. Бежим, Хасан!

Хасан остановился в растерянности, оглядываясь на Скиталец, и в этот миг оттуда бухнул гулкой, как пушечный, выстрел из обреза. Шум облавы на мгновение смолк, будто все Столбы обернулись туда. Но гавкнул мегафон, по команде загрохотали очередями автоматы, а в ответ нестройно ударили обрезы абреков.

— Их же перебьют всех! — Хасан бросился к стоянке.

Над головой у него взвизгнули пули, в лицо остро плеснула расщепленная кора. Хасан, пригибаясь за камнями, перебежками вышел к Скитальцу сзади.

Отсюда хорошо видна была цепь солдат — они не ждали отпора, кое-как залегли метрах в ста под стоянкой в редких кустах, за деревьями, за корнями сосен, но все равно были как на ладони у абреков, которые засели в расщелинах больших камней вокруг Скитальца, как на крепостном валу, и сверху поливали солдат картечью. Те били длинными очередями, не видя толком противника — фонтаны стреляных гильз летели в воздух, посверкивая на солнце, а откуда-то из глубины лаял мегафон: «Вторая рота — обходи!» Две спущенные с поводка собаки рванулись вверх, прыгая по камням, как по ступенькам. Тотчас вокруг них плеснула картечная рябь, и обе, визжа, покатались вниз. На Скитальце привстал Цыган, широко махнул рукой — и навстречу солдатам поскакала с металлическим стуком граната. Ухнул взрыв, зазвенели по камням осколки, и тут же налетело, оглушило эхо от Второго.

Трупов еще, кажется, не было, но «черные береты» уже оттащивали под руки раненого. Наложив в штаны поначалу, они теперь все отходили назад и растягивались, чтобы охватить Скиталец вместе со Вторым столбом. Стрелять стали реже, и Хасан перемахнул через открытое пространство к Скитальцу.

Абреки стояли на коленях у своих бойниц, выставив наружу обрезы, рядом в фесках лежали поделенные перед боем патроны. Гуляш сидел, привалившись спиной к камню, держась двумя руками за голову, из-под пальцев текла на лицо кровь.

— Кончай пальбу! — заорал Хасан.

Абреки оторвались от прикладов и обернулись к нему. Хасан вырвал у одного обрез и швырнул через камни вниз.

— В войну играем? Или жить кому-то наскучило? Герои, твою мать! Бросай обрезы!

Абреки молча перевели глаза с него на поднявшегося из своего укрытия Цыгана.

— Ты все сказал? — тихо спросил Цыган. В руке у него был морской парабеллум с полуметровым голым стволом. — А теперь вали отсюда, папаша, пока я тебя на месте не кончил!

— Я же приказал утопить все оружие, — с ненавистью глядя на него сказал Хасан.

— А ты кто такой, чтобы приказывать? Как речи толкать или песенки петь — это ты главный, а как делом запахло — очко заиграло? Так это ты ошибся, папаша, ты с пионерами песни пой, а мы — абреки! Абреки живыми не сдаются — так, ребята? — обвел он горящими глазами абреков. — Ну, давай, беги — трусцой от инфаркта. Считаю до трех: раз... — Цыган поднял пистолет. — Два...

Над самой головой у них веером махнула автоматная очередь, оба пригнулись, и тут же Хасан перехватил длинный ствол парабеллума и всем весом ударил Цыгана лбом в лицо. Пуля ушла в небо, пистолет отлетел в сторону. Цыган рухнул навзничь, закрывшись руками, медленно, со стоном перевернулся, подтянув под себя колени — и вдруг подсек Хасана ногами и прыгнул, пытаясь дотянуться до пистолета. Они сцепились и покатались по земле. Абреки толпились вокруг, растерянно глядя то на них, то вниз за камни, откуда приближались осмелевшие «черные береты».

Цыган был моложе и сильнее, он пролез пятерней к его горлу и впился пальцами. Сквозь багровые вспышки в глазах Хасан видел у самого лица его победный оскал. Вдруг Цыган дернулся и безвольно упал головой ему на грудь — это Дуська подхватила пистолет за ствол и махнула тяжелой рукояткой, как мотыгой.

Хасан сбросил с себя обмякшего врага и поднялся на нетвердых ногах.

— Бежим! — Дуська отшвырнула пистолет. — Бежим, Хасан, еще успеет.

Хасан оглядел абреков. Те по-прежнему стояли вокруг, сжимая опущенные обрезы, отводя глаза. Хасан поднял с земли корону, отряхнул о колено и надел.

— Куда ж я со Столбов, — сказал он. — Других нет.

Он запрыгнул на Скиталец и встал в рост на виду у солдат, подняв руку. Кто-то снизу выстрелил по инерции, пули свистнули рядом, но Хасан не шелухнулся.

— Не стрелять! — пролаял мегафон.

— Эй, начальник! — крикнул Хасан, отыскивая глазами офицера с матюгальником, рядом с которым поспешал торжествующий Бурсак. — Перед тем, как

вертеть еще одну дырку на погонах за эту победу — напиши, а потом повтори на суде, что это я, Хасан, раздал им оружие, и только я отвечаю за вашу кровь! А сейчас они добровольно сдадут оружие!

Он обернулся к абрекам и сказал:

— Это мой последний приказ.

Нахал первый встал рядом с ним и бросил вниз обрез. Следом один за другим побросали остальные.

Солдаты, все еще настороженно держа абреков на мушке, обтекали Скиталец с двух сторон.

— Эй, папаша! Руки за голову — и по одному вниз! А ты — на месте! — пролаял офицер.

— А за мной побегаешь маленько! — засмеялся Хасан. — Твое дело догонять, овчарка ментовская! — Он повернулся и не торопясь пошел ко Второму.

— Стой! Стрелять буду!

Хасан не обернулся.

Ударил два предупредительных выстрела в воздух, — он подошел к каменной стене, глянул на уходящую в бесконечность вершину и легко, красиво двинул вверх, ни на мгновение не задерживаясь на месте, будто плыл по вертикали.

Чужие голоса остались внизу. Хасан слышал только свое дыхание, отраженное от камня, скрип калош и шум сосен. Он поднялся на Свободу, просторный карниз, где сто лет назад написаны были и каждую весну обводились громадные буквы «СВОБОДА» — и выше подниматься не стал: оттуда его было бы плохо слышно. Он глянул вниз — солдаты и абреки толпились у столба, задрал к нему лица.

— Спускайся, не дури! — сказал мегафон. — Заповедник оцеплен.

— Давай ты сюда! — поманил его Хасан. — Я уже одного научил летать десять лет назад!

— Не тяни время, Хасан! — раздраженно сказал начальник. — Побегал и хватит. Вызовем скалолазов — снимем силой!

— Да пускай сидит, — радостно крикнул Бурсак. — Жрать захочет — слезет! Или жить там будешь, Хасан, гнездо совьешь? Голубку твою к тебе подсадим! — указал он на Дуську.

Солдаты захохотали.

Но Хасан не собирался долго торчать на камне, растягивая радость врагу.

— Слушай, Бурсак! — закричал он, наклонившись над обрывом. — Ты двадцать лет прожил на Столбах и еще двадцать проживешь! Но тебя забудут даже собственные дети на следующее утро после того, как ты сдохнешь, и никогда — слышишь, Бурсак! — никогда твое имя не напишут вот здесь! — он ударил ладонью по теплому мшистому камню.

Потом снял корону и отыскал глазами Нахала.

— Держи, Нахал! — крикнул он. — Ты еще молодой, но это пройдет. Назначаю тебя новым королем абреков. Носи, а после себя передай достойному! — Он бросил корону, та полетела вниз, зависая и качаясь из стороны в сторону, как багряный осенний лист.

Корона упала поодаль, ее подняли солдаты. Нахал кинулся за короной, его оттолкнули прикладом.

— Отдайте, черт с ним, — сказал офицер.

— А это тебе для отчета, начальник! — Хасан сломал о камень кинжал и тоже бросил вниз. — Дуська, не думай про меня, но не забывай!

— Кончай спектакль! — крикнул офицер.

— Не торопись, уже скоро! — весело ответил Хасан. Он подумал, что, действительно, пора кончать, что всеми этими речами он просто позорно тянет время — и чуть шагнул вперед, наступив на кромку.

— Не надо, Хасан! — закричала Дуська. — Я буду ждать тебя, не надо! Я буду ждать! — Она рвалась к столбу, двое солдат повисли на ней.

— Эй, стой! Не дури! — испуганно ахнул мегафон.

Хасан оглядел зеленые волны сосновых верхушек и серые камни столбов. И еще дальше посмотрел Хасан, на неровный горизонт. Он удивленно подумал, что мир огромен, а его жизнь почему-то заперта на этом крошечном пятчке, окруженном солдатами, и не может он перемахнуть куда-нибудь туда, в бесконечное зеленое пространство, где никого нет, где ти-

хо, и только первые тяжелые капли дождя пробивают хвою и исчезают в траве.

Две равновеликие силы владели им всю жизнь на Столбах, тянули в разные стороны: одна — непонятная, необъяснимая — завораживала и мягко манила вниз, в пустоту, другая — грубая, живая, горячо пульсирующая где-то под ребрами — властно прижимала его к камню. Впервые Хасан оторвался от спасательного камня и сам качнулся навстречу звенящей пустоте.

— Назовите это — Большой Прыжок Хасана! — весело крикнул он. — Хотел бы я посмотреть, кто сможет повторить!

Он изо всех сил толкнулся от карниза и прижал к себе руки, чтобы в последний момент не цепляться за жизнь, чтобы запомнилось красиво.

Вы расстались с героями повести Ю.Короткова «Абрекь»... Для тех, кого это расставание огорчило, рады сообщить: через несколько месяцев в центре детского и юношеского кино Р. Быкова режиссер Е. Цыплакова начинает съемки фильма по повести «Абрекь». Полюбившиеся герои придут к вам с киноэкрана.

И еще: отдел прозы предполагает в конце этого — в начале следующего года опубликовать новую киноповесть Юрия Короткова «Дикая любовь». Американская девочка, приехавшая в Росеию... Впрочем, терпение!..

В 9 номере «Уральского следопыта» за 1992 год
было опубликовано мое обращение к читателям.

И вот пришли первые письма.

Я счастлив, что эта тихая тема вызвала такой живой читательский отклик,
хотя, казалось бы, наше смутное время живет другими страстями.

Так, гадую, и должно быть, ведь первая любовь — самое светлое и самое лучшее из того,
что доводится пережить человеку.

Нет необходимости что либо добавлять или комментировать эти письма.

Хорошо, если они не будут последними.

Андрей АНЧУГОВ

Пока жив человек...

Мне 68 лет. Пусть молодые смеются: вспомнила бабка, как девушкой была! А, действительно, помнится. И не только мне.

Как-то сидели у свата нашего. Зять его и спросил: «Папаша, сколько может держаться в сердце любовь». Сват ответил: «Пока жив человек! Вот возьми Ефросинью. Уже старики были, лежат на печи со стариком своим, а мимо окон Агафон с бочкой проехал. Ефросинья и скажи: «Дед, а я ведь так до сих пор Агафешку люблю». Ну, дед ей и показал «люблю». Сын зашел, мать плачет: «Отец за Агафона побил». У того глаза на лоб: «Вы что, сдурели. Какая может быть в ваши годы любовь и ревность?»

Вот теперь начну про себя. Хочу рассказать, как можно потерять любовь из-за людской глупости.

В нашем селе была семилетка. Осенью в школу приехало четыре молодых учителя. Один из них, самый серьезный, стал за мной ухаживать — мне было семнадцать. Весной он предложил руку и сердце — я согласилась. Любила ли я его? Нет, этого не было. А уважать очень сильно уважала — он такой рассудительный, образованный. А я что — деревенская простушка.

15 июня он уехал за родителями — в деревне положено, чтобы старшие сватали девушку. Вскоре, как-то вечером, вся молодежь собралась в саду: гармошка, балалайка, пляски, песни. Разошлись на рассвете. Только мы с сестрой стали засыпать

— на улице крики, вой, плач. Утром мама разбудила нас: «Началась война». Я зашла на кухню и перекрестилась: «Слава тебе, господи. Раз война — замуж не надо выходить». Вот представляете, сколько ума тогда было?

Через две недели он приехал. Один, родители не смогли. Говорит: «Лиза, на твое усмотрение. Я предлагаю завтра пойти и зарегистрироваться». Ну, а у меня отговорка: «Да ты что, война ведь, какая тут свадьба...» Через месяц его взяли в армию, на прощанье сказал: «Оставляю тебя невестой. Жди». Я ответила, что буду ждать.

Письма присылал часто. Отвечала почти на каждое. Но про себя твердо решила: замуж за него не пойду. Переписку же обрывать нельзя, это я понимала, пусть воюет спокойно.

В селе появились эвакуированные, среди них парнишка с зелеными глазами. Полюбили мы с ним крепко, нежно. Известно, как в деревне: сидим на завалинке до третьих петухов. Про жениха он, конечно, знал, и про нашу с ним переписку тоже. Я ничего не скрыла от любимого.

Вот теперь немного отступления: почта от нас была в пяти километрах, работала там моя сверстница, Дуся. Смотрю как-то — на столе у нее лежит общая тетрадь, думаю, альбом со стихами — мода была такая. Я машинально листаю, что-то ужасно знакомое. Батюшки — да это же переписаны все мои письма к жениху! Я к Дусье, та созналась: «Мне самой ни в жисть такие не написать, я переписываю да от себя другим посылаю, ты уж не обижайся».

Через год моего суженого забра-

ли в армию. Горько расставались, с плачем. И опять: «Лиза, ты меня жди». Буду ждать, отвечаю, но ты ведь знаешь, что я связана словом с женихом. Дождусь его — возьму слово обратно. И снова пошли ко мне письма с фронта. Год, второй. Пишет как-то мне любимый: «В следующем письме пришлю фотокарточку. Но только я стал очень страшный. Ты как увидишь, наверное, больше и знаться со мной не захочешь». И вот я жду, жду карточки — а ее все нет и нет. Ни карточки и ни одного письма больше. Написала ему: «Что молчишь», — нет ответа. Я, конечно, обиделась: не хочешь, ну и ладно, не буду навязываться. Деревенская гордость загворила во мне.

Спустя несколько месяцев зашла к Дусье. Мать ее попросила меня отыскать одну вещь, уж не помню, какую именно. Всю избу мы с ней обшарили. Попался на глаза сундучок. Я его открыла и остолбенела: половина сундука заполнена фотокарточками! На обороте каждой что-то написано — на русском, татарском языке.

Надо же быть такой подлячкой, что в эти страшные годы вытаскивать чужие карточки из писем. Может, это были последние весточки от убитых отцов, сыновей. Может, и от моего суженого карточка затерялась в этом поганом сундучке. Я хлестнула Дуську по морде и навсегда забыла дорогу к этому дому.

С женихом я вскоре порвала. Вышла замуж — не по любви. Так и прожила — ни нашим, ни вашим.

Е.А.К., Татария

P. S. «Как только раскрываю журнал, первым делом смотрю: здесь Виктор Астафьев? Это самый мой любимый писатель — на веки вечные. И родились-то мы с ним в одно время: я 6-го мая 24-го года. И я так рада, что мой ровесник стал моим любимым писателем. Его книги в моем сердце. А когда бывает особенно тяжело на душе, я беру его «Последний поклон», это же и мое детство! Читаю и плачу, и на сердце становится легче.

Слава Богу, что на свете есть такие люди, как Виктор Петрович. Защитники и заступники за людей. А себя они защитить не всегда могут. Дай Бог ему здоровья».

Девочка за одной партой

Объявленная вами тема заставила шевельнуться огрубевшее от повседневных проблем сердце. Я вспомнил эпизод в моей жизни, который считаю лучшим из тех лет, которые я прожил на этом свете.

Это было в классе 5-ом. Я, как и все ребята нашего класса, был шептун и считал, что весь мир создан только для одной цели — чтобы мне было хорошо. В моем классе училась девочка Наташа. До определенного момента я вообще ее не замечал, как, впрочем, и ни какую другую девочку. Хотя в мечтах видел некую девочку, с которой дружил и чувствовал с ней себя настоящим мужчиной. Но это только в мечтах.

Но вдруг Наташа передала мне через свою подружку, что хочет со мной дружить. Новость была сногшибательной, и очень мне тогда польстило, что я нравлюсь девочкам. Но я притворился, будто не понимаю, о чем речь.

Я стал приглядываться к ней. Я видел, что она хорошенькая, мне хотелось подойти к ней и поговорить о чем-нибудь. Потом стал видеть ее в снах. В моих мечтах на место не-реальной девочки я уже ставил На-

ташу. Мой строптивый дух только хмыкал презрительно на эти тайные для самого меня проявления чувства. А, может, это была робость, в которой всегда трудно признаться.

Когда она входила в класс, постукивая маленькими каблучками, все во мне замирало и я застывал, глядя на нее. Но стоило нашим взглядам встретиться, как я сразу опускал глаза. Ребята все замечали и посмеивались. Однажды я увидел настенную надпись: наши фамилии, между которыми стоял плюс, а после знака равенства слово «любовь». Я стер эту надпись. А ребятам стал врать, что мне на всех девочек наплевать, а на нее в особенности.

Между тем, Наташу стали замечать другие ребята. Да и время наше уже подходило — возраст был такой: похаживали на дискотеки, гуляли парочками.

И вдруг я услышал от одноклассника: «Эта Наташа, — просто класс». Парень хвастал, что они подловили ее в подъезде, пятеро каких-то гадов, затащили в сарай, где у них была оборудована своя комната. Я понял так, что ничего страшного они не сотворили, а довольствовались внешними прелестями.

Боже, как мне стало обидно! Я готов был заплакать, разнести все в пух и прах. Такая тоска схватила за горло, весь день я страдал и все думал, как я теперь смогу смотреть ей в глаза. Она зашла в класс как обычно. Мне пришла ужасная мысль: а вдруг ей тоже было приятно?.. Когда начался урок, я не выдержал и сказал со злорадством: «Ну что, вчера вечером те пятеро тебя удовлетворили?!». Она посмотрела на меня с болью, заплакала и выбежала из класса.

Я сидел истуканом за партой. Да, сейчас я понимаю, что был полным идиотом.

Однажды вечером я повстречал ее. Она шла с тренировки домой. Я решил действовать во что бы то ни стало и схватил ее за руку. Она хотела вырваться, но я облапил. Вдруг набежали откуда-то ребята и стали гоготать. Она вырвалась и сказала мне что-то, я уже точно не помню, но от этих слов я почувствовал себя жалким червяком, негодяем, и вооб-

ще мне захотелось провалиться сквозь землю.

Потом она вообще перестала смотреть в мою сторону, и я не решился даже заговорить. Ее холодная усмешка ставила меня на место.

...Когда происходили все эти события, я не думал, что это за чувства и влечения. И только года три спустя я понял, что это и была моя первая любовь, несчастная и счастливая.

Сергей, 18 лет.

Я писал ей СТИХИ...

Вот уже 15 лет я постоянный читатель и подписчик «Уральского следопыта». Уехав в 1980 году из Новосибирска после окончания института, я до сих пор считаю себя сибиряком и сохраняю верность и любовь к Сибири, где прошли лучшие мои годы. За эту же верность к нашим краям я люблю «УС».

Ваше обращение разбредило душу. И правда, почему не доверить иногда человеку, с которым ты никогда не встретишься, то, что у тебя в сердце и в памяти, от чего и грустно и радостно. Это ведь как дорожный разговор в поезде — излил душу и — полегчало...

Я свято верю в любовь, как движущую силу мироздания. Скрепленные ею, мы можем творить чудеса. На всю жизнь остаются с нами воспоминания о сияющих глазах, и снова стучит в висках, и сохнет во рту, и дрожат руки и ноги, как при первой встрече.

Я писал ей стихи... Писал весело и трудно. Вскakiвая по ночам, чтобы не забыть приснившуюся строчку...

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

«София» над Днепром,
«Исакий» над Невою, —
Два города прекраснейших,
Где были мы с тобой.

Крещатика стрела,
Сады Петродворца —
Бродить бы вновь и вновь,
И счастью нет конца.
И пусть навек замрут
Все стрелки на часах,
И лишь рука в руке,
И свет в твоих глазах.

* * *

Как часто мы не замечаем
Той прелести, что возле нас.
Но вдруг, как вспышка,
ослепляет
Сияние бездонных глаз!
Как быть, узнавши в одночасье,
Что рядом столько лет жила.
Мечта всей жизни,
радость, счастье
С глазами, полными тепла...

*Рудников, пос. Тучковой
Московской обл.*

Вот
такой
я
был
тогда...

В тот весенний день — апрель сорок пятого — я шел в техникум. Сияло солнце, набухали почки, и от всего этого, а еще, наверно, от того, что на исходе война, от которой мы все устали, было легко и радостно на душе. Поднявшись по ступеням, я открыл входную дверь и переступил порог. Слева у входа было огромное окно с широким подоконником. На этом подоконнике сидели девочки и над чем-то беззаботно смеялись. Я мельком глянул на них и... вздрогнул, как от удара током. В одно мгновение был покорен одной из них — вмиг и навсегда.

В техникуме нас училось всего 270 человек, и за два прошедших года, конечно же, она попадалась на глаза не один раз. Но нужно было какое-то озарение, чтобы ее облик мог поразить так сильно, что надолго выбил меня из колеи.

До сих пор я не с одной девушкой не дружил, а было мне в ту пору 17 лет. С женским полом я был робок и не думал, что осмеюсь ког-

да-нибудь даже заговорить. «Как подойти к ней?» — со страхом думал я. И надумал. Написал ей письмо, где признавался в желании с ней познакомиться, но сообщил, что из-за своей робости не смею к ней подойти первым и... пускай она сама подойдет ко мне.

Надо же было сморозить такое, но я сморозил. И в те дни ходил как одурелый. Это сейчас я сознаю, что письмо мое было бестактным, но тогда... Она ответила, назначила место свидания. Она пришла, а я... я постыдно сбежал; едва увидел ее... Вот такой я был тогда.

Все же знакомство состоялось. Было открытие летнего парка, играла музыка, гуляла молодежь. И я, крадучись, тенью скользил мимо влюбленных пар, боясь, как ни странно, встретиться с Ней. И совершенно неожиданно наткнулся на группу девушек, шедших по аллее, среди них была ОНА. Подружки, видимо, уже посвященные, в мгновение исчезли, и мы остались одни.

Вот так это было. А потом ничего не было. Я проводил ее до дома, узнал, как зовут — и все. Я раскланивался при встрече, но предложить продолжить знакомство не решался. Так в моей жизни она и прошла мимо.

А помню я ее до сих пор. У нее был европейский тип лица, маленький прямой нос и серпиком алые губы. Невысокая, стройная, она казалась божеством. И, когда я провожал ее в тот вечер из парка, я сдерживал дыхание, словно боялся, что от неровного моего шага она исчезнет и растворится в вечерних сумерках. И тут неожиданно ей под ноги попала пустая консервная банка, которую она нечаянно задела носком туфли. Банка со звоном откатилась прочь. Я внутренне содрогнулся, не в силах в ту минуту соединить божественность. До сих пор у меня в ушах стоит глухой звук банки в пустынной тишине улицы.

Благодарю журнал за предложение поделиться воспоминаниями. Вы позволили мне вернуться на несколько минут в юность и дали возможность еще раз пережить сильное чувство, которое когда-то посетило меня.

*С уважением П.,
Екатеринбург.*

Любовь не бывает второй или третьей

Первая любовь для меня — это яркая вспышка улыбки и теплые синие глаза, шелк кудрей и легкая хрипотца в голосе... Первая любовь для меня — это высокий, стройный парень из 9 класса, на которого я, «гадкий утенок» — пятиклашка, могла только любоваться да украдкой вздыхать...

Я долго не знала, кто он, как его зовут, а когда узнала, то не решилась выдать подругам свою тайну. Ни стихов в тетрадке я им не показывала, ни боль свою не доверяла.

Когда он окончил школу, я была как в бреду, что больше не смогу видеть его каждый день. Когда он ушел в армию, я осталась ждать, хотя меня никто не просил. Я ждала два года, и, наконец, наступил день 4 ноября 1984, года когда он вернулся. Вернувшись из армии, зашел в родную школу. И снова, как во сне, я прошла до учительской, где стоял он в окружении ребят, отметила отросшие завитки волос и возмужавшее лицо. Урок физики для меня был безвозвратно потерян.

Он стал дружить с девушкой, и я знала об этом, но моя печаль была не злой и острой, а щемящей и светлой. Больше всего на свете я желала ему добра.

Он уже давно женат, у него двое детей, он счастлив. И я тоже счастлива, потому что для меня высшая награда и радость, — знать, что ему хорошо.

Мне уже 25 лет. Я так и не встретила человека, который мог бы мне заменить светлого и ненаглядного моего. За прошедшие двенадцать с лишним лет я поняла только одно — любовь не бывает несчастной, даже если она безответна. Любовь не бывает второй или третьей, она бывает только первой и единственной.

*Галина Кулышева,
с. Евантьево Омской обл.*

Не хватило ума и терпения

Никогда я не писала, да еще о своей первой любви... В наши годы, а мне и моей первой любви по 54 года, казалось бы, и вспоминать-то не стоит. Но нет... Всю свою жизнь я разговариваю, доказываю, высказываю свои обиды, конечно, в уме — Ему. Готовлю пироги, одеваюсь в нарядное платье, а сама думаю: «А как бы на меня посмотрел он, похвалил или бы вместе порадовались».

Было это очень давно. Я училась в школе, он работал. Учились мы всегда во вторую смену. У школы встречали всегда наши мальчишки, в кармане для нас кусок хлеба держали, тогда не было в школе обедов, и мы всегда страшно хотели есть. У моих подруг у всех были отцы, а мы с ним безотцовщина, на войне остались наши отцы... Одеть нечего, лишний раз в кино сходить не было денег. Мы это друг от друга не скрывали, нам и вдвоем было хорошо. Разлучались часто, самое время встречаться летом, а он уезжал на работу в лес на заготовку живицы, — так все лето и были врозь.

Три года нашей любви пролетели, и проводила я его в армию. Два года писала ему каждый день, он потом говорил, что ребята удивлялись, завидовали. Пошел третий год, пришел он в отпуск. И я заметила, вроде бы не с таким трепетом ко мне относится. Ну, конечно, деревня есть деревня, все на виду: мать его меня недолюбливала, просто ревновала, как некоторые матери — видать, кое-что было сказано... Отпуск прошел, уехал он, а я задумалась: через год он может совсем меня забыть!.. И я его предала, стала встречаться с ребятами, за три месяца до его демобилизации я вышла замуж.

Он вернулся домой, звал уехать, но опять же я боялась сельских пе-

ресудов, да и беременная уже была. Он уехал и женился на первой встречной.

Жизнь я изломала и себе и ему. Я живу плохо, он еще хуже, но всю жизнь живем ради детей: у него трое девочек, у меня два сына. Я его не видела 24 года, несмотря на то, что живет в 100 км от меня.

Но всю жизнь я думаю о нем, вспоминаю наши молодые годы, нашу юность и очень сожалею, что не хватило ума и терпения дождаться его из армии. Вся жизнь прошла наперекосок. И виновата во всем я сама.

*Галина,
Челябинская обл.*

Два танца и три года безумия

Первая любовь? Я знаю, я помню. Мы с ним учились в параллельных классах. Помню, как впервые увидела Его. Я сидела на подоконнике, а Он стоял недалеко с нашими парнями: нога небрежно постукивает об пол. Челка на бок, на лице — только Его улыбка...

Дело было весной, стоял выбор — либо идти в 9-ый, либо уходить из школы. Узнала, что будем учиться вместе с Ним в одном классе — и все проблемы отпали. 1-го сентября я ждала, как праздника.

Но из другой школы к нам в класс перевелись еще девчонки, и среди них та, которая ему понравилась — Лена. Я для него была одноклассницей, и только. Что было — слезы, стихи, конфликты!.. Он прекрасно знал, он все знал, но ни разу не показал вида. За это ему спасибо.

Так длилось 2 года, весь девятый и десятый. На каникулах, когда я его не видела, я думала, что все прошло. Но стоило прийти в школу, увидеть его улыбку и... В его присутствии я не могла сказать ни сло-

ва, его взгляд гипнотизировал меня, и слова замирали на языке.

Но однажды я была счастлива, когда на моем 16-летию он пригласил меня танцевать. Пусть только из вежливости — но это было счастье!

В десятом я по-прежнему видела его с Леной, а он по-прежнему знал о моих чувствах. Но выпускной... Мой выпускной я никогда не забуду, потому что на нем Он пригласил меня танцевать. И я почувствовала, что это не только вежливость, было так легко, что я решилась один-единственный раз поцеловать его...

Вот и все, что было: два танца и один поцелуй. И три года безумия... Слез, снов, стихов, истерик...

И глаза — не глаза,
И слеза — не слеза,
А все прошлое — миг,
Словно тающий крик.
Крик души и любви,
Одиночества мрак.
Ты сейчас мне не друг,
Ты сейчас мне не враг...

А что сейчас? У него своя жизнь, у меня своя, но это уже совсем другая история. Мучения угасли сами собой. Скоро у него день рождения. Я поздравляю его, потому что как бы там ни было, он всегда будет моей первой любовью.

Как его зовут? Если он прочтает, я думаю, он узнает меня. А меня зовут Ольга.

г. Екатеринбург

БОТИНКИ

ВСМЯТКУ

БЫЛЬ

В этот день, как всегда, последним из общежития уходил Витька Покровский. Он суетливо пробирался к двери, натываясь на кровати. Мудрено было не натолкнуться — в двадцатиметровой комнате стояли шесть кроватей, четыре параллельно одна возле другой, пятая — налево от входной двери, а шестая — за печкой, в самом удобном месте. На ней спал Витька. Зимой ему было лучше, чем другим. Мы мерзли люто, наши кровати упирались в большие во всю стену окна дачной комнаты-полуверанды, которые промерзали снизу доверху замысловатым голубым узором. В это февральское утро в комнате было холодно и неудобно. Дверь хлопнула — это Покровский бросился догонять последнюю электричку, чтобы успеть на первую лекцию.

Сергей остался один. В комнате, заставленной старыми солдатскими кроватями и древними обшарпанными тумбочками, стал щемяще тоскливо. «Странно как-то получается, — раздумывал Сергей, натягивая до ушей солдатское одеяло. — Если бы я просто захотел прогулять, то было бы другое чувство — веселой бесшабашности. А я хочу, но не могу идти в институт, мне элементарно не в чем идти. Ни один сапожник не берет мою обувь в починку. До стипендии еще тянуть и тянуть».

Тяжело жилось студентам, особенно иногородним, в послевоенные годы. Большинство жило на стипендию. Наша стипендия — это 220 рублей на первом курсе и 240 — на последнем. Из них 35 рублей — плата за общежитие, плюс подоходный налог, да еще за «бездетность», хотя мы сами-то, особенно на первых курсах, в чем-то были еще детьми. Видимо, хотели, чтобы мы поскорее обзавелись собственными. Еще обязательная подписка на государственный заем, проезд на транспорте. Прожить на оставшиеся деньги было искусством. Из всех нас, пожалуй, только Витька Покровский владел этим искусством блестяще. Получив стипендию, он шел на рынок, покупал большое ведро картошки, два-три килограмма овсяной крупы, две бутылки разливного подсолнечного масла. Все это до следующей стипендии составляло основу его существования. В большой, литров на пять, кастрюле Витька готовил себе на неделю варено из картошки, и овсяной крупы, которое он торжественно называл «габер-суп».

«А в институте сейчас началась лекция по всеобщей истории государства и права. Лекция профессора Корниловского о Великой французской революции. Свобода, равенство, братство... Либерте, легалите, фратерни-

те... А я вот сижу с ботинками «всмятку» и не могу выйти из комнаты».

Да, ботинкам пришел полный конец. Кожемитовая подошва отвалилась на две трети и еле-еле держалась у каблука. Подметка от бесчисленных ремонтов превратилась по краям в бахрому, к которой подошву ни пришить, ни приклеить, ни прибить. Отработала свое. Не удивительно: эти ботинки Сергей носил почти два года во все четыре времени года. И в кино, и на танцы, и в гости.

Было тоскливо, одиноко. Хотелось, чтобы поскорее пришел кто-нибудь из товарищей по общежитию.

Покровский всегда возвращался в общежитие позже других. Разогревая на плите свой «габер-суп», он каждый раз увлеченно и артистично рассказывал нам какую-нибудь новую историю. «Ну, братцы, сегодня познакомился я с «чувихой» — блеск. Папа у нее — академик». Во всех его историях папа очередной знакомой был либо академик, либо народный артист, либо генерал. Меньше их по рангу не было. «Был в ленинке», начался до одури, вышел в коридор. Смотрю — прогуливается. Длинноногая, ноги из подмышек вырастают, талия, попка — все как по заказу», — увлеченно живописал Витька.

Эти рассказы о прелестных незнакомках украшали трудную, но богатую яркими событиями жизнь Покровского. Он так увлекался собственным монологом, что начинал верить в придуманное им. Это был спектакль одного актера. Витька никогда не ерничал, рассказы его были полны доброты, юмора, чистоты. Он был оптимист и большой фантазер. Хотя и чувствовалось, что эта бесшабашность всего-навсего спасительная бравада, которая помогала ему выстоять, не бросить учебу в институте.

Иван Филатов особенно любил слушать Покровского. Девушки, любовь, встречи, танцы — этот мир, эти чувства были для него неизведанными, непережитыми, он знал о них лишь по книгам, да рассказам. В сорок первом восемнадцатилетним Иван ушел из родного рязанского села Сасово на фронт и вернулся домой в январе 1945 на деревянном протезе вместо левой ноги. Это был удивительно трудолюбивый, застенчивый человек. Было трудно представить, как он мог сохранить в себе эти качества, пройдя войну, окопы, госпитали, видя разруху, смерть, горе, страдания людей. По утрам Иван просыпался раньше других — сказывалась солдатская привычка — свешивал с кровати единственную ногу,

задумчиво и грустно глядел на небольшую «культю». Так сидел он минут пять-десять, горестно раздумывая и вздыхая. Потом пристегивал к культе деревянный массивный протез и, стараясь не разбудить нас, растапливал печку, ставил чайник. Пока разгорались дрова, Иван штудировал конспекты лекций и первоисточников. Трудно, очень трудно давалась ему учеба.

... В промерзшую комнату вкрадчиво вползали сумерки.

«Сегодня не приду, завтра не приду, староста обязательно сообщит в деканат. Он иначе не может, формалист и зануда. Затребует справку, а где ее взять? Да и здоров я к тому же. Назвать истинную причину — не поверят, да и стыд-то какой.

Послать телеграмму матери? Она с младшим братом и так еле концы с концами сводит, живут впроголодь на 600 рублей. Попросить у тетки Анны? Она и так почти каждый месяц по 100 рублей присылает тайком от мужа. Постояй-постояй, а может, у капитана Зотова? Он поймет, если трезвый будет».

А трезвого мы его видели все реже и реже. Наш курсник, бывший гвардейский капитан, Петр Зотов возвращался в общежитие всегда поздно вечером. Часто бывало, что он не поднимался в свою комнату, расположенную на втором этаже, в мансарде, а шел прямо к нам. «Привет, пролетарии умственного труда, — бросал он с порога, улыбаясь пьяной улыбкой. Затем проходил к кровати Ивана Филатова, хлопал его по плечу и требовал: «Кончай зубрежку, солдат одноногий, давайте отдохнем!» Зотов открывал кожаную офицерскую сумку, медленно, с паузами для значения, вытаскивал два круга ароматно пахнущей чайной колбасы, большую долю круглого голландского сыра и клаал все это на тумбочку. «Ну, навались, голодающая интеллигенция, а не то к концу учебы останутся от вас очки, скелет и студбилет». Иван навывтяжку замирал возле своей тумбочки и наблюдал за действиями бывшего капитана. Наконец, со дна сумки, Зотов извлекал промасленный бумажный сверток. На тумбочке появлялись две аппетитно лоснящиеся от жира копченые каспийские селедки. Тут мы выходили из оцепенения и вытаскивали свои ножи и вилки. Но тут же слышался командный голос: «Стойте, антихристы, люди непутевые, кто же такую закуску съедает без родименькой нашей?» И с этими словами доставал из кармана широких офицерских галифе бутылку «Особой московской».

Пока Покровский собирал по комнате стаканы, Зотов, обнимая Филатова, вопрошал: «Ваня, а Ваня, скажи, пожалуйста, как называется слово, производное от «кафе»? Не дождавшись ответа, пояснял сам: «Кафетерий, верно?! А вот теперь то же самое проделай со словами «закусочная». Что получится, ну, говори! Опять не можешь? И чему тебя только учат в институте... «Закусерий». Правильно? Так вот, — продолжал скоморошничать Зотов, — сегодня здесь и открылся студенческий закусерий». Иван по-детски хохотал и тискал Зотова. Взяв стакан, Зотов резко запрокидывал голову, кадык судорожно дергался на его худой длинной шее в такт звонким большим глоткам. Минут через пять после этого капитан замолкал, сникал, как-то надламывался в спине, прищуренно оглядывал нас поверх очков в металлической круглой оправе. Вставал с трудом, с двух-трех попыток, молча двигался по лабиринту кроватей, выходил в коридор и, держась за стены, медленно поднимался по скрипучей деревянной лестнице. Мы счита-

ли: раз, два, три. Вот последняя — двадцать восьмая. Дошел благополучно Зотов до своей мансарды. Там, не раздеваясь, в сапогах и гимнастерке, валился на кровать и мгновенно засыпал.

Так и постеснялся тогда Сергей попросить у Зотова в долг. А уже много позже перед самой весенней сессией Зотова из института отчислили. Он не попрощался ни с кем из нас, днем во время занятий собрал вещи и уехал в родной Ярославль. Позднее мы узнали причины его исключения. Зотов был добрым, широким, компанейским человеком. Его стубила доверчивость. Познакомился в пивной с веселой компанией, были в ней и бывшие фронтовики, с которыми он быстро нашел общий язык. Попросили продать на Перовском рынке импортные часы. Согласился, быстро продал, деньги до копейки вернул компаньонам. Им его щедрость понравилась, дали еще пару часов. Продал, получил часть выручки, и пошло-поехало. Втянулся. Каждый день то ресторан, то бега, то девицы. Словом, завертело парня. Однажды, когда он успешно реализовал три пары швейцарских трофейных часов, к нему подошли двое в штатском. В МУРе, на Петровке, все прояснилось. «Компаньоны» в новые швейцарские корпуса вставляли изношенные часовые механизмы, а продавали их как импортные. Зотова осудили условно — учли фронтовые заслуги, офицерское звание, ордена Красной Звезды и Отечественной войны.

«...А что если отбить телеграмму Виктору Попову?» — озарила вдруг мысль. Виктор, старый друг Сергея, служил в авиационном полку истребителей-перехватчиков. В военное время вместе учились в школе, вместе голодали, собирали весной на полях мерзлую картошку, по жнивью — колоски, ели крапивный суп и оладьи из картофельных очисток. Он-то хорошо знает, что такое безденежье и голодуха.

Сергей схватил лист бумаги и начал составлять текст телеграммы: «Ростов, п/я... Попову Виктору Алекс. Вышли 400 рублей». Нет, слишком лаконично и категорично. «Если сможешь, вышли 400 рублей». Перечитал и зачеркнул написанное. Непонятно, почему я прошу деньги. Нужно же объяснить, почему и для чего. «Прошу тебя, если сможешь, вышли 400 рублей — ботинки развалились». Пожалуй, вполне подходяще.

...Целую неделю Сергей просидел в общежитии. Как назло никто в эти дни не захотел «прогуливать», «сачкануть». Всю эту удивительно длинную неделю он просидел один в пустынной, неуютной комнате. Как только слышались чьи-то шаги, вскакивал и бежал к двери. Увы, это не были шаги почтальона.

Извещение принесли в пятницу после обеда. На сером бланке стояла цифра — 400 руб. Рассеянно и бестолково, все еще не веря, Сергей перечитывал извещение. Почтальон, пожилая женщина, прервала оцепенение: «Работы у меня много, пол-Перовки обегать надо, все меня ждут. Пиши вот здесь прописью цифры, ставь фамилию и забирай свои деньги». Сергей обмакнул ручку в пузырек с синими чернилами и дрожащей от волнения рукой вывел «Четыреста рублей».

Оставшись один, Сергей обадело глядел на стопку денег и думал: «Как все сложно и как просто. Завтра я снова выйду на улицу, поеду в институт, буду прикасаться к людям, находиться среди них. Оказывается, ботинки — это не просто обувь, это свобода. Как там у профессора Корниловского — либерте, легалите, фратерните...»

Взрослые тоже играют, только всерьез. Иногда — мужественно, красиво, благородно. Чаше, увы, совсем наоборот. И самая жестокая из их игр — политика. К каким только ухищрениям не прибегают, сражаясь за власть, какие клоунады устраивают, с каким жутким самозабвением пускают друг другу кровь!

А дети?

Традиционно декларируется, что все это, мол, делается ради них, ради их замечательного будущего. Уж наши-то дети непременно «будут в Мекке», как иронизировал по этому поводу русский поэт Саша Черный. Еще принято считать, что они, ребяташки, по крайней мере, самые маленькие, вне взрослых игр, вне политики. У них свои дела, заботы — сказки, мультики, игрушки... То есть мы, большие, можем творить все, что нам ни заблагорассудится, а их пока как бы и не существует — а потом, позже, они враз станут чудесным «новым поколением».

Но они есть — сегодня, сейчас!

Они всегда рядом с нами, хотим мы того или нет. И они отнюдь не глухи и слепы. Ребяташки отлично видят, прекрасно чувствуют наши благородство или мелочность, склонность или душевную щедрость и пусть, далеко не все понимая, по своему оценивают нас с вами, наши поступки. Мало того, как губка, впитывают они разговоры взрослых, самую серьезную теле- и радиоинформацию, ходячие истории и анекдоты, наслушиваются их на сказочные сюжеты и в конце концов приходят к своему собственному мнению о ценах, о президентах, о коммунистах и демократах...

Так может, стоит нам почаще общаться с детьми на «взрослые» темы (разумеется, не переступая известные рамки, которые всегда были и будут), не жалеть на это время и сил? Может быть, чуть шире приоткрыв мир детского сознания, лучше поймем себя, яснее увидим ту самую

вождевленную Мекку, в которую ведем свою смену? Между прочим, сказки, услышанные в детстве, врезаются в память навсегда. В определенной степени это касается и политических впечатлений. От многих из них детям не отвяжаться всю жизнь, чему лучшее доказательство — миф о непогрешимости Сталина, от которого по сей день не могут избавиться нынешние бабушки и дедушки.

Публикуемый ниже материал — результат работы социологов из института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук, предложивших нескольким сотням екатеринбургцев старшего дошкольного возраста свои вопросы на политические и другие темы. Хотелось бы, чтобы он вызвал ваши отклики. Поделитесь с нами собственными наблюдениями, размышлениями. Таким образом, продолжать открывать «детский мир» надеемся вместе с тобой, читатель.

Глядя на взрослые игры

«Буду бомбы возить»

Наше общество всегда нуждалось в «милитаризованных людях» — войнах, и с детства нас учили играть в войну. Мир ребенка формируется во многом через игрушку. Хороших игрушек всегда не хватало, но что предлагалось и преподносилось регулярно, так это пистолеты, танки, автоматы...

В своем выборе игрушек девочки традиционны — из предложенного набора, как правило, выбирают куклу, коляску, мишку. Мальчики же настроены воинственно. Они играют в «войнушку», рисуют ее на своих картинках. Оружие им нужно, чтобы воевать с «немцами». Более половины из них отдает предпочтение пистолету или солдатикам. Единственный конкурент — красивый и дорогостоящий луноход. Даже конструктор не в счет. Его пожелали иметь лишь 7% мальчиков.

Подавляющее большинство мальчишек желает служить в армии, и это естественно. Но обратим внимание на их ос-

новные мотивы: «Там силу можно накачать»; «Там воевать можно и оружие дают», «Буду бомбы возить и немцев бомбить».

В армейской романтике детей завораживает сила, оружие и возможность доступа к нему. Именно с непосредственным ношением и использованием оружия почти половина мальчиков связывает и свою будущую профессию. Летчик, моряк, танкист, десантник, милиционер — вот круг наиболее почитаемых профессий. Здесь же и новая для России «специальность»: «Хочу работать ниндзей».

Справедливости ради следует сказать, что большинством детей (с учетом девочек) выбирает сегодня гражданскую профессию врача, шофера, повара, художника, бизнесмена и даже звездочета. Конечно же, девочки не мечтают возить бомбы, но тем не менее, каждая седьмая из них желает служить в армии.

И девочки и мальчики проявляют явную склонность к ношению униформы (38% и 69% соответственно). Больше половины всех детей — имеют они такую возможность — хотели бы ходить в детский сад в форме. «Командиром люблю

быть, мне нравится форма». «Люблю ходить в форме строем под музыку». «В форме лучше, когда все одинаковые — лучше». Если верно, что мир спасает красота, то для большей части детей, попавших в поле нашего зрения — красота мундира и погонов.

Добавим, что большинство всех опрошенных (77%) желало бы видеть своего папу, дядю или брата военными. «Вот бы брат был в десанте — классно!». «У меня папа и так военный». Девочки мыслят по своему: «Военный, он сильный — он может защитить»; «Мне нравятся солдаты, особенно курсанты»; «Жених мой тоже будет солдатом — моряком!».

Наверное, современные дети очень похожи на своих ровесников из предыдущих поколений. И все же нынешнее время наложило на них свой отпечаток. Весьма показательно, что сегодня 22% мальчиков шести-семилетнего возраста не только не мечтают одеть шинель и зашагать в бравурном марше, но и слышать не хотят о своей персональной службе в армии. При этом они демонстрируют осведомленность об армейской жизни, которая напрочь лишена романтической

окраски. Часть наших собеседников задумчиво отвечала: «В армию не пошел бы, там все грубияны — с полком stalkивают»; «Папа говорил, что его в армии учили даже воровать»; «Там бьют — мама говорила». Других страшит оружие: «Страшно — там настоящие винтовки». У третьих более «серьезные» причины: «Там налысо бреют»; «Там пол заставляю мыть и делать разные дела, которые не хочется». Интересно и то, что при всем несомненном патриотизме и высоком мнении о мощи нашей армии — «наша армия самая сильная в мире» — 10 % опрошенных детей считают сильнейшей американскую, немецкую, китайскую. Несомненно, образ «непобедимой и легендарной» постепенно меркнет даже в детском сознании по мере того, как на армию накатываются волны все новых и новых проблем.

«Не люблю негров»

Когда просматриваешь старые открытки и журналы, неизбежно наталкиваешься на символическую триаду: белый, желтый и черный парни дружно держатся за руки. И еще: представители разных народов в национальных костюмах образуют длинную цепочку. Формально у нас всегда «любили» африканцев, китайцев, индейцев. «Дружили» целыми народами. Правда, об искренности чувств никто не спрашивал. А что думают дети? Мы задали им простой вопрос: если бы в вашу группу пришел чернокожий мальчик или девочка, вы бы стали с ними играть, дружить?

Ответы услышали разные. Вася сказал прямо: «Конечно, он нормальный человек, только как бы сильно загорел и все!». Витя поставил условие: «Если драться не будет». Костя тоже высказался «за», но пояснил, почему будет дружить: «Он бы мне бананов дал».

Подобных положительных ответов было большинство, но не подавляющее. 44 % ребят ответили отрицательно. И это немало. Екатеринбургские дети почти не сталкивались с неграми, но часто испытывают к ним негативные чувства. Барьером является язык: «Он не по-нашему разговаривать будет». Но не только. Пугает цвет кожи, наконец, непристязность такого рода отношений, боязнь выглядеть «не как все». Вот наиболее характерные размышления: «Негр черный, как кочегар»; «Они черные, губы слишком толстые, а зубы белые»; «Ее сразу засмеют, а мне стыдно будет с ней играть». Как известно, у взрослых бытует поговорка: «Что я, негр, что ли?». У детей такой ее вариант: «Негры — это те, кто не работает. Их плеткой стегают. Дружить бы не стал. Кто с ним дружит, тоже должен стать негром».

Все же «чистые» африканцы для нас

пока экзотика. Может быть, с «дружбой народов» в целом картина выглядит иначе? Мы попросили детей сказать, хотя бы они учатся в школе в одном классе с ребятами других национальностей и предложили небольшой их перечень. Опрос показал, многие дети склонны к национализму. Единственным народом, который пользуется симпатиями у большинства наших детсадовцев, является американский (65% всех опрошенных). Детей привлекает, что американцы разговаривают на популярном у нас английском языке, которому можно научиться. Восхищают красивая жизнь: «У них машины импортные»; «У них жвачки и одежда классная». Наконец, от американцев можно получить необычные подарки: «У них все есть»; «Они могут привозить бананы, кокосы, финики». В этой связи и образ американца предстает в самом выгодном свете: «Они добрые»; «Очень честные»; «Это хороший народ, не очень злой». Причем образ этот с образом чернокожего в детских головах никак не связан.

Полюс негативных оценок оказался гораздо шире. Больше всего досталось цыганам (87% негативных ответов). Детям эта национальность известна в контексте скандальных и криминальных историй: «Гадать будут»; «Попрошайничают на остановках»; «Воруяют, пляшут вокруг человека и воруют».

В садике оказались нетерпимы и к чукчам (81%), при том, что как правило, дети знают о них очень мало: «Чукча в чуме ждет рассвета, а рассвета-то все нету»; «У них шубы». Основной источник информации здесь, конечно, разговоры взрослых и многочисленные анекдоты, которые можно услышать в каждом садике. «Они страшные, грязные»; «Моя папа называет: ты как чукча!», — вот типичные высказывания. В отличие от своих родителей, детсадовцы напрочь лишены такого качества, как двуличие. Они не понимают, что взрослые зубоскалят на кухне о представителях северных народов, при встрече с ними могут дружелюбно и вполне искренне улыбаться. Ребята все принимают за чистую монету...

К немцам тоже неприязнь (72%). Дети играют с ними в войну, и для них она еще не закончилась. То немногое, что они знают о немцах — «Германия нам гуманитарную помощь присылает» — заставляет их мысленно отделять немца от фашиста: «Учился бы только с добрым и не с фашистами». Однако для большинства немцы все еще есть воплощение абсолютного зла: «Они во время войны на всех нападали и убивали, перчатки из кожи делали»; «Я бы немца убил, если бы папа пистолет доверил»; «Я бы от него отодвинулся, если за парту посадят». А вот самый ходовой аргумент: «Могут убить». Само слово «немец» и сегодня для многих детей звучит как ругательство.

Негативно относятся и к татарам (64%). В одном из детских садов нас немало озадачила такая деталь: роль «не-

мца» в игре «войнушке» выполняет мальчик-татарин. Оказалось, что в сознании детей татарин — «ме наш»; «У них татарский бог»; «Татарин по-турецки говорит». А что уж совсем грустно, есть меж детей и такая тенденция — часть татар стремится «убежать» от своей собственной национальности: «Я их не люблю, а у меня еще бабушка татарка»; «Нет, я татарский плохо знаю, меня бабушка учит, а я плохо понимаю».

Отчасти это можно объяснить безжалостностью законов «среды обитания». Как знать — может быть, в татарском селе русский мальчик высказал бы недовольство своей «русскостью»? Но не играет ли тут свою роль и фактор исторической памяти? Человек еще ничего не знает о монголо-татарском иге, а уже в такой вот своеобразной форме выражает к нему отношение. Значит, такая память закладывается в нас с генами? Или все же приносится взрослыми?

Менее категоричны дети оказались в отношении украинцев, евреев, французов, главным образом в силу малой осведомленности. Однако мы поняли, что уже в начале своей жизни они живут в националистичной и часто по-детски безжалостной среде.

«Буду жить хуже, чем папа и мама»

В ходе исследования мы пытались выяснить, как дети оценивают недавнее прошлое своей страны, какие видят жизненные перспективы? Разумеется, представления детей о прошлом не укладываются в рамки мышления взрослых. Прошлое — это все, что было раньше, когда была война, когда родители были маленькими, когда очень маленьким был сам ребенок. Далекое и близкое здесь едины. Если исключить войну, то прошлое представляет в юном сознании в качестве своеобразного «золотого века». 70% детей убеждены, что раньше было жить лучше. Прошлое — это время дешевизны: «Раньше все дешево было, у родителей деньги были»; «Раньше жвачек не было, зато хлеб и молоко были»; «Цены были низкие — за 20 коп можно было купить 20 тетрадей». Это и век изобилия: «В магазинах все было. Сейчас в «Детском мире» вместо игрушек другое продается. В хозяйственном можно колбасу увидеть — удивительно очень». Зачастую, говоря о прошлом, дети выдают свои заветные мечты: «Раньше спички стоили 1 коп. В лагерь поеду с Сашкой, там целую пачку сыра, целый кусок давать будут». Еще чаще прошлое предстает в виде «воспоминаний» об экзотических фруктах: «Там кокосы продавались»; «Раньше были бананы»; «Когда папа был маленьким, он ел бананы, а я

только один раз». Бананы — сквозная тема, преследовавшая нас неотступно в каждом садике.

Оценивая настоящее, дети рады появлению жвачек, иностранных автомобилей, но они чувствуют атмосферу царящего в стране разлада: «Сейчас политики всех убивают, а раньше бананы были, желе — и недорого»; «Раньше солдаты защищали Родину, а теперь воюют». Причин понять они не могут, но объяснение происходящему дают порой неожиданные. Шестилетний Саша ссылается на Бога, а рыжеволосая Катя сказала иначе: «Раньше ничего не воровали и были честные люди, а в эти времена стали плохие люди, так как денег у них нет».

В целом дети старшего дошкольного возраста достаточно пессимистичны. Нередко и уподобляются старикам, не ждущим от жизни ничего хорошего: «Я буду жить хуже, чем папа и мама». Некоторые же по-своему пессимистично-оптимистичны: «Надо жить в XXI веке. Там все будет лучше». Подобно взрослым, уже привыкшим жить либо прошлым, либо мечтам о будущем, они не живут настоящим.

«Побывать бы хотел в России...»

Маленькие дети плохо представляют временные рамки, но может быть, им лучше знакомо пространство? Детям был задан простой вопрос: «А в какой стране мы живем?»

Раньше было гораздо проще: СССР был у всех на устах с ранних лет. После распада страны не каждый взрослый скажет, где он сейчас находится. Неудивительно поэтому, что наши дети «беспопеченны». Они смутно представляют, где обитают. На наш вопрос затруднилось ответить 12% воспитанников детских садов. Таким образом, практически каждый десятый ребенок просто не знает о том, где он живет. Разумеется, дети мыслят по-своему. Для многих из них страна — это их двор, улица, город. Не случайно 25% ребят считают своей страной Екатеринбург (обратим внимание — не Свердловск, дети знают о переименовании города). Только третья часть всех опрошенных сумела дать по-взрослому верный ответ: «В России»; «Россия, а был СССР». Все захотели отдельно жить, и мы тоже; «В России, она отделилась. Это была главная республика, и получалось, что мы за всех, и было хуже, но сейчас это отдельное государство — и лучше». Для остальных детей страна, в которой они живут — это СССР, Советский Союз (14%), СНГ (4%), наконец, Земля, Англия, Москва, Урал... Встречаются дети, для которых само слово «Россия» еще в новинку. Попробуйте подсказать и задать

такому шестилетнему ребенку вопрос: «Сергей, а Россию ты знаешь?». Ничего не ответит Сергей или скажет: «Россия — это страна такая на Земном шаре. Ехать год. Говорят там по-русски, по-нерусски, по-заграничному. Побывать бы хотел».

«Я собираюсь уезжать»

На Родине плохо, и это дети понимают. Ждать до XXI века долго. А может, лучше за границей? Мы спросили каждого ребенка: «Ты бы хотел уехать за границу жить навсегда?» Нет, малыши не грезят «заграницей» поголовно. Они как бы стоят на перепутье. Их сознание, что называется, расколото. 47% детей вообще не хотят куда уезжать. Они говорят: «Я тут родился»; «Это моя Родина, я с ней не могу расстаться». 5% не могут дать никакого ответа. А вот остальные 48% ребят уже сегодня «готовы» паковать чемоданы. У каждого из них своя «граница» — это и место, где не бывает зимы, и то, что у взрослых называется «ближайшее зарубежье» (Украина, Казахстан, Беларусь...), и далекие страны. Большинство из них мечтают об Америке: «В Америку уеду. Там бананы растут, апельсины, игрушек больше продается. Машину куплю!»; «Я бы уехал в Лос-Анджелес. Там классно — там «Макдональдс», американские ракеты, жвачки»; «В Америке я бы взял миллиарды и накопил много жвачек. Там все классно. Я бы там могилу Брюс Ли посмотрел и навесил его. У нас в группе многие хотят стать Брюс Ли». Дети уже соприкасались с английским языком, видели американские фильмы, и их не страшат никакие трудности. Но не только Америка в центре внимания. Немало мальчиков думает о Японии и Китае — там можно овладеть тайнами восточных единоборств. В Японии, к тому же, отличные машины. Особый интерес и к Германии. У кого-то там побывали родители, и дети знают, что «там все есть, там одежды красивые и цены низкие». Кто-то в буквальном смысле слова уже сидит на чемоданах: «Я собираюсь уезжать, меня мама уже переделывает на немецкую национальность». «А я хотела бы навсегда уехать к евреям», — тихо говорит Женя. Невольно задумываешься: пока на Руси восстанавливается Храм духовности, подрастает нация эмигрантов. Сколько нас будет через 15 лет?

«Жаль, что Ленин умер!»

А как дети оценивают коммунистическое прошлое? Вопрос сложный. Мы интересовались: «Кто такой Ленин? Каким он был,

чего хотел?» Прежде знания о Ленине были обязательной частью программы во всех дошкольных учреждениях. Общество нуждалось в вожде и культивировало идеологию вождизма. Сегодня ситуация изменилась. 16% маленьких детей вообще не слышали об этом человеке. Остальные что-то «знали» о нем. Для большинства таких ребят он — воплощение абсолютного добра и справедливости (75%). Характерны слова одной девочки: «Сталин плохой человек. Он Ленина застрелил. Жаль, что Ленин умер. Он лежал в мавзолее в стекле и видно было, где пуля пролетела. Все плакали, когда его хоронили, и я плакала, когда кино смотрела». Ленина уже нет, но дети говорят о нем в настоящем времени: «Он помогает людям жить». Для некоторых он и вовсе не умер, для других — просто перевоплотился: «Ленин — он на другом свете». Иные же ребята воспринимают его как зримую реальность наших дней: «Ленин — это человек из камня»; «Ленин — это памятник на постаменте».

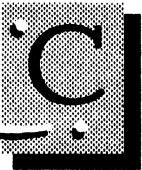
Очень немного детей (7%) дают негативную оценку вождю. Их «Знания» свидетельствуют о начале переоценки ценностей, происходящей во взрослой среде. Мнения — полярно противоположные первым. Там он — абсолютный гений, здесь — исключительный злодей. Миша: «Он царя убил. Он садист был». Алеша: «Он плохой, мой папа называет его паршивцем». Коля: «Он был злым, он все превращал в щепки, рушил церкви». Слушая этих детей, приходишь к выводу: чтобы не низвергать кумиров, не следует их создавать.

А вот о коммунистах дети осведомлены слабо. Большинство о них ничего не знает. Для других же это «люди добрые и требовательные», которые «хотели, чтобы денег много было, хлеба много и поесть чтобы было». Для третьих, напротив, это люди плохие — «создают всякие перевороты». Иредка ребенок начинает рассуждать: «Они были за Ленина, и хотели, чтобы лучше все было. Сейчас коммунизм развалился и коммунистов мало осталось. Сталин мешал, и ошибок много было. Он больше людей убивал, чем Гитлер». Канул ли коммунизм в лету в потаенных глубинах детского сознания? Говорить об этом преждевременно.

В школах уже не принимают в октябрюта и пионеры, а детвора все еще мечтает пополнить их ряды. «Ты бы хотел быть пионером, октябренок? Почему?» — на данный вопрос нами получен 81% утвердительных ответов. Стать пионером или октябренок для ребенка означает преодолеть определенный возрастной рубеж: «Как-то старше становишься»; «Что мне, всю жизнь в садике оставаться?». Но и звездочки, галстуки, барабаны, лагеря просто завораживают ребят. Здесь же любовь к униформе и желание ходить строем. Действительно: «Октябрюта — это дети, которые учатся у Ленина. Я в лагерь поеду»; «Это самые лучшие ребята. Они одевают галстуки и салютуют»; «Я буду

октябренок. Я очень хорошо марширую, танцую и пою. У пионеров школьная форма, галстуки, пилотки, и у октябрят тоже. Они на барабанах играют и у них горн». В символах, в песнях, в воспоминаниях традиции недавнего прошлого живы и, видимо, долго еще будут жить.

«Враги у нас есть, но друзей, конечно, больше»

просите ребенка в духе прежних времен, есть ли у нашего народа враги, и он ответит: «А как же?» Чувство внешней и внутренней угрозы и взрослых не покидало годами, более того, оно подогревалось. Неудивительно, что и дети, научившиеся ходить в период ломки всех стереотипов, до сих пор живут словно в осажденной крепости. Лишь для 21% ребят врагов не существует вообще.

В глазах детей главный наш враг — это мафия, бандиты. Здесь почти полное единодушие. Так считают 95% ребят. Иной раз дети точны в определениях: «Мафия — это группа людей, которые воруют, продают, убивают»; «Эти люди с пистолетами ходят и тетенок красивых себе забирают»; «Некоторые бандиты, бывает, даже своих предают!». Воры, пьяницы, жулики, подростки, «которые поджигают и писают в подъездах», пользуются столь же нелицитной репутацией.

За мафией лидируют, увы, все те же немцы. Выделяются также богатые (49%). У детей бытует мнение: богатые деньги воруют и никому не дают их. Подкрепляется оно не только разговорами дедушек и бабушек, но и мультфильмами, сказками: «Богатые жадные, как дядюшка Скрудж, купаются в деньгах». Или: «Они неблагодарные, золото вытягивают, бедным не помогают». Еще 7% детей более благосклонны к богатым. Для них они «не совсем враги»: «Мне читали: богатый дал бедному кошелек на дорогу»; «Богатые тоже плачут!». Докатывается до детей и эхо внутрисобных конфликтов, разгул преступности на территории бывшего СССР. Примечательно такое замечание мальчика: «На нас уже напали». Враг затаился в детском сердце... И все-таки дети хотят иметь друзей и они убеждены (67%), что их больше: «Друзей, конечно, больше, врагов только тоже много».

Богатым в садике не доверяют, зато бедные и нищие пользуются большим авторитетом (у 86% детей). Мальши отмечают внутреннее родство с бедными и не отделяют себя от них: «Они бедные, и мы тоже бедные». Разница заключается лишь в том, что «другие» бедные — это дедушки со шляпами в городских переходах, инвалиды и те, кто мало получает.

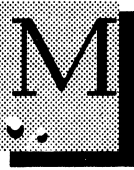
Дети убеждены, что «бедные всегда добрые» и «никогда не ссорятся, если только не опьянели». Они нуждаются в малом — в лапше, кусочке хлеба, копеечке. «Бедные не рубли, а копейки просят!». Бедным нужно помогать: «У дедушки было полшляпы денег, а мы бросили ему еще свои».

Гораздо сложнее ребенку решить, кем же быть самому: бедным или богатым? Мнения здесь резко расходятся: «Бедным быть лучше, так как и им иногда удача бывает»; «Я хочу быть богатым только наполовину и отдать все остальное бедным»; «Лучше быть богатым, хоть и врагом. Я буду бизнесменом. Это человек, у которого есть и дом, и стенка, и машина».

К друзьям, помимо бедных, дети относятся американцев (62%) и правительство (53%). С американцами все ясно. А правительство? «Правительство страну защищает»; «Правительство — это от слова «правильно», — отмечают дошкольники. Но здесь оговоримся: еще 22% детей убеждены, что правительство нам вредит — «все обещает и ничего не делает», «не может договориться и делает войну», «цены повышает», «все делает, чтобы они только были главные, вроде королей и бояр».

Надеясь на руку друга, дети не сомневаются, что случится у нас беда (землетрясение, голод, война), нам обязательно будет оказана помощь (75%): «Из Америки пришлют строительные материалы. Англия может дать деньги»; «Поможет Германия, если только она не будет воевать с нами»; «Приедут из всех стран грузовики с гуманитарной помощью». Рассчитывая на помощь, и они готовы помочь всем нуждающимся (90%): «Хоть кому надо помочь — любой заказ». Дети чрезвычайно милосердны и стремятся иметь друзей — они не останутся одинокими в этом мире.

«Стул Земли»

Мы живем в патерналистском обществе (от латинского «патер» — отец). Все события политической жизни воспринимаются у нас в образах современных «отцов» — руководителей. Они ежедневно и ежечасно на слуху и на виду. Мы попытались выяснить, знают ли дети нынешних политических лидеров? Им был задан вопрос: «Кто такой Ельцин, кто такой Горбачев? Кто тебе больше нравится?»

Оказалось, о лидерах дети достаточно осведомлены — «знающих» 77%. Дети уверенно отвечали, что это «президенты», «депутаты» или, как в сказке, — цари. «Ельцин как бы король, только у него нет короны, богатства и палача». «Горбачев — это царь».

Учитывая специфику нашего региона, родины Бориса Николаевича, можно бы-

ло заранее предположить, на чьей стороне будут симпатии. И действительно, по нашим данным Ельцину доверяет 56% дошкольников, тогда как Горбачеву только 15%. Наиболее емко настроению малышей выразила одна из девочек: «Ельцин — самый хороший человек. Он хочет нам сделать не голод, он хочет, чтобы мы живы были, он продукты дает. Только все это он делает тайком от Горбачева, чтобы тот ничего не знал. А все кричат: «Не хотим Горбачева, не хотим Горбачева!». А Ельцин говорит: «Не кричите, подождите до лета, все цены понизим». «Ельцин книжки пишет, даже детские, я такую книжку читала. А Горбачев вообще ничего не делает, только на съезде говорит и газеты читает, и все запрещает».

В представлении детей Ельцин добрый, хороший, красивый. Он большой, могучий и всегда улыбается. Ельцин «все знает», но самое главное, «он России нашу голодом не морит и знает, что цены повышены и борется с этим». Ельцин и Горбачев — антиподы. Между ними идет борьба вокруг цен: «Горбачев говорит: «Я повышаю цены». А Ельцин говорит: «А я их снижаю». Начали войну. Горбачев победил и повысил цены. Ельцин идет как нищий, а Горбачев говорит: «Ну что, навеялся?»». А Ельцин: «Нет, у меня еще армия цела!»

Но как бы ни относились дети к президентам, они видят в них вершителей своих судеб, вождей, подобных Ленину. Не случайно в своих размышлениях они мысленно обращаются к Ленину: «Ельцин с Лениным дружил, когда маленьким был»; «Мне не нравится ни Ельцин, ни Горбачев. Я Ленина больше люблю». Общи и черты, которыми наделяют дети своих героев: добрый, хороший, книжки детские пишет... Более того, им приписывают сверхчеловеческие свойства: «Горбачев — главное, вся Земля на нем держится. Он — стул Земли. Он как бы правитель Земли, но не понимаю, почему он все время съезды устраивает?»; «На Горбачеве вся Земля держится. Он ведь дает всей Земле прокормиться. Если бы не он, вся Земля бы вымерла!». В умах наших детей мир предстает все еще в перевернутом виде: руководители предстают богами. Но, помните, Бог сказал: «Вы — соль Земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленую? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поправление людям». Когда же, наконец, мы и наши дети поймем эту простую истину?

Валерий ПРОНИЧЕВ

БИОГУМУС, ИЛИ СЕКРЕТЫ ЗЕМЛЯНОГО ЧЕРВЯ

Вермикультура — это производство экологически чистого органического удобрения при помощи обыкновенных дождевых червей и других полезных микроорганизмов. В США путем отбора и селекции выведен красный калифорнийский червь, который более производитель и усидчив, чем обыкновенный. Постепенно червь-калифорниец покорила многие страны мира, а в середине 80-х появился и у нас. Говорят, в Калифорнии ему поставлен памятник и создан музей. И то сказать: за рубежом уже давно не используют в таких масштабах, как у нас, всевозможные хлораммиаксодержащие удобрения и прочие химические средства борьбы с сорняками и вредителями.

Сама природа создала круговорот: земля — растения — корм — органика (корм для червей и прочих микроорганизмов, производящих гумус) — земля. Но люди попытались изменить этот круговорот, заменив органику минеральными солями. В результате даже органические удобрения (навоз, растительные остатки и пр.) не повышают уже плодородие почвы, так как в ней не осталось тружеников, которые эту органику превратили бы в гумус. Такие земли зачисляют в бросовые, не думая о том, что можно и нужно их возродить к жизни, занявшись вплотную вермикультурой. А это под силу любому человеку.

На корм дождевым червям годятся всевозможные органиче-

ские остатки: навоз, солома, ветки, опилки, опавшая листва, трава, ботва, отбросы кухни, макулатура, содержимое выгребных ям и многое другое. Что касается калифорнийского червя, то его вполне заменит наш дождевой. Он так же отлично перерабатывает органику.

Теперь об удобрении, которое получается после переработки органических остатков. Его называют БИОГУМУС. В процессе переработки в кишечнике червей формируются гумусные вещества. Поступая в почву, они замедляют вымывание из нее подвижных соединений, предотвращают водную и ветровую эрозии. Еще для биогумуса характерно обилие полезных микроорганизмов, способствующих переводу токсических форм тяжелых металлов в малоподвижные соединения. А потому биогумус особенно полезен для почв, утративших способность к самоочищению из-за сильного загрязнения остатками пестицидов, гербицидов, выбросами и отходами промышленности. Биогумус стимулирует биохимические почвенные процессы и увеличивает численность обитающих в почве живых организмов. Хороший эффект дает заселение самих червей в почву загрязненных участков.

Исследования показали, что биогумус созревает быстрее, чем компосты, полученные традиционным способом. Черви «перелопачивают» отходы и тем самым увеличивают контакт органики с мик-

роорганизмами, участвующими в разложении отходов. Они способствуют и деятельности микроорганизмов, подавляющих развитие патогенных бактерий, в частности сальмонелл, что помогает обеззараживанию компоста. Кроме того, внесение биогумуса в почву снижает кислотность.

Биогумус, полученный из различных органических отходов, имеет следующий состав: сухая органическая масса — 40-50 процентов, влага — 45-55, чистый гумус — 30-35 от сухой массы, азот — 1,2-3, фосфор — 1,2-2,5, калий — 1,2-3, кальций — 4,5-8, магний — 0,7-3, железо — 0,6-2,5, медь — 3,5-5, марганец — 60-90 мг/кг, цинк — 28-35 мг/кг.

Как видим, биогумус содержит в хорошо сбалансированном и легкоусвояемом виде все необходимые для питания растений вещества. Разлагая его, растения не накапливают в плодах, корнеплодах, стеблях и листьях нитратов, а овощи и фрукты отличаются вкусовыми и питательными качествами, великолепным товарным видом и способностью к длительному хранению.

Биогумус, кроме того, еще и микробиологическое удобрение. Он содержит около 100 миллиардов бактерий на 1 куб.м., и в нем много биологически активных стимуляторов роста растений: витаминов, аминокислот, антибиотиков и т.д. Поэтому срок созревания завершается на 1,5-2 недели раньше. Восстановление и нара-

щивание плодородия почв без биогумуса просто невозможно.

Дождевые черви хорошо развиваются в искусственных питательных компостах, приготовленных на основе органических веществ. Они перерабатывают компост в отлично сбалансированное, гранулированное гумусное удобрение. В течение одного сезона (180 суток) 0,5 кг червей на одном кв.м. вырабатывают из одного килограмма компоста 0,6 кг биогумуса, т. е. из одной тонны — 600 кг, увеличивая биомассу до 8 кг, а при интенсивном выращивании до 18-ти. Это при следующих параметрах: температура — 19 ± 3 градуса, влажность — 75 ± 5 процента, pH $7 \pm 0,2$. Каждая тонна биогумуса содержит около 300 кг чистого гумуса. Навоз же или компост вовсе его не содержат. Они гумусируются в почве с помощью тех же червей и микроорганизмов, если они там есть, но уже более длительное время. А в почве, насыщенной минеральными солями, их практически нет, поэтому биогумус для почвы удобрение незаменимое.

Разведение червей рекомендуется начать с организации заготовки корма.

Органикосодержащие отходы необходимо складывать в бурты и некоторое время в них выдерживать, периодически поливая водой, чтобы прошел процесс ферментации, сопровождающийся сильным нагревом. Массу при закладке в бурты желательно пересыпать мелом, известью-пушонкой, или доломитовой мукой, из расчета 3-5 кг на каждую тонну органики. Связан этот процесс с развитием микробов, разлагающих клетчатку.

Черви чувствительны к аммиаку и высоким температурам, поэтому в качестве корма используют уже остывшую после ферментации органическую массу. Помет кроликов годится для кормления уже через 5-10 дней, конский навоз через 3-4 месяца, а свиной или крупного рогатого скота че-

рез 5-6 месяцев. Если в навозе нет подстилки, то к нему обязательно надо добавить измельченную солому, опилки (только лиственных пород), макулатуру и т.д. Другие органические остатки также должны хотя бы частично разложиться. Поддерживать червей в активном состоянии позволяет добавление в субстрат пищевых отходов.

Через месяц от начала компостирования желательно бурт переложить: верхние слои — вниз, нижние — наверх, увлажнить и еще выстоять около двух месяцев. Если компостируется навоз крупного рогатого скота или свиной, операцию повторяют. После этого компост готов для использования на корм червям.

Разводить червей можно как в закрытых помещениях (в ящиках, ведрах и др. емкостях с отверстиями), так и непосредственно на участках.

Рассмотрим способ разведения в траншее. Роят траншею длиной 2,5 м, шириной 1,5 и глубиной 0,6. Если траншея глубже, затрудняется проветривание и дыхание червей. Дно и стенки обкладывают дюймовыми досками, закрепляют брусками без применения гвоздей. На дно кладут дренажный материал (хворост, гравий и др.), сверху насыпают подготовленный компост и заселяют червями из расчета 3-3,5 тыс. шт. на траншею. Уход сводится к периодическим поливам и рыхлению массы вилами с тупыми наконечниками.

Теперь о применении биогумуса. Он полезен в овощеводстве, картофелеводстве, садоводстве, цветоводстве, в народной медицине.

На гектар надо 3-4 тонны чистого гумуса, т.е. 10-12 тонн биогумуса. Отсюда видно, что на сотку идет 100-120 кг. Дачный участок в 6-8 соток за сезон может дать корма в виде ботвы, сорной травы, опавшей листвы, бытовых и кухонных отходов порядка 1,5-2 тонн. Из этого пол-

учается 0,75-1 тонна отличного биогумуса, чего вполне хватит, чтобы удобрить 7 соток участка. Биогумус можно вносить локально, при севе и посадке семян, рассады, клубней, плодовых деревьев и кустарников, а можно внести сплошным слоем при обработке почвы. Хороший эффект дают подкормки вытяжкой из биогумуса (1 к 10).

Теперь об экономической эффективности.

К примеру: по ныне существующей технологии на один гектар вносят 40-60 т органики (навоз, сапропель, торфо-навозные компосты), это стоит 20-30 тыс. руб. при цене 500 руб. за тонну. Вносят также минеральные удобрения, а цена на них сейчас непредсказуема. Биогумуса на один гектар потребуется 110-12 т. Чтобы получить это количество, нужно 20-24 тонны органики, т.е. в два раза меньше. Но это еще не все. Биогумус дает прибавку к урожаю 150-200 процентов в первый год и столько же в последующие три года, тогда как навоз или компост добавляет только 20-25 процентов за весь период — 4 года, при условии, что в почве будут черви и др. микроорганизмы. Значит, при урожае, к примеру, картофеля 200 ц/га, прибавка составила 100-200 ц/га. При цене 20 руб. за кг — 200-400 тыс. руб. прибыли с гектара.

Если вы желаете узнать подробнее о различных способах разведения червей и получения биогумуса, пишите по адресу:

692060, Приморский край,
г. Лесозаводск-12,
а/я-б. Проничев В.И.,

предварительно заплатив почтовым переводом 65 рублей. В графе для письменного сообщения укажите печатными буквами свой точный адрес. Квитанцию или копию вместе с подписанным конвертом отправьте по адресу.

Светлана ПАНЧЕНКО

Разные народы по-разному видят и читают звездное небо. Наши уральские соседи — обские угры — прибегают к помощи мифов. Читая угорские названия звезд, мы словно бы перелистываем страницы древних хантыйских и мансийских сказаний. Они живут в народной памяти — об этом свидетельствуют полевые записи, сделанные в разных селениях педагогами и студентами Уральского госуниверситета.

Вселенную угры делят на три мира: небо — торум, землю — мув (ханты) или ма (манси) и подземный мир — кали-торум (ханты), хамал-ма (манси). Отсюда и три главных божества. Нум-Торум — это «верхний бог» (небо), на земле принимающий облик медведя, в образе медведя же предстает и сын Нуми-Торума — дух-покровитель, Старик Священного Города. Землей правит жена (или дочь) Нуми-Торума Калтась-ими (ханты) или Калтась-эква (манси), воплощающаяся в образе крольчихи: ее сын — Мир-Суснэ-Хум («За миром наблюдающий человек») перевоплощается в гуся. Наконец, брат (или сын) Нуми-Торума — Куль, Кынь Лунк (ханты) или Куль-отыр (манси) властвует в подземном мире. От медведя и гуся ведут свое начало два угорских тотема — Фратрии Пор (медведь) и Фратрии Мось (гусь).

Названия звезд и созвездий перекликаются с древним мифом. Вот современный хантыйский рассказ о человеке из племени Мось, живущем на небе: «Кучка звезд, как домик, как крыша стоит — три звездочки. Наверное, много домов было. В домике жил парень. Отец и мать у него умерли, а сестры, чтобы не растить, не заботиться о нем, бросили на небо». «Дом маленького мужчины Мось» — хантыйское название созвездия Плеяды. По представлениям ханты, вышел Мось-хо из дома и «пошел на лыжах, и след видать» — так предстает перед глазами земного хантыйского охотника Млечный путь. Ханты называют его «Лыжный след мужчины Мось».

У Млечного пути есть и другое название, не связанное, на первый взгляд, с

ДОМ МАЛЕНЬКОГО МУЖЧИНЫ

путешествием человека Мось — «Путь гуся». Но у угров животные играют роль посредников, передвигаясь в разных мирах, поэтому можно связать гуся и Мир-Суснэ-Хума, который был родоначальником Фратрии Мось и мог принимать облик гуся. Таким образом, Млечный путь — это и путь легендарного человека (мужчины из племени Мось), и путь птицы (гуся) — воплощения сына Калтась-эквы. Гусь и мужчина племени Мось — два разных образа одного героя, и лыжный след на небе совпадает со следом летящего по небу гуся. Не из угорских ли языков заимствованы и русские астронимы — Птичий путь, Гусиная дорога? Только русские, конечно, и не подозревают о человеческом облике мифической птицы и связывают название с перелетом диких птиц с севера на юг и обратно.

Бытует несколько вариантов мифа о происхождении созвездия Большая Медведица. Вот вариант современного хантыйского охотника Д.П.Захарова из пос. Казым: «Ай-Мось-хо нашел лося. Шестиногий был лось. Гнал он его до Салехарда, догнал после захода солнца, срубил две ноги и сделал из них сани. Говорит: «Живи так. Кто тебя шестиногого есть будет? Людям не догнать». Теперь у лося сзади как отрублено. Лось на задних ногах ходит по небу. Ай-Мось-хо сказал ему: «Пусть на тебя люди смотрят, время узнают, когда темно».

Чаще всего альфа Большой Медведицы представляется хвостом или ногой небесного лося, житель хантыйского пос. Юлильск Н.Д.Аликов видит по-своему: «Семь звездочек: нос, ухо, шея, лопатка, спина, ноги, хвост». — и альфа оказывается именно носом зверя.

Находятся на небе лось и русские охотники. Такой астроним для Большой Медведицы — самый распространенный в русских говорах Севера, Урала, Сибири, Дальнего Востока.

Другое название самого заметного северного созвездия Вун пупи — «Большой медведь» (и Ай пупи — «Малый медведь»). Конечно, это может быть и про-

стой перевод научного названия, однако, учитывая особое пристрастие угров к хозяйству леса, трудно отказаться от предположения о самостоятельном характере этого астронима. Ведь существует миф о медведе, небесном Нуми-Торума, которого отец в награду (по другим вариантам — в наказание) спускает на землю и предписывает ему определенные правила жизни и поведения. В одних случаях медведь выполняет волю отца, в других — нет. Вот версия уже знакомого нам Д.П.Захарова: «Смотрит медведь с неба — болото видит, как красное сукно. Думает: люди там сильно богато живут. Попросился на землю, отец его не пускает. Говорит, сиди дома, дверь не открывай. Только отец уйдет, он не слушается, двери открывает и смотрит на землю через отверстие на небе...»

К мысли о небесном медведе обращает нас и мансийское название Полярной звезды, записанное в 1969 году: Торум пунт патта сов — «Звезда — божья голова». Если предположить, что речь идет о Нуми-Торуме, то «божья голова» может означать и медвежью голову, ведь Нуми-Торум принимает облик хозяина леса. Возможно, Полярная звезда, альфа Малой Медведицы, воспринималась как голова зверя, а все созвездие — как сам медведь.

Таково небо угорских народов — хантов и манси.

Есть на небе дом, дорога, лыжный след человека, отправившегося на небесную охоту, есть и звери — лось или медведь. Появляется утка — так называют ханты и манси созвездие Плеяды, тесно собравшиеся звезды которого, действительно, похожи на птичье гнездо. Но ведь о Плеядах мы уже упоминали — это «дом мужчины из племени Мось». Снова, как и в названиях Млечного пути, рядом оказываются человек и ритуальное животное (птица). Может быть, опять это два разных воплощения одного и того же мифа?

Сергей ЛЯМЕЦ

САМАЯ, САМАЯ, САМАЯ...

В повседневной жизни мы часто не обращаем внимания на многие мелочи, кажущиеся такими обыденными, что и не стоит заострять на них внимание. Взять хотя бы, к примеру, монетки, лежащие в кармане или кошельке. Что тут такого?

Однако, чтобы принять свой сегодняшний незатейливый вид, монета прошла длинный путь эволюции. Монета, похожая по размерам и форме на современную, была уже известна более тысячи лет назад. В то время, когда в Европе, Азии, Африке и Америке уже сложился определенный тип монет, имеются в виду размеры и вес для каждого номинала, кое-где иногда происходило нечто особенное, необычное...

Речь пойдет о монетах, о которых можно сказать: самая, самая, самая. Хотя к некоторым денежным единицам слово «монета» можно применить чисто условно.

Итак, самой тяжелой, да, пожалуй, и самой большой денежной единицей являются и поныне обращающиеся на острове Яп «феи».

Феи представляют собой круги с отверстием в центре, очень напоминающие мельничные жернова. Диаметр фей достигает нескольких метров, вес — около тонны. Сырьем для их изготовления служит минерал аргонит, добываемый на острове Пулау — в 300 милях от Япа. С такими деньгами в магазин не пойдешь, и поэтому после заключения торговой сделки продавец помечает фею, находящуюся под открытым небом, своим знаком, стирает знак прежнего владельца и... оставляет ее на месте — похитить такой капитал очень сложно.

Самой большой из золотых монет, когда-либо выпускавшихся в мире, нумизматы считают золотую «Тэнсио обан» размером семнадцать на десять сантиметров, отчеканенную 400 лет назад в Японии. Она является национальным достоянием страны Восходящего солнца.

Ну, а какая самая большая медная монета — нумизматы еще точно не определились. Так, один из наиболее любопытных экземпляров африканского континента — «лункана» или «катангский крест» имеет форму креста и весит от 0,5 до 1 килограмма. Местные племена, живущие на

территории современного Заира в провинции Катанга, использовали «лунканы» как денежный эквивалент около четырех веков назад, отливая их в песчаных формах.

К гигантам денежного обращения можно отнести и «сестрорецкий» медный рубль весом без малого килограмм, а точнее 919 граммов. Для истории нумизматики России XVIII века он представляет большой интерес.

На вопрос: «Какая самая страшная монета», не каждый ответит, да и не мудро, а ведь были и такие, имевшие хождение на далеких Соломоновых островах. Знамениты эти острова, помимо всего прочего, и тем, что вплоть до XX века средством платежа там служили... человечьи черепа. Но нам не стоит бояться, с нашими украинскими купонами до черепов еще далеко, да и в парламенте собрались далеко не нумизматы.

Самой хрупкой монетой... Подождите, скажете вы? Неужели были и такие деньги? Да, были! В XV столетии в Восточной Словакии использовались монеты из стекла. Образцы стеклянных денег сохранились в музеях Чехословакии.

Не всегда монета имела свойство только денежной единицы. Скажем, у вас оторвалась пуговица и потерялась. Что делать? По крайней мере в прошлом веке в Буэнос-Айресе такой проблемы не существовало. В местном музее хранятся золотые и серебряные монеты, выпускавшиеся в стране в 1867 году. Они имеют форму пуговиц, которые можно было пришивать на одежду. Сейчас для нас такие деньги были бы в самый раз, покончили бы с одним из дефицитов.

Кстати, монеты, отчеканенные совсем недавно, могут стать дороже самых редких монет. Такого мнения придерживается дирекция атомной электростанции в городе Индиан-Пойнт, неподалеку от Нью-Йорка, хранящая монету номинальной стоимостью 25 центов. Она была найдена в 369-тонном ядерном реакторе, который и вывела из строя на восемь месяцев. Повторный ввод в действие установки обошелся в восемь миллионов долларов. Причина попадания монеты в реактор не установлена.

Приведенные выше нумизматические курьезы не являются единственными. Монет, о которых можно с уверенностью сказать, что они самые, самые, гораздо больше. И остается только ждать и гадать, что нового и интересного нам откроют кропотливые историки и дотошные нумизматы. ■

Н. ВЛАДИМИРОВ

ЛЕГЕНДА О МЕДНОМ ВСАДНИКЕ

Много лет живет легенда о великом творении Фальконета — всем хорошо известном памятнике Петру I. Она гласит: памятник олицетворяет безопасность бывшей столицы нашей страны от всех бедствий и, пока он стоит на своем месте, город на Неве не будет покорен никакой вражьей силой... В подтверждение выдуманной легенды обычно указывают на то, что далеко не случайно ни в 1812 году, ни в 1941 году его не вывозили из Ленинграда. И что, дескать, об этой легенде в свое время писали старинные издания.

Заинтересовавшись легендой о медном всаднике, я при каждом удобном случае просматривал журналы, выходящие в XIX веке в Петербурге. И вот не так давно обнаружил в восьмом номере журнала «Русская старина» за 1874 год небольшую заметку (стр.781) о легенде. В ней говорилось о том, что в 1812 году во время нашествия Наполеона из Петербурга вывозились в отдаленные губернии многие драгоценные предметы, архивы, библиотеки и собрания различных редкостей. Вся эвакуация проходила под руководством князя А. И. Голицына, который планировал вывести из столицы даже конную статую Петра I. В период подготовки столь сложной операции к нему приехал почт-директор Булгаков и рассказал свой сон, который он увидел прошлой ночью. Ему снилось, что, проходя мимо памятника, он вдруг услышал за собой страшный топот коня. Оглянувшись, Булгаков увидел бронзового Петра, скачущего на своем коне. Петр проскакал мимо по направлению к Каменному острову, и почт-директор, пораженный этим явлением, последовал за медным всадником. На Каменном острове Петр встретил императора Александра, остановил его и сказал: «Бедствие великое грозит тебе, но не бойся за Петербург: я храню его, и доколе я здесь — мой город безопасен».

После этого известия князь А. И. Голицын не мог освободиться от влияния веры в это сновидение и не приступал к практической эвакуации, боясь лишить столицу ее хранителя. По мнению неизвестного автора небольшой заметки о легенде, она подала А. С. Пушкину мысль о написании поэмы «Медный всадник». ■

Валерий ЯГОДИН

МУДРЫЙ СПОРТ ПРЕДКОВ

Думается, многие будут удивлены, когда узнают, что спорт существует не одно тысячелетие. Оказывается, народ изобретал, веками сохранял и развивал многочисленные игры, состязания, забавы, выявляющие не только силу, ловкость и выносливость, но и ум, сметку, фантазию.

...Огромная поляна залита щедрым кавказским солнцем. Жители соседних ингушских аулов, все от мала до велика, собрались здесь. В заранее выкопанную яму опускают барана, сверху укладывают тяжелый плетень, чтобы снаружи торчали лишь бараны рога.

А вдали ждут сигнала лихие наездники. Какой джигит первым прискачет к яме и, ухватившись за рога, вытащит из нее животное вместе с плетнем? Победителя ждет награда, а также почет и уважение.

Трудно сейчас сравнивать атлетов далекого прошлого с нашими современниками. Но что касается силы-матушки, то можно с уверенностью сказать, что наши предки не были слабее нас. В Греции, в музее античных Олимпийских игр хранится камень, по форме напоминающий гигантскую гиру. На камне древнегреческая надпись: «Бибон поднял меня над головой одной рукой». Этот памятник VI века до нашей эры весит 143,5 кг.

У разных народов было принято состязаться в поднимании мешков с мукой, зерном, бочек с песком или пивом, камней, бревен. Скандинавский летописец утверждает, что вес этих предметов часто превышал 200 кг. В иных странах поднимали лошадей, верблюдов.

Современный спорт так или иначе связан с народной культурой, где-то напрямую, где-то опосредованно. Понятно, что бег наперегонки, кулачный бой, борьба, прыжки, стрельба из лука, конные скачки и другие состязания пришли к нам из древности и превратились со временем в классические, олимпийские виды спорта. Здесь связь очевидна.

Другие современные виды спорта тоже имели аналоги в древности. Чукчи, например, соревновались в акробатических полетах над высушенной моржовой шкурой — ее держали за края и подбрасывали смельчаков вверх. Чем не современный батут?

С древнейших времен излюбленным зрелищем были конные бега, скачки на оленьих и собачьих упряжках, на верблюдах, на яках, верхом на бревне по быстротекущей реке...

У наших предков почти любой праздник содержал в себе элементы спорта, а с другой — каждое состязание превращалось в праздник, в ритуал. И участники, и зрители наряжались в лучшие одежды, загодя запасались хорошим настроением и улыбкой. Как правило, здесь шла бойкая торговля, завязывались знакомства, звучала музыка. В дни праздников затухала вражда, крепились межнациональные связи.

Почти у каждого народа культивировались свои самобытные игры, состязания, физические упражнения, которые у других не получали широкого распространения. Конный теннис можно было видеть лишь в Грузии, бой всадников на пиках — сайрыш — у киргизов, а поединки на вздыбленных лошадях — чихчила айса — предпочитали абхазцы. Шведские рыбаки соревновались в беге по веслам за бортом идущего судна,* в ходьбе по борту корабля или по узкому бревну во время качки.

Стрельба из лука была распространена почти повсеместно. Везде были свои Робин Гуды. Поразительной меткостью обладали сибирские охотники. Историки отмечают, что некоторые следопыты тайги в состязаниях лучников могли вторым выстрелом расщепить стрелу, пущенную ими же. А уж белку, другого пушного зверя они били только в глаз, чтобы не портить шкурку.

Современный спорт во многом вытеснил народно-национальный. Заповедные уголки народной физической культуры в наше время очень малочисленны и в основном находятся в тех местах, где бережно охраняют старинные обычаи.

На одном из островов архипелага Малые Гебриды до сих пор существует традиция инициации, то есть посвящения в мужчину. С этой целью юноша обязан прыгнуть с верхушки тридцатиметровой пальмы вниз головой. Для страховки его ноги привязываются длинной лианой к верхушке дерева с таким расчетом, чтобы внизу его голова лишь немного не доставала до земли. В случае отказа от такого испытания юноша изгоняется из деревни в лес до следующего года, когда он может повторить попытку стать настоящим мужчиной.

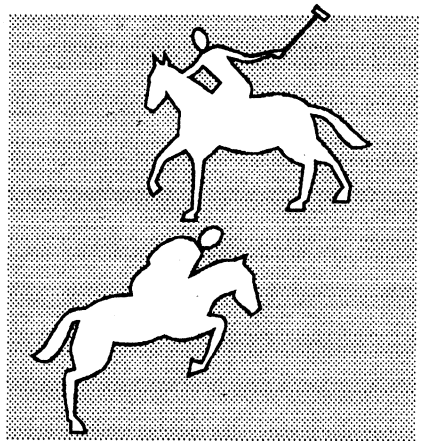
В древние времена обычай инициации был широко распространен. Народ ревностно следил за тем, чтобы его потомки, наследники всех его дел, достигая совер-

шеннолетия, были готовы к тяжелому труду, были умелыми, смелыми, способными защитить свою семью, свой род, свою родину. У чукчей, например, по достижении восемнадцати лет юноша подвергался ряду труднейших испытаний, в одном из которых ему надо было увертываться от тупых стрел, летящих в него со всех сторон.

В настоящее время в нашей стране народный спорт широко развит лишь на Севере. Соревнования по северным видам народного спорта не только многочисленны, зрелищны, но и имеют достаточно высокий спортивный уровень. Рекорд Якутии в прыжках кылы (с разбега одиннадцать прыжков на одной ноге) равняется 44 м 53 см! Каждый прыжок свыше четырех метров... И это в национальной одежде, а не в трусах и шиповках.

Прыгают через нарты, расставленные через полметра друг от друга, отталкиваясь двумя ногами одновременно и без поддержки. Таким способом преодолеваются 200 и более нарт. Высоких результатов достигают северные спортсмены в метании топора. У лучших из них снаряд летит свыше 150 м. Есть чаут, чаат, тынзян. Опытный пастух на бегу набрасывает аркан на рога таким образом, чтобы олень не вырвался и в то же время не получил травму. На Чукотке почти каждый мальчишка может арканом поймать подброшенную вверх консервную банку.

Слов нет, современный классический спорт обладает огромной притягательной силой и его значение трудно переоценить. И в то же время, не надо забывать об истоках — народной физической культуре — тем более, что многие ее элементы и в настоящее время не утратили своего значения и привлекательности. ■

Рядом, но сами по себе...

Фото Андрея ПОРУБОВА

FELIS CATUS (ФЕЛИС КАТУС) — именно так назвал в 1758 году домашних кошек Карл Линней. Домашние мурлыки входят в семейство Настоящих кошек и связаны родственными узами с тиграми, львами, леопардами, пумами, рысьями и дикими кошками.

Происхождение Фелисов катусов вызывает всяческие разногласия. Часто фелинологов (фелинология — наука о кошках) выводят домашнюю кошку от дикой нубийской или ливанской. Сторонники европейского происхождения в прародители пророчат дикую лесную европейскую кошку. Чисто внешне более симпатична последняя. Ливийская короткошерстная, поджара, длиннонога и выглядит сильно исхудавшей. Дикая европейская кошка более презентабельна: она крепка и мохната. Но это — как на чей вкус.

История одомашнивания кошки оставила свой след в мифологии. Кошачей натуре наиболее соответствует староиндийская версия приручения.

Кошка прокралась к человеку за огнем, чтобы обогреть своего занемогшего брата — тигра. Увидев у человека вкусные рыбу и рис, кошка немедленно их съела, затем набрала угольков и спасла тигра от лихорадки. Но, в силу меркантильности природы, тут же заявила последнему, что уходит жить к человеку, у которого всегда тепло и есть еда.

Кошку одомашнили гораздо позже, чем собаку и скот, но когда это произошло конкретно — неизвестно. Дело в том, что по останкам, которые находят археологи, почти невозможно отличить кошку домашнюю от дикой. Так что о появлении первых пород домашних кошек существует много легенд, но мало научных фактов.

По свидетельству греческого историка Геродота египтяне уже пять тысяч лет назад имели прирученных животных.

В древнем Египте кошки катались как сыр в масле. Если бы у мурлык были историки, то блаженное существование Фелисов катусов во времена фараонов они смело назвали бы «золотым веком».

Египтяне считали кошку священным животным богини Бастет, которая олицетворяла радость, веселье, жизнелюбие. Богиню изображали очаровательной стройной женщиной с кошачьей головой. Город Бубастис под Мемфисом в Нижнем Египте был центром культа Бастет. Чтобы обратиться к богине, египтянин обривал часть головы своего ребенка и относил постриг в храм богине. И не только постриг, а еще и равное ему по весу количество серебра. На это серебро закупали пищу для кошек, в изобилии обитавших в храме.

Археологические данные по поводу расселения кошек по белу свету весьма противоречивы. Египтяне решительно запрещали вывоз домашних кошек за пределы страны. Но римляне, натурально, выкрадывали их для целей религиозных — как культовых животных, для хозяйственных надобностей — как истребителей кротов и мышей, для эстетики — как милых модных домашних животных.

Во времена Римской империи как самые удачливые и дерзкие кошачьи контрабандисты прославились греки. Кошка в качестве мышиного воителя оказалась несравненно лучше ручных змей и хорьков.

В средние века кошки подвергались гонениям. Они считались неизменными спутниками колдунов. В булле папы Григория IX (1233 г.) активным участником шабаша упоминается, например, безымянный черный кот.

Подозрения в чародействе навлекли на несчастных животных большие неприятности: их сжигали, забивали камнями, замуровывали заживо, подвергали пыткам. Например, некие умельцы изладили «кошачий орган», в котором при нажатии клавиш заземлялись хвосты кошек, пристроенных при инструменте. Кошачий геноцид давал волю крысам, которые разносили всяческую заразу, в том числе и бич средневековья — чуму.

Но даже в мракобесные средние века был для европейских кошек островок вдохновения. В островном государстве Англия еще в 936 году был принят закон о защите кошек. Его издал владетельный князь Южного Уэльса Хауелл Додд. По этому закону владельцы животных выплачивали налог зерном, а обида, нанесенная кошачьему племени, каралась.

Любовь к кошкам смело можно назвать одной из составляющих английско-го менталитета. Это подтверждает даже

статистика — сейчас по величине «кошкораспространенности» на одну отдельно взятую семью, Англия занимает первое место в Европе.

Только в Англии кошки состоят на государственной службе. В штате почтового ведомства с 1868 года есть несколько кошачьих ставок. В трех почтовых отделениях честно работают кошки-мышеловки, зарабатывая в поте мордочки 1,5 фунта стерлингов в месяц. А в Британском музее уже около двух веков служит «кошачья рота» в составе шести рядовых «служащих». В год каждому рядовому на содержание выделяется 50 фунтов и бесплатное обмундирование — желтый бант на шею. Но кормят их не каждый день, чтобы истравно служили и уничтожали мелких грызунов, посягающих на национальное сокровище Великобритании.

Кстати, в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге с XVIII века до 1917 года содержались 300 кошек для «перевода мышей».

Недаром именно английские писатели создали самые сильные кошачьи образы в мировой литературе. Киплингская кошка, которая гуляет сама по себе... Кошки Джерома Клапки Джерома, Дональда Биссета, Памелы Треверс... И, естественно, неподражаемый Чеширский Кот Льюиса Кэрролла, который всегда улыбается.

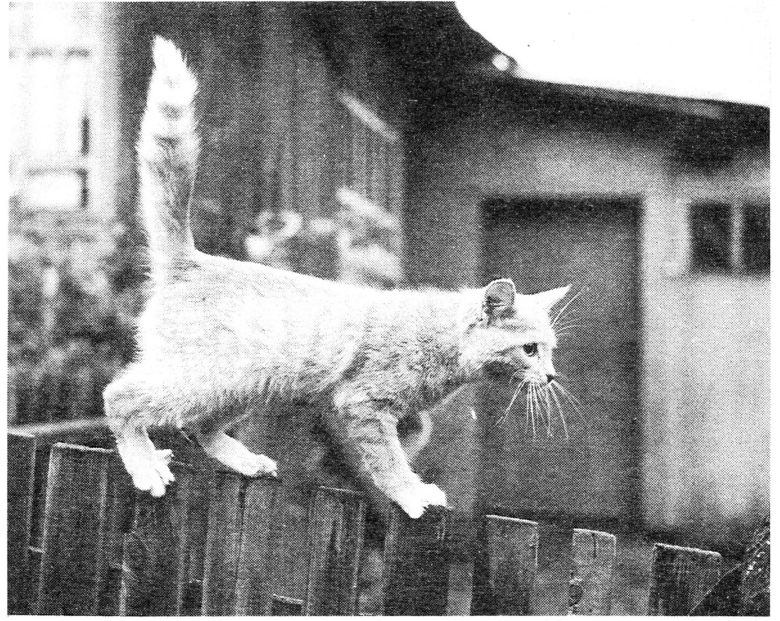
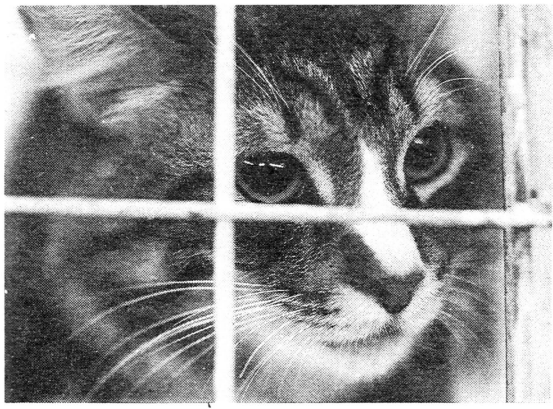
Вполне естественно, что самая первая кошачья выставка была проведена именно в Англии. Ее организовал фелинолог Гаррисон Уэйр 16 июля 1871 года. Он же установил количество классов и степеней превосходства.

Где берут кошек? Лучше всего обратиться в клуб любителей. В Екатеринбурге их несколько: «Алиса», «Грация», два одноименных «Леопольда» и элитный клуб «Элеур». Работа в клубах ведется в нескольких направлениях: это племенная работа с породистыми кошками, выявление животных, подходящих под мировые стандарты, работа с домашними беспородными кошками и ветеринарное обслуживание.

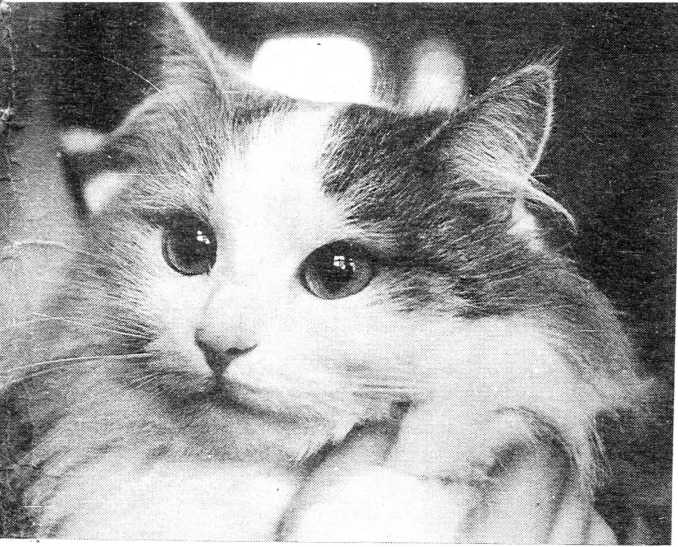
Еще одно направление работы клубов любителей кошек — выставочная деятельность. Выставки бывают экспертные и коммерческие — шоу-выставки.

В Екатеринбурге еще ни разу не проводились открытые выставки — только клубные. Но наши клубы любителей кошек существуют в среднем еще только около двух лет, и у них еще все впереди — перспективы неограничены для тех, кто любит кошек — полезных, любящих, преданных, чистоплотных, сравнительно невысокотельных, психологически высокоразвитых, интеллигентных, красивых млекопитающих.

«...Но все же я, кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе».

Одно из направлений работы клубов любителей кошек — выставочная деятельность. На шоу-выставке клуба «Грация».

По преданию индейцев из Аризоны дикую кошку одомашнил и укротил маленький мальчик

Ищу народ

В Усть-Багаряке с незапамятных времен живут татары мусульманской веры. Держатся друг друга. Шибко трудолюбивые. В достатке живут, чистюли. Отчаянные, чуть что, лучше не связываться. О себе особого мнения: да, мы — татары, но какие-то не такие...

Читайте этнографический детектив Александра Моисеева «Ищу народ».

Обитель

31 декабря 1809 года императорским указом Святейшему Синоду в Екатеринбурге учреждена общежительная женская обитель с наименованием «Ново-Тихвинской». Настоятельницей новой обители стала Татьяна Митрофановна, постриженная в монахини под именем Таисии.

Очерк Ю. Злотникова «Обитель» впервые воссоздает историю Екатеринбургского девичьего монастыря.

ТОБОЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ. Слайд Алексея НАГИБИНА, фотохроника «РЕПОРТЕР».

Кандалы Петра III

Сын купеческий Петр Хрипунов с дружиной сотоварищей развезжал по Сибирской губернии, навеличивая себя императором Российским. Самозванство нужно ему было для того лишь, чтобы именем императора наказывать обидчиков народа...

О самозванце — очерк Владимира Жерновникова «Кандалы Петра III».